

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА**

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть III

Москва 1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть III

(доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

Редакционная коллегия:

И. А. Грязневич, Г. А. Зограф, Е. И. Кычанов, Ю. А. Петросян
(председатель), Э. Н. Темкин

Ответственный редактор:

А. Б. Халидов

Оглавление

Предисловие А.Б.Халидова	4
1. О.Г.Большаков. Бухара времени Ибн Сины	6
2. А.Б.Халидов. Материалы к изучению творческой биографии и научного наследия Ибн Сины	24
3. А.Т.Тагирджанов и О.Б.Фролова. Рукописи сочинений Ибн Сины в Библиотеке Ленинградского университета	78
4. А.Б.Халидов. Рукописи трудов Ибн Сины на арабском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР	82
5. А.Т.Тагирджанов. Рукопись комментария ал-манави к касыде "Ал'айнийя" Ибн Сины	95
6. В.Г.Ахведиани. фонетический трактат Авиценны	101
7. В.А.Лившиц и Л.П.Смирнова. Язык Даниш-нама и роль Ибн Сины в развитии персидско-таджикской научной терминологии	115

Предисловие

Семь статей, вошедших в настоящий сборник, — очень скромная дань заслугам Ибн Сины перед наукой и человечеством.

Нашему современнику нелегко перенестись на тысячелетие назад и представить себе, каким был тогдашний мир и какою была тогда наука. Особенно трудно, наверное, понять, почему взрастившая Ибн Сину Бухара, которую мы ныне знаем как областной центр Узбекской ССР и которая в досоветском прошлом (в конце XIX — начале XX вв.) нередко служила символом отсталости и мракобесия, на рубеже X—XI вв. была столицей весьма просвещенного государства, одним из самых больших и значительных городов тогдашней ойкумены. Открывающая сборник статья О.Г.Большакова, основывающаяся на сведениях первоисточников и результатах новейших археологических исследований, освещает историческую топографию и социальную структуру Бухары X в., ученую среду, характер ее образованности и роль в обществе.

Статья "Материалы к изучению творческой биографии и научного наследия Ибн Сины" содержит краткую сводку сохранившихся до нашего времени обширных сведений о жизни и деятельности этого замечательного врача и философа. Основное внимание уделено тому, что представляется наиболее достоверным, содержится в старинных арабских биографических сводках ал-Байхаки, ал-Кифти, Ибн Абй Усайб^и; данные этих источников XII—XIII вв. восходят к письменным сообщениям ал-Джузджани, ученика и помощника Ибн Сины, который цитировал также воспоминания самого учителя о раннем периоде его жизни. Свидетельства биографических трудов дополнены в статье данными, которые удается извлечь из произведений Ибн Сины, из их названий, вводных и заключительных замечаний, из колофонов ранних рукописей. Следует учитывать, что в источниках и в исследовательской литературе содержатся весьма различные данные о числе, составе и датировке произведений, принадлежащих Ибн Сине. Относящиеся к теме материалы охвачены в статье разносторонне, с учетом публикаций и исследований последних лет, в частности, надежно обоснованного био-библиографического труда иранского ученого Йахьи Махдави. Тематическая группировка произведений Ибн Сины, известных в рукописях или только по упоминаниям, прояснила их внутреннее соотношение и позволила получить наглядную картину его научного наследия.

Остальные статьи освещают частные проблемы, связанные с изучением творчества Ибн Сины.

Три из них вводят в научный обиход сведения о рукописях из ленинградских собраний — копиях сочинений Ибн Сины, их переработок и переложений или комментариев на них. В статье А.Т. Тагирджанова и С.Б. Фроловой (Ленинградский гос. университет) кратко охарактеризованы 9 рукописей трудов Ибн Сины, хранящихся в восточном отделе Научной библиотеки ЛГУ; статья раскрывает также содержание нескольких малых медицинских трактатов Ибн Сины. Следующая статья дает идентификацию и описание 27 рукописей сочинений Ибн Сины из собрания Института востоковедения АН СССР, распределенных по тематическим рубрикам. Статья А.Т. Тагирджанова приводит хронологический перечень авторов, составивших комментарии на знаменитую изящную казиду "О душе", которая считается принадлежащей перу Ибн Сины, хотя и не упоминается в ранних источниках; эта статья завершается детальным описанием рукописи (из собрания ЛГУ) одного из таких комментариев, сочиненного в XIII в.

Статья В.Г. Ахмеджани (Тбилиси) показывает, что в своем небольшом трактате, посвященном вопросам артикуляции звуков речи, Ибн Сина выдвинул ряд оригинальных положений, важных не только для истории арабского языкознания, но и для многих проблем общей фонетики. Примечательно, что некоторые идеи и выводы Ибн Сины лежат в русле развития современной лингвистики.

Сборник заключает статья В.А. Лившица и Л.П. Смирновой об источниках формирования, составе и морфологической структуре терминологической лексики в труде Ибн Сины Дәһһи-нәһма — первом известном нам философском сочинении на языке парси. В статье показано, что Ибн Сина хорошо понимал основные тенденции развития лексики родного языка (который в X-начале XI в. только начинал употребляться в научной прозе), широко использовал в Дәһһи-нәһма арабскую терминологию и, особенно, кальки с арабских терминов, а также обнаружил глубокое знание унаследованных моделей словообразования парси, которые восходят еще к среднеперсидскому языку сасанидской эпохи.

БУХАРА ВРЕМЕНИ ИБН СИНЫ

Время Ибн Сины замыкает собой два века стремительного взлета науки на Ближнем и Среднем Востоке, которые А.Мец соблазнился назвать "Ренессансом ислама". В самом деле, трудно удержаться от громких эпитетов, говоря об эпохе, когда в Средней Азии одновременно жили два таких титана, как Ибн Сина и ал-Бируни, но при этом следует учитывать, что именно в это время начинается перелом в интеллектуальной жизни общества, начало ее упадка, из-за которого в течение нескольких последующих веков здесь не появилось ни одного значительного ученого.

Упадок естественных и точных наук после XI в. характерен для всего мусульманского Востока, и его объясняют усилением религиозной идеологии, враждебной точным наукам; однако сами причины ее усиления требуют глубокого анализа. Для этого необходимо учесть сложный комплекс социальных, экономических и идеологических проблем. Отсутствие единой обязательной позиции, определявшейся в христианстве постановлениями соборов и папскими посланиями, допускало в мусульманском мире значительное разнообразие точек зрения, выраженное порой в таких нюансах, которые мы часто не в состоянии адекватно воспринять и оценить.¹ Резкие оценки и обвинения в неверии, встречающиеся в средневековой религиозно-философской полемике, не всегда можно принимать за господствующее мнение. Словом, для понимания того, как формировались научные убеждения и интересы ученого той эпохи, нам не достает всестороннего знания характера ее духовной жизни.

Даже в случае с Ибн Синой, располагая редчайшим документом — записью его рассказа о первой половине жизни, сделанной его верным учеником ал-Джуаджани,² мы остаемся в неведении, что случайно и что закономерно в его научной биографии, какие именно научные свершения воспринимались им и его современниками как открытия.

Во многих исследованиях жизни Ибн Сины подчеркиваются его атеизм и враждебное отношение к нему мусульманских ревнителей веры. Но был ли Ибн Сина подлинным атеистом, или только казался таким наиболее рьяным поборникам благочестия? Ответить на это можно только зная систему представлений значительной части мусульманских ученых, ибо резкие обвинения и преследования были

уделом не столько атеистов, сколько инаковерующих. Что же касается Ибн Сины, то даже крупнейший критик его философских взглядов, ал-Газали, не мог упрекнуть его в безверии и лишь осуждал за употребление вина.³

Вопрос о религиозных убеждениях Ибн Сины, как и многие другие неясные вопросы его жизни и творчества, еще ждут обширного исследования, мы же ограничимся в данной статье более скромной задачей: попытаться представить некоторые стороны жизни Бухары в последние 20 лет правления Саманидов, когда Ибн Сина сформировался как личность и ученый.

Как известно, Абдаллах, отец Хусейна Ибн Сина, был малым чиновником, скорее всего по финансовому ведомству, что не пользовалось уважением благочестивых мусульман, но давало средства для безбедного существования. Послужив в Бухаре, он получил самостоятельный пост в селении Хурмитан, а затем, женившись, переселился в административный центр округа, городок Афшину, где и родился Хусейн.

Афшина относилась к числу бывших диоканских резиденций, которые с возвышением Бухары после арабского завоевания постепенно утрачивали прежнее политическое значение (подобно Вардане, Рамитану и Варахше), превращаясь в захолустные административные центры. Наиболее подробные сведения о ней мы находим у Наршахи: "Афшина. Имеет большой шахристан и мощную городскую стену;⁴ ей подчинен округ. Один день в неделю в ней бывает базар. Обработанные земли и пустоши этого селения являются вакфом ищущих знания...⁵". Спустя сорок лет ал-Мукаддаси считал возможным сказать о ней всего несколько слов: "Афшина. В западной части /оазиса/ много газиев,⁶ обширный круг; чистая"⁷. Мукаддаси считал Афшину городом, но сам Ибн Сина, вспоминая ее, называл "селеньем".

В этих маленьких городках причудливо переплеталась согдийская старина и мусульманская новь. В Афшине стояла мечеть, построенная Кутейбой ибн Муслимом, привлекавшая богомольцев даже из Бухары⁸, а в окрестных городках, (и, быть может, также в Афшине) открыто справляли домусульманские праздники⁹, а кое-где арабский и персидско-таджикский язык еще не вытеснили согдийский¹⁰.

Бухарский оазис занимал своеобразное положение: он был старым оплотом ислама, расположенным казалась бы в самом сердце мусульманской Средней Азии, а в то же время на его границах

шла непрерывная борьба с кочевниками-язычниками. Укрепление государства при Исмаиле Самани, позволившее последнему отказаться от поддержания стены вокруг оазиса и произнести знаменитую фразу "Я - стена Бухары", не означало прекращения этой борьбы. Вокруг Пайкенда по крайней мере до середины X в. в крепостях-рибатах несли караул газии¹¹. Все это поддерживало особую воинственность духа бухарских мусульман.

Около 984 г. семья Ибн Сина переехала в столицу. Поскольку отец, по-видимому, не занимался ремеслом или торговлей, то такой переезд должен означать, что ему удалось получить место в центральном ведомстве. Не исключено и то, что он хотел дать детям лучшее образование, чем его можно было получить в провинциальном городке.

Саманидская столица в ту пору была одним из крупнейших городов Средней Азии и превосходила по величине многие знаменитые города Ближнего Востока, такие как Дамаск, Иерусалим и даже Александрия. Подробные описания Бухары у Наршахи и ал-Истахри позволяют достаточно хорошо представить облик города детских и юношеских лет Ибн Сина¹².

Ядром города был домусульманский шахристан, расположенный на высоком холме, образованном многовековыми наслоениями, пересеченный накрест двумя основными магистральями. Такие перекрестки, называвшиеся Чахарсу (Чорсу) или по-арабски "мурабба'а", обычно были центром торговой жизни города, но в Бухаре основные базары находились на юге и юго-востоке от шахристана. Холм древнего шахристана и сейчас отчетливо заметен, особенно его западный склон обращенный к Арку, а на перекрестке в XVI в. был построен купол Таки Заргаран.

Торговая аристократия, менялы, торговцы пряностями и тканями располагались на юг от шахристана, между сохранившейся до наших дней мечетью Магаки Аттари и куполом Таки Саррафан ("купол менял"). Далее на северо-восток шли обувные, зеленные и другие менее значительные торговые ряды¹³.

Другим оживленным местом Бухары был район от юго-западного угла шахристана до Регистана (сохранившего название до наших дней), где находился дворец Саманидов, присутственные места (диваны), соборная мечеть и государственная ткацкая мастерская (тир-рәз), возможно, что здесь же были и лавки книготорговцев, которые упоминает Ибн Сина¹⁴.

На восток от шахристана, между ним и позднесредневековым кладбищем Нурабад, находился аристократический район Кушки Мутан ("замки магов"), в котором до конца IX в. в замках среди садов жили потомки джханов, выселившихся из города после прихода арабов и долго сохранявших верность зороастризму. При Саманидах его облюбовала новая знать и гвардейцы-гулямы, платившие огромные деньги за удовольствие и честь жить в этом районе — до 4000 дирхемов за дюфти гов.¹⁵ О прежних обитателях в конце X в. напоминали только названия "Кушки мутан", "Сикка мутан" (Улица магов), Ворота улицы магов и Квартал джханов¹⁶.

Центральную часть города, прилегающую к шахристану, охватывала стена, сооруженная в 849–50 г. Местоположение некоторых из ее XI ворот обозначено древними кладбищами¹⁷, но сведения письменных источников настолько неясны, что провести с уверенностью ее контур не представляется возможным, а иногда даже высказывается сомнение в ее существовании.¹⁸

При Саманидах Бухара значительно выросла. Новая стена (письменные источники молчат о времени ее строительства), по свидетельству ал-Истахри, охватывала территорию в полфарсаха,¹⁹ что у средневековых авторов при приблизительной оценке размеров городов обычно соответствует не 3, а примерно 2, (а то и меньше) км. Действительно, от западной границы города, проходившей вплоть до XVI в. по линии проспекта Хлебон, образовавшегося после сноса стены²⁰, до восточной, проходившей восточнее мадресе Каллабад²¹, несколько более 2 км. На севере и на юге границы Бухары примерно совпадали со стеной позднесредневекового города.²²

В этих пределах Бухара занимала площадь около 375 га, вмещающая примерно 40–50 тыс. жителей.²³ Но это население распределялось очень неравномерно: на периферии было много садов, а в центре, в шахристане, куда не доходили каналы, дома стояли сплошными массивами без всякой зелени и даже без дворов, как в Самарканде того же времени²⁴.

По счастливому для нас совпадению почти в те же годы, когда семья Ибн Сины переселилась в столицу, Бухару посетил замечательный арабский географ ал-Муаддаси, оставивший красочное ее описание.²⁵

"Нумуджас — столица Бухары.²⁶ Он напоминает Фустат гнильностью и чернотой почвы и обширностью базаров и похож на Дамаск постройками и окрестностями, и теснотой домов и многочисленностью балконов. Он расположен на равнине, каждый день увеличивается, и не видел я в неарабских странах более застроенной и более густо

населенной медины. У нее семь ворот, обитых железом: ворота Нур, ворота Подкона, ворота Железные, ворота Кухендиза, ворота Бану Са'д, ворота Бану Асад, ворота Медины. А за ней находится кухендиз,²⁷ которым владеют правители, в нем их сокровища и темницы. У него двое ворот: ворота Равнины и ворота Соборной мечети. А соборная мечеть находится в медины, в ней несколько чистых дворов, все эти дворы и все его мечети - великолепны, а все базары - приятны.

А у расада - 10 ворот /даро/²⁸: даро ал-Майдан, даро Ибрахим, даро Мардакман, даро Калабаз, даро Наубахар, даро Самарканд, даро Фегаскун, даро ар-Рамисания, даро Хадшарун, даро Гушадж и тянется от них застройка. А внутри их другие 10 дарбов, которые были застроены в древности, названия которых из них различны.

А царский дворец находится на равнине лицом к кухендизу и спиной к кибле.²⁹ И не видел я в странах ислама портала величественнее и внушительнее, чем портал /этого дворца/. И нет в этой стране /идлим/ города более застроенного и более беспокойного для его жителей, чем этот.

Он благословен для того, кто стремится в него, добычливый для того, кто ищет в нем пропитания, добрый к тому, кто живет в нем. В нем кушанья приятные и бани опрятные, и улицы широкие, воды пресные, а постройки прелестные. Он - друг в пропитании и средствах существования, в нем много фруктов и ученых собраний. Сообщества их поразительны, а у простого народа есть знание фихка и воспитанность. В нем много подвижников и мало невежд. Он - местопребывание царей ислама и средоточие основательных ученых, обучают там только факихи и комментаторы Корана. Не увидишь в нем сборщика податей и торговых сборов. Они /жители/ наслаждаются справедливостью султана и пользуются безопасностью и благодеяниями.³⁰

Но только дома в нем тесные, пожары частые, он вонючий, блошиный, то жаркий, то холодный; колодцы соленые, каналы порицаемые, отхожие места отвратительные, характер дикий, жилища дорогие, тьма³¹ дуньяне, бедрастия явная. Он - нужник этого края и самый тесный из городов Востока.³² Приезжают в него люди, открыто нарушающие мораль, скверные в общении,³³ не уважающие общину, и появляются там слуги, которые надевают шелк и парчу, носят из золотых и серебряных сосудов и пренебрегают делами веры.³⁴

Этот облик богатого и грязного, гордого своей славой и неудобного для жизни города Бухара сохранила до начала XI в. Разница, по-видимому, была только в том, что в X в. сюда стекалась обильная масса денег, чем при последних бухарских эмирах, так как Саманиды распорядились значительно большей территорией. Эти деньги, превращавшиеся в жалование армии и чиновничества, сулили торговцам и ремесленникам надежные заработки и высокие прибыли и привлекали сюда искателей карьеры.

Многочисленность населения способствовала дифференциации его деятельности, узкой специализации торговли и ремесла. В крупнейших городах, таких как Капр-Фустат и Багдад, насчитывалось более двухсот различных профессий (включая сюда всякого рода обслуживающую деятельность, вплоть до гадалщиков и толкователей снов). Наиболее массовые ремесла и виды торговли имели свои специализированные базары, по которым иногда назывались кварталы и целые районы города, но, по-видимому, нигде не было жилых кварталов, заселенных представителями одной профессии.

Насколько мы можем судить об облике среднеазиатских городов этого времени по археологическим данным, процесс обособления кварталов, сворачивания их вовнутрь, спиной к улице, еще только начинался. В центре города дома, почти не имевшие дворов, выходили прямо на улицу, но на окраинах с более свободным расселением и более замкнутым образом жизни обособление отдельных групп домов могло начаться раньше, особенно у иноверческого населения. Интенсивность образования самодовлеющих кварталов зависела от степени безопасности в городе: чем беспокойнее была жизнь, чем чаще приходилось прибегать к самообороне, тем быстрее они обособлялись.

Бухара при Саманидах, кажется, не знала острых внутригородских распри. Ал-Мукаддаси, говоря о борьбе территориальных и религиозных группировок горожан во многих городах Хорасана и Средней Азии, обходит Бухару молчанием. Видимо, господство суннитов было настолько подавляющим, что его никто не пытался оспаривать.³⁵ Это не значит, конечно, что в Бухаре не было острых социальных конфликтов, они до поры сглаживались привилегированным положением жителей столицы. Слова ал-Мукаддаси, что в Бухаре не увидишь сборщика торговых налогов, вряд ли случайны, за ними скрывается особая политика Саманидов в отношении жителей столицы.

По представлениям мусульманских правоведов, с торговцев-мусульман полагалось брать только закат, благотворительный сбор в пользу нуждающихся, в размере 2,5 %, сбором и расходованием

которого должны вестись не государственные чиновники, а кади или иной представитель общины. В действительности же всегда существовали различные другие обзоры, представлявшиеся горожанам несправедливыми и незаконными. Тот же ал-Мукаддаси отмечает, например, очень высокие торговые сборы в Иерусалиме. Саманиды, как видно, обходились без такого обложения и тем обеспечивали себе долгое время благосклонность населения страны.

Бухара, как и другие города мусульманского мира, не имела органов самоуправления. Все стороны жизни города вплоть до организации торговли контролировались и управлялись государственным аппаратом, а благоустройство всецело зависело от благотворительности государя или городских богачей. Так, при ал-Мукаддаси ремонт ирригационных сооружений в Бухаре, разрушенных паводком, взял на себя известный хадисовед Абу-л-Аббас ал-Йаздади.³⁶ Обычно организатором важнейших работ в городе становился кади, который и в других случаях оказывался высшим представителем горожан перед властями. В более позднее время во многих городах Хорасана упоминаются старшины города, райсы, из числа почтенных горожан, утверждаемые на этом посту государством, но их функции и пределы власти остаются неясными.

В этих условиях в мусульманских городах была очень велика роль лиц, которых современные социологи называют неформальными лидерами. Основная масса их происходила из среды мусульманских правоведов и богословов.

Называть их "мусульманским духовенством" можно только очень условно, так как большинство мусульманских priests и богословов сочетало свои занятия религиозными науками с торгово-ремесленной деятельностью, не составляя особого сословия³⁷. Истолкование догматов религии и этико-правовых установлений принадлежало не государственным и церковным учреждениям, а неслужащим горожанам, частным лицам, знания которых в области религиозных наук признавались окружающими достаточными для вынесения собственного суждения. Неофициальность их мнений особенно импонировала собратьям по классу. Парадоксальность мусульманского права состояла в том, что государство теоретически не имело законодательной власти и роль неофициальных лиц, частных правоведов-факихов могла быть выше, чем государственных деятелей.³⁸

Все столпы шариата были горожанами, торговцами и ремесленниками, поэтому все этико-правовые сочинения наполнены апологией торгово-ремесленной деятельности как единственного честного способа приобретения средств существования, в противоположность ка-

лованию на государственной службе³⁹. Достижение материального достатка, необходимого для независимости мнения и не омраченных заботами размышлений о религии, возводилось ими в ранг религиозной обязанности. Обычных для феодальной этики проблем соотношения обязанностей вассала и сизерена для факхов-горожан вообще не существовало. Шархат, с известными оговорками, можно считать идеалом горожан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе против феодальных правителей. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шархатом. Все разногласия многочисленных школ и направлений суннизма и шиизма лежали в сфере обрядности, теологии и проблемы наследования духовной власти над общиной, мало затрагивая социально-экономическую сторону правового учения. По-видимому, даже исмаилизм, которому остальные мусульмане (а за ними и некоторые современные историки) приписывали отвержение шархата, не имел в этом отношении существенных отличий.

Влияние мусульманских ученых определялось их организующим родством с теми группами городского населения, из которых они вышли. Завоевать их значило завоевать сердца горожан. Саманиды прекрасно понимали это и оказывали им всяческое внешнее почтение. "К их обычаям относится то, что они не заставляют людей знания⁴⁰ целовать землю. В течение всего месяца рамадана они по вечерам устраивают собрания для диспутов в присутствии султана. Он начинает, задает вопрос, а затем его обсуждают ... У них нет обычая устраивать трапезу простонародью, но когда хотят оказать честь кому-нибудь, то вазир, который управляет делами, сажает его за стол с ними, как это сделали с Абу-л-Аббасом ал-Йавдади.⁴¹ А иногда в важных случаях они беседуют с посланцами, как беседовали с шейхом Абу Салихом, когда послали его к Абу-л-Хасану Главнокомандующему.⁴² Они всегда выбирают самого сведущего в фикхе, какой есть в Бухаре, и самого благочестивого, возвышают его, спрашивают его мнения, удовлетворяют его нужды и ведут дела так, как он скажет, - такого, как шейх, славный именем Мухаммад ибн Фадл⁴³".

Очень часто занятия фикхом становились семейной традицией и возникали настоящие династии. В Бухаре IX-X в. большим авторитетом пользовались три поколения рода Абу Хафса, получившего эпитет Великий. Его сын Мухаммад сыграл важнейшую роль в создании общественного мнения в пользу приглашения Исмаила Самани в Бухару⁴⁴, а его внук упоминается в 30-х годах X в. как важнейший

авторитет в делах правоверия⁴⁵. Некоторые факихи меняли за свою жизнь несколько должностей. Так, Абу Наср Мансур ал-Харби, упоминаемый среди почтеннейших бухарцев своего времени⁴⁶, был сначала кади Ферганы, затем помощником градоначальника (хакима) Нишапура, а после смерти Мухаммада ибн Фадла стал мухтасибом Бухары⁴⁷.

В конце концов такие деятели сливались с бюрократией и переставали быть выразителями мнения среднего слоя горожан, но на смену им из среды горожан поднимались новые знатоки религиозной истины, авторитет которых в глазах горожан не уменьшался из-за отсутствия громких титулов, ибо уважалось знание, с нашей точки зрения, схоластическое и никчемное, но составлявшее важнейшую часть духовного существования людей той эпохи. Поставить передачу религиозных знаний под контроль государства удалось лишь в следующем столетии созданием широкой сети специальных высших школ — медресе.

Отношения между Саманидами и властителями дум горожан, не всегда были идеальными. С одной стороны, государи, оказывая им знаки внимания, считали возможным обходиться без их услуг: например при ал-Мукаддаси в отсутствие проповедника в соборной мечети Бухары хутбу провозглашал начальник полиции. С другой стороны, официально утвержденные лица теряли для горожан прежний авторитет. Это, как известно, сыграло решающую роль в последние дни Саманидов, когда Бухарцы не вняли призывам официальных хатибов помочь династии: "когда простой народ услышал это, то обратился к своим факихам и испросил фетву относительно участия в сражении и те запретили им это"⁴⁸.

Этот текст, впервые исследованный В.Р.Розеном, мы можем теперь понять несколько конкретнее, чем прежде. Сейчас выясняется, что горожане были не просто неорганизованной массой с оружием, а имели особую вооруженную организацию аййаров (или фит-йан), которых прежде считали просто разбойниками и бродягами. Как оказалось, звание аййара считалось почетным и понятие "аййари" (аййарское поведение) было равнозначным рыцарственности⁴⁹. Аййары в Хорасане в XI в. упоминаются довольно часто, а в Саманидское время в Бухаре они названы лишь однажды, в связи с восстанием 930 г., когда их выпустили из тюрьмы. Сейчас в нашем распоряжении появилось еще одно и очень интересное свидетельство официального признания организации аййаров в Бухаре.

В опубликованной 20 лет назад, но еще мало известной у нас

антологии диковинных событий, "Китаб аз-заха'ир" ар-Рашида ибн Зубайра, сохранился полуполюгендарный рассказ о приеме в 327/939 г. в Бухаре Насром II посольства из Китая. Сюжет его таков: Насру поступил донос на какого-то нишапурского безбожника, его привезли в Бухару и поручили внуку Абу Хафса разобратъся в его убеждениях; обвиняемому удалось бежать в Китай, стать там вазиром и убедить императора, что мусульманские страны легко завоевать; император направил посольство с провокационным требованием заплатить дань за 27 лет, но Наср устроил послам такой пышный прием и продемонстрировал столько войска, что устрешенные послы пососоветовали императору принять ислам, что он и сделал⁵⁰.

Перед нами, несомненно, сильно романтизированный во славу ислама рассказ о посольстве ко двору Насра II, с которым уехал на Дальний Восток Абу Дулеф; возможно, что в основе рассказа лежит неизвестный отрывок из его записки⁵¹. И.Ю.Крачковский относил это событие предположительно к 331/942 г.,⁵² но теперь его можно точно датировать концом 938-939 г.

Для нас важен лишь один эпизод: встреча посольства горожанами. Для встречи посольства в Кермине был послан отряд добровольцев /ал-мутавви/ во главе с факихом Абу-л-Аббасом Ахмадом ибн Абд ал-Вахидом,⁵⁴ а бухарцам было приказано украсить город. Послы проследовали до Бухары и переночевали в поле, "а когда они проснулись и посмотрели, то увидели, что весь мир колыхается волнами с шумом и гамом, и были вынесены знамена /бунуд/ Бухары, а их в Бухаре 1700 знамен, и вышло с каждым знаменем от 200 до 1000 человек. (Это - только знамен аййаров, не считая значков /алам/ газиев. ... Повезли их /послов - О.Б./ на конях, а город был уже украшен, разукрасили его от начала до конца шатрами из кусков шелка, покрытыми драгоценными тканями, и вышли женщины и мужчины, чтобы посмотреть на них. Когда они доехали до ворот города /мадина/, то их спешили и повели пешком через весь город /балад/, пока они не дошли таким образом до равнины у Нахр ал-мавали"⁵⁵.

В этом рассказе сквозь фантастический сюжет и гиперболы проглядывают очень достоверные детали первоосновы, которые невозможно было выдумать.⁵⁶ Полагаться на цифры этого сочинения невозможно,⁵⁷ однако сам факт участия отрядов аййаров со своими знаменами в высокотоужественной церемонии наряду с гвардией

и газиями не вызывает сомнения. Следовательно, ополчение горожан не было просто вооруженной толпой, а имело организованное ядро.⁵⁸ Можно понять, что отказ бухарцев поддержать Саманидов оказался роковым для династии.

Однако в ту пору, когда семья Ибн Сины переехала в Бухару, еще ничто не предвещало скорой катастрофы. Саманидский двор привлекал к себе искателей карьеры и деятелей литературы и искусства, которые в то время не могли существовать без меценатов. "И была Бухара в правление Саманидов средоточием славы и Ка'бой царства, собранием выдающихся людей эпохи, местом восхождения звезд образованности земли, ярмаркой замечательных ученых"⁵⁹.

Мы хорошо знаем, что саманидская Бухара являлась центром формирования новой литературы на языке парси и, действительно, стала "местом восхождения" нескольких классиков персидско-таджикской литературы, но все это было частным случаем более общего явления — словесность составляла основу придворного образования, с помощью которого можно было добиться жизненного успеха. Религиозные знания подразумевались сами собой, но большинство придворных нешло дальше необходимого минимума: изучения Корана и основ фикха, остальное было делом специалистов. В придворном обиходе требовалось другое: хорошие манеры, умение вести занимательную беседу, составить предельно лаконичное выразительное послание, основанное на игре слов или неожиданном повороте коранической цитаты⁶⁰. Хорошим панегириком и изобретностью канцелярского стиля можно было продвигаться в столице или добиться недурной должности в провинции, вроде начальника почты⁶¹, который получал то же жалование, что и наместник, но имел еще удовольствие присматривать за его благонадежностью.

В соответствии с этим строилась иерархия ценности наук. Все, что обеспечивало успех при дворе и входило в обязательное образование государей и аристократии: грамматика, стилистика, знание поэзии и истории, — ценилось выше, чем практические науки. Даже такой широко образованный человек, как Абу Хаййан ат-Таухиди, отдавал им предпочтение перед математикой⁶².

Только отдельные, наиболее широко образованные правители с природным влечением к науке в широком смысле слова выходили за рамки традиционных интересов и пристрастий. Тогда возникали такие грандиозные научные предприятия, как "Дом мудрости" ал-Мамуна в Багдаде и экспедиция по измерению градуса меридиана.

Но Саманиды не отличались особой любовью к этим наукам, хотя и собирали в свою библиотеку разнообразные книги по всем отраслям знания. Поэтому Бухара не привлекала к себе крупных математиков, астрономов или химиков. Если они и появлялись, то предпочитали искать более широкого поприща в других местах. Медицина также рассматривалась как обслуживающее ремесло, недостойное ни аристократа, ни особо благочестивого мусульманина. Показательно, что об одном из ученых саманидского круга, Абу-л-Хасане ал-Идриси, ас-Са'алиби пишет: "он занимался медициной и астрологией, но занятие, которое давало средства к существованию — его стихотворство"⁶³.

Общественное мнение широких городских слоев также прохладно относилось к математике и естественным наукам, остававшимся в лучшем случае безобидной забавой отдельных чудаков, вроде зеленщика, у которого Ибн Сина учился алгебре⁶⁴.

В исламе не было заложено враждебного отношения к определенным наукам и научным воззрениям, они формировались в соответствии со взглядами людей, разрабатывавших мусульманскую доктрину. А этими людьми, как мы уже говорили, были выходцы из среднего слоя торговцев и ремесленников, которые с активной недоброжелательностью относились ко всему непонятному и ненужному для них. Для них равно неприятным было и то, что они считали излишествами придворных, и необязательные для мусульманина занятия ученых. Естественно, что когда такие люди добивались до высоких постов или под их влияние попадали могущественные государственные деятели, то в их руках оказывались сильные средства воздействия на инакомыслящих. Именно так в мусульманском обществе, первоначально знавшем только запрещение идолопоклонства, постепенно сложилось отрицательное отношение к изображениям живых существ, поскольку для среднего слоя горожан живопись была таким же проявлением осуждаемой роскоши, как шелковая одежда у мужчин и золотая посуда.

Занятия языческими "греческими науками", ненужными для постижения божественных истин, стояли в глазах благочестивцев в одном ряду с такими прегрешениями, как игра в шахматы, пенье и слушание музыки, ношение шелковой одежды или занятие живописью. Но если они были не в силах запретить могущественным вельможам и их окружению отказаться от таких удовольствий, то создать атмосферу подозрительности и недоброжелательства к ученым, не имевшим обычно высокого положения в обществе, было несложно. И чем далее, тем более одиозными становились такие науки.

Приход Караханидов означал не только превращение Бухары из столицы большого государства в провинциальный центр (что само по себе должно было вызвать отлив части образованных людей, кормившихся при богатом дворе Саманидов), но и торжество ортодоксии. Бухарские факихи недаром отметили в своей фетве относительно войны с Караханидами их "хорошую веру"⁶⁵: турецкие ханы, сильно уступавшие Саманидам по культурному уровню, смотрели на местных богословов и факихов с куда большим почтением, чем прежние правители, допускавшие их до себя, но не подчинявшиеся. В новой ситуации факихи стали полными хозяевами общественного мнения.

В этих условиях занятия в Бухаре философией и логикой, особенно привлекавшими Ибн Сину, без могущественных покровителей становились затруднительными. К тому же у него, по всей видимости, не было состояния, достаточного для экономической независимости, а административная служба "у султана", о которой он сам глухо упоминает⁶⁶, оказалась неудачной⁶⁷. После смерти отца Ибн Сину уже ничто не удерживало в Бухаре. Ему не приходилось долго думать над выбором: искать покровительства у могущественного, но пренебрежительно относившегося к ученым Махмуда Газнави, или ехать к хорезмшаху, у которого собрался кружок талантливых ученых, близких Ибн Сине по взглядам — он выбрал второе.

Так кончился бухарский период жизни Ибн Сины, сформировавший его как мыслителя, и начались годы странствий, годы славн и преследований, взлетов и падений.

¹ Ср. разнообразные истолкования понятия "знание" мусульманскими учеными: Ф.Роузентал. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе, М., 1978.

² К этой записи восходят обе версии биографии Ибн Сины: см. *Tatimmat al-sayf al-hikma, ta'liq al-imam Zahir ad-din... 'Ali al-Bayhaqi, Lahur, 1351*; *Im al-Qifti's Ta'rih al-Nukata. Auf Grund der Vorarbeiten A.Müller's hrsg. J.Lippert. Leipzig, 1903.*

³ На это указывает А.В.Сагадеев, см. его примечание в кн.: Ф.Роузентал. Торжество знания, с.337.

⁴ В тексте *حصار*, что может означать и цитадель, и просто любую крепостную стену. У Наршахи при описании селений оазиса цитадель всегда называется *كندز*, а *حصار*, как несомненно является из описания Варданы (там же), — городская стена.

5 Та'рих=и Бухара, тасхих=и мударрис=и Ридайи, Тихран /I318/, 18. Под "ишущими знания" (طلبه علم) могут подразумеваться не только учащиеся, но и мусульманские ученые, которые всю жизнь "ищут знания".

6 Добровольцы, сражающиеся с язычниками.

7 Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi. - Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. M.J.De Goeje. III. Lugduni Batavorum, 1877, с.282.

8 Та'рих=и Бухара, с.18.

9 Абурейхан Бируни (973-1048). Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Ташкент, 1957, с.254-255.

10 Ал-Мукаддасй, с.335-336.

11 Al-masalek wal mamalik by Istakhry re-edited by Muh. G.Abd el Aal el HInI, Cairo, 1961, с.175; Та'рих=и Бухара, с.22; ср. также: ал-Мукаддаси, с.282.

12 О.А.Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958, с.13; А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, с.232-254.

13 Любопытно, что не только торговцы пряностями и парфюмерией и менялы, но и торговцы обувью вплоть до начала ХХ в. продолжали торговать примерно на тех же местах. См. Л.И.Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). - Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с.239.

14 Ibn Abi Usaibia hrg. von A.Müller. Königsberg, 1894, с.3; ал-Кифтй, с.415.

15 Площадь, которую пара быков может обработать за день (0,4-0,5 га) или за сезон (7-12 га). Последняя мера употреблялась в Средней Азии в XIX в. (В.Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Е.А.Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, с.122-123), но земля в городе никогда не измерялась такими большими единицами, поэтому здесь речь идет о 0,4-0,5 га.

16 Название Кули Дехкан сохранилось в вафийной грамоте 1407-

8 г., позволяющей локализовать этот квартал в гузаре Мулло Пайрави (О.А.Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с.295, 300), на территории бывшего шахристана, а не восточнее его. Однако, судя по Наршахи (Тарих-и Бухара, с.68), Куи Муган (Сижка муган), явно находившаяся вне шахристана, не отделялась стеной от Куи дикханан. Возможно, с X до XV в. несколько изменился объем местности Куи дикханан (Куи дехкон).

17 В.А.Шилкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с.18-19.

18 Реконструкция, предложенная автором данной статьи (Средневековый город..., рис.95), вызвала ряд возражений (Е.А.Давидович. Дискуссионные вопросы в кн.: А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков "Средневековый город Средней Азии". - Древность и средневековье Средней Азии, М., 1978), которые автор с благодарностью принимает в той мере, в какой они помогают исправить фактические ошибки и слабые места аргументации, но остается при прежнем мнении о расположении стены южнее канала Шахруд.

19 Во всех арабских рукописях географий ал-Истахри и Ибн Хаукаля - фарсах, диаметр города в полфарсаха указывается только в персидском переводе (Масалик ва мамалик, та'лиф Абу Исхак Ибрахим Истахри, тарджаме-и фарси аз карн-и 5/6 хиджри. Тихран, 1340, с.239), ему приходится отдать предпочтение, потому что Бухара явно никогда не простиралась на 5-6 км и, кроме того, при переписках и переводе слово "половина" скорее пропало бы, чем появилось там, где его не было.

20 О.А.Сухарева. Бухара XIX-XI века (Позднефеодальный город и его население), М., 1966, с.31; О.А.Сухарева. Квартальная община..., с.150.

21 О.А.Сухарева. К истории городов..., с.53-56; Она же. - Квартальная община..., с.296-301.

22 Именные ворота рабада Бухары, Ворота Ибрахима, упоминаемые Кубави (ал-Истахри, с.62), находились около поздних ворот Намазгах (О.А.Сухарева. К истории городов..., с.36), на севере же холм с могилой Абу Хафса всегда был вне города.

23 Ранее указывалась несколько большая площадь (400-450 га) вычисленная по недостаточно точным планам (Средневековый город,

с.247, 265), но это исправление не влияет на прежнюю оценку численности населения, поскольку соответственно уменьшается и площадь мангытской Бухары, по данным которой определялась плотность населения.

24 Г.В.Шинкина. Городской квартал УШ-ХІ вв. на северо-западе Афрасиаба. - Афрасиаб, в.П, Ташкент, 1973.

25 Пребывание ал-Мукаддаси в Бухаре приходится на 983-985 гг., так как в 984 г. он проезжал через Серахс (ал-Мукаддаси, с.65).

26 Первоначально Бухарой называлась вся область, затем ее название перешло на столицу ("столица Бухары"), и только после X в. собственное имя города забылось совершенно.

27 Кухендиз - цитадель.

28 Дарб - улица и одновременно ворота на ней.

29 Кибла - направление в сторону Мекки. В Средней Азии мечети ориентированы на запад - юго-запад.

30 Текст, заключенный в звездочки, взят из Стамбульской рукописи.

31 Тим - караван-сарай или здание торговых рядов.

32 Под Востоком разумеется восточная часть мусульманского мира.

33 معاملات, можно также понимать как "торговые сделки".

34 Ал-Мукаддаси, с.280-281.

35 События, связанные с принятием карматства Насром II и его окружением недостаточно ясны, но и тогда резкое изменение религиозно-политической ориентации и последующие репрессии сторонников карматов не сопровождались вооруженной борьбой между различными группами горожан.

36 См. о нем: The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Samānī reproduced in facsimile... by D.S.Margoliouth. Leiden-London, 1912. (Gibb Memorial Series, XI), с.599a.

37 H.Cohen. The economic background and the secular occupations of muslim jurists and traditionists in the classical period of islam. - Journal of economic and social history of the Orient, v.13, 1970.

- 38 Сказанное относится к периоду до XI в.
- 39 См.: S.D.Gelstein. The rise of the near-eastern bourgeoisie in early islamic times. - Cahiers d'histoire mondiale, III, 1957, № 3.
- 40 Личными знаниями (ахл ал-'илм) называли не всех ученых, а только занимавшихся религиозными науками, прежде всего - фиххом.
- 41 Хадисовед, ум. в 409/1018-19 г. (ас-Сам'ани, с.599а)
- 42 Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Сиджурри, наместник Хорасана, носивший титул Сахб ал-джайл.
- 43 Мукаддаси, с.339; Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Фади ал-Хатиб, в последний период жизни был мухтасибом Бухары (Al-Ansab by al-Imam Abi Saad Abdul Kareem b.Muhammad al-Sam'ani, v.IV, Ed. by Abdur Rahman b.Yakub al-Mu'allami al-Yamani, Hyderabad, 1964, с.43).
- 44 Средневековый город..., с.324-325.
- 45 аз-захй'ир ва-т-тухаф ли-л-кади ар-Рашид ибн Зубайр... хаккакаху Мухаммад Хумайдаллах, кадиема лаху ва раджа'аху Салах ад-дин ал-Мунаджид, аз-Кувайт, 1959, с.140.
- 46 Мукаддаси, с.339, прим. h.
- 47 Al-Ansab by ... al-Sam'ani, IV, с.115-116.
- 48 The eclipse of the Abbasid Caliphate. Oriental chronicles of the fourth islamic century. Ed.H.F.Amedrez and D.S.Margoliouth, v.III, London, 1921, с.374.
- 49 Средневековый город..., с.344-346.
- 50 аз-захй'ир, с.139-151.
- 51 В известных до сих пор отрывках Первой записки Абу Дулефа нет сведений о прибытии посольства в Бухару.
- 52 И.Д.Крачковский. Избранные сочинения, т.IV, М.-Л., 1957, с.186.
- 53 327 г.х. = 31.Х.938 - 17.Х.939 г.
- 54 В тексте: Абу Ахмад ибн Абд ал-Вахид, с явным пропуском части куньи. Полное имя и сведения об этом деятеле - Al-Ikmal by al-Amir al-Hafiz Abi Nasr Ali b.Hibatullah Ibn Makala (d.1005 A.D./475), v.I, Hyderabad, 1962, с.448, прим.3.
- 55 аз-Захй'ир, с.145.

56 Упоминается неизвестное по другим источникам селение между Кермине и Дабусийей (اشرونسى), приводится имя малоизвестного бухарского факха, командовавшего добровольцами, и, наконец, впервые приводится арабское название загородной резиденции Саманидов, Нахр ал-Мавали, известное в персидском варианте Джун Мулиян.

57 Сама тема антологии – рассказы о самых богатых добычах, о самых дорогих подарках и наследствах и т.д. – толкала составителя на преувеличения. Поэтому, например, дань в 60000 дирхемов, которую обязались платить жители Мерверруда арабам (ал-Балазурӣ, с.406), превратились у него в 60 "тысяч тысяч" (аз-Захā' ир, 246). Точно также 1700 отрядов айбаров даже по 200 человек составили бы гигантскую армию в 340000 человек, превывающую численность взрослого мужского населения всего оазиса. Заманчиво в цифре 1700 видеть число всех айбаров Бухары (примерно 20 % взрослого мужского населения города, если исключить гвардию и придворных).

58 Видимо, за айбарами закреплялись отдельные участки обороны городской стены, на что указывают названия "Башня айбаров" в Самарканде XI в. и Бухаре нач. XV в. (Средневековый город..., с.342).

59 Йатїма ад-дахр фї махāсин ахл ал-'аср ли-Абї Мансўр ... ас-Са'āлиби, Хактакаху ва фāсāлаху ва дабатаху ва шарахаху Мухаммад Мухйї ад-дїн 'Абд ал-Хамїд, дж.4, Миср 1377, с.101.

60 Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной, М., 1963, с.38-47.

61 Йатїма, 4, с.134, 154.

62 Китаб ал-имтā' ва-л-му'āнаса, та'лиф Абї Хаййāн ат-Таухїдї ва хува маджмў' мусāмїрāt фї фунўн шитā ... ал-джуз' ал-аувал, саххāхаху ва дабатаху ва шараха гарїбихи Ахмад Амїн ва Ахмад аз-Зїн, Байрут-Сайдā, /1953/, с.96-104.

63 Йатїма, с.157.

64 ал-Байхакї, с.40.

65 The eclipse..., с.374.

66 Ибн Абу Усайбийя, с.4; Ибн ал-Кифтї, с.345.

67 Вероятнее всего, что он находился на службе у Мунтасира, последнего борца за власть Саманидов; тогда понятно, что после его ухода из Бухары административная карьера Ибн Сины окончилась. Но нельзя также исключить службу у местного караханидского владетеля.

А. Б. Халидов

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИБН СИНЫ (980-1037).

О жизни и деятельности Ибн Сины известно очень многое, гораздо больше, чем о других ученых средневекового Востока. Мы обязаны этим прежде всего трем биографическим сводам, содержащим по обширной статье про Ибн Сину, — ал-Байхакӣ, ал-Кифтӣ и Ибн Абӣ Усайбӣ¹. Самый ранний из них, труд ал-Байхакӣ относится к середине XII века, т.е. написан сто с лишним лет после смерти Ибн Сины; хорасанец ал-Байхакӣ преимущественно жил в Нишапуре и встречал людей, которые через два-три поколения помнили некоторые рассказы об Ибн Сине и считали себя последователями его школы. Труд ал-Кифтӣ был создан в середине следующего (XII) века, в Халебе, т.е. в значительном отдалении от тех мест, где протекала жизнь Ибн Сины, но его биографическая статья по полноте и точности данных не уступает статье предыдущего а в литературном отношении превосходит. Ибн Абӣ Усайбӣ а писал ненамного позднее ал-Кифтӣ и тоже в Сирии (Дамаск), но почти целиком зависит от него; ценность его сведений определяется тем, что ему был доступен оригинал труда ал-Кифтӣ, который до нас дошел в сокращении, также сделанном еще в XIII в. Немаловажно что все три статьи включают в себя перечень трудов Ибн Сины. Можно сказать, что эти источники в основном совпадают и лишь в деталях расходятся или друг друга дополняют; тому есть легко объяснимая причина.

Ал-Байхакӣ и независимо от него ал-Кифтӣ пользовались одни и тем же более ранним источником, не дошедшим до нас описанием жизни Ибн Сины, которое было составлено его преданным учеником ал-Дхузайкӣ. Последний встретил Ибн Сину в 32-летнем возрасте

и находился при нем неотлучно до конца его дней; поэтому его рассказ современен событиям, содержит сведения из первых рук. О более раннем периоде жизни Ибн Сины, до 32 лет, он передавал личные воспоминания, т.е. автобиографические свидетельства своего учителя, что является большой редкостью для средневековой литературы данного региона. Нельзя только упускать из виду, что мы имеем дело с панегирической биографией и автобиографией, в которой, как справедливо заметки А.А.Семенов, есть "некоторые умолчания и неясности, в том числе хронологического порядка".²

Яркий жизненный путь Ибн Сины, выразительно очерченный им самим и его учеником, представляет благодатный сюжет для литературной обработки. Не приходится удивляться, что в последние десятилетия замечательному врачу и философу было посвящено несколько биографических очерков, как в нашей стране, так и за рубежом; писали о нем популярные и даже художественные произведения.

Естественно, все работы об Ибн Сине опираются на перечисленные источники, которые сохраняют свое непреходящее значение. Наряду с тем есть другой важный первоисточник, который используется спорадически и лишь в малой степени. Это — сами произведения Ибн Сины, их содержание, встречающиеся в них биографические свидетельства и намеки, данные об их внутреннем соотношении между собой, о внешних поводах и обстоятельствах их создания. Редкое и недостаточное привлечение сведений, которые можно извлечь из такого ценного первоисточника, объясняется главным образом самим характером, состоянием и объемом того материала, из которого он складывается. Ибн Сина был плодовитым автором, оставившим большое рукописное наследие, которое и при его жизни, и за девять с лишним столетий после его смерти имело сложную судьбу. Автографы его трудов не сохранились, копии относятся к разному времени, ныне находятся в сотнях библиотек и частных собраний в различных странах. То именно обстоятельство, что рукописные материалы, отражающие наследие Ибн Сины, очень обширны, неупорядочены и труднодоступны, служило серьезным препятствием для их надлежащего использования при освещении творческой биографии Ибн Сины.

Положение изменилось к лучшему, когда тегеранский профессор Йахья Махдави опубликовал свое фундаментальное библиографическое исследование о трудах Ибн Сины.³ Он непосредственно ознакомился с сотнями рукописей в крупнейших хранилищах стран Евро-

пы и Востока, сопоставил между собой перечни произведений Ибн Сины у биографов и в старинных рукописных сборниках XII в., приложил усилия к тому, чтобы отделить подлинные произведения Ибн Сины от тех, которые ему только приписываются, установить их количество, названия, объем. Для каждого произведения он привел выдержки из его начала и конца, полное оглавление, ссылки на его рукописные копии и печатные издания.

Однако ни сам И. Махдави, ни другие авторы, насколько мне известно, не использовали выявленные им факты для освещения творческого пути Ибн Сины. В настоящей работе будет предпринята попытка свести воедино и рассмотреть в хронологической последовательности данные о его биографии и о тех его трудах, которые поддаются точной или хотя бы приблизительной датировке. После этого будет дан тематический обзор всех трудов Ибн Сины, которые известны в рукописях или по упоминаниям. В заключение приведем сведения об учениках Ибн Сины и затронем вопрос о характере его научного творчества и о возможных направлениях дальнейших исследований.

Жизнь и труды Ибн Сины.

Сравнительно короткий жизненный путь Ибн Сины, измеряемый 57 годами, отчетливо распадается на несколько периодов, которые протекали в различных городах Средней Азии и Ирана и обозначают разные этапы его ученой и служебной карьеры:⁴

Место пребывания	Династия, с которой был связан Ибн Сина	годы хиджры и н.э.	возраст
Бухара	Саманиды	370/980 -395/1005	до 25 лет
Гургандж	Ма'муниды (хорезмшахи)	395/1005 -400/1010	до 30 лет
Странствия по Хорасану и Табаристану	в надежде попасть к Зирьядам	401/1011 -402/1012	31-32
Джурджан	Зирьяды	402/1012 -404/1014	32-34
Рей	Буйды (рейские)	404/1014 -405/1015	34-35
Хамадан	Буйды (хамаданские)	405/1015 -414/1023	35-44
Мофаккан	Какумиды	414/1023 -428/1037	44-57

I. В Бухаре.

Будущий врач и философ родился в семье налогового чиновника 'Абдаллāха ибн ал-Хасана ибн 'Али ибн Сина, который происходил из Балха и служил в селении Хурмитан (или Хурмисан) близ Бухары, тогдашней столицы Саманидского государства (875-999). Заметим, что имена его отца и деда свидетельствуют о принадлежности семьи к шиитской ветви ислама, на имя прадеда — об иранском (таджикском) происхождении. 'Абдаллāх взял в жены девушку по имени Ситāра из соседнего городка Афшане (или Афшане) и переехал в него на жительство; от этого брака здесь родились два сына, старшего из которых нарекли ал-Хусайном. Впоследствии его прозвали по арабско-исламскому обычаю Абū 'Али, букв. "отец 'Али",⁵ хотя у него не было семьи и сына по имени 'Али. Прозвание по прапрадеду "Ибн Сина" и куниа "Абū 'Али" стали употребляться гораздо чаще, чем его собственное имя ал-Хусайн.

Вскоре семья переехала в Бухару, где и протекали детские и юношеские годы Ибн Сины в период заката некогда могущественной династии Саманидов. В бюрократической иерархии должность сборщика налогов была довольно значительной и доходной, но в общественном мнении малопrestижной. Поэтому можно понять стремление 'Абдаллāха дать сыновьям приличествующее образование, помочь им выбиться в люди и подготовиться к более высокой карьере.

Поначалу ал-Хусайн получил самое обычное по тем временам и в той социальной среде образование: лет до десяти он навещал учителя по Корану и учителя по изящной словесности (адабу), вероятнее всего арабской. В обеих дисциплинах он так преуспел, что, по его собственному выражению, "вызывал удивление". Следующий этап учения Ибн Сины состоял в занятиях арифметикой, геометрией и алгеброй у бухарского торговца-землемера Махмūда, прозванного за свою ученость "Землемером", или "Геометром" (ал-Массāх). Сколько времени мальчик брал уроки у Махмūда и как далеко продвинулся в этих науках, остается неопределенным. Параллельно с этим или немного позднее ал-Хусайн обучался фиску — комплексной дисциплине, включавшей исламские обряды, начатки богословия, законоведения и этики; его занятиями руководил Исма'ил аз-Захид ("Благочестивец"), особое внимание в них уделялось спорным вопросам фиска и умению вести по ним диспут.

В доме у ал-Хусайна водились книги, его отец и брат (види-

мо, не младший, выше упоминавшийся, а другой, малоизвестный) проявляли интерес к знаниям и философско-теологическим спорам, у них собирались местные и приезжие ученые. Упоминается, в частности, что отец читал "Трактаты (или Послания) братьев чистоты" (Расā'мх кхвāн ас-саф), натурфилософскую энциклопедию X в., составленную в Ираке группой авторов, и принадлежал к числу тех, кто внял призывам "амиссара египтян" (очевидно, Фатимидов) считавшегося исмаилитом; отец и брат часто обсуждали исмаилитское учение о мировом разуме и мировой душе, ведя речи о "философии, геометрии и индийском счете" и стараясь вовлечь в разговоры много ал-Хусайна. Последний внимательно прислушивался ко всему и во все вникал.⁶

Уже в раннем возрасте ал-Хусайн отличался любознательностью и наблюдательностью. Как он писал позднее, "ребенком я видел на берегу Джайхуна (т.е. Амур-Дарья) места, где есть глина, которой моют голову; позднее я заметил, что она затвердела, превратившись в рыхлый камень, примерно по истечении двадцати трех лет."⁷

Важный этап в учении ал-Хусайна наступил, когда в Бухару приехал, наверное, в поисках заработка, философ Абӯ 'Абдаллах ан-Натилӣ. Отец ал-Хусайна воспользовался этим обстоятельством, пригласил ан-Натилӣ в своем доме, чтобы он стал наставником даровитого сына. Под его руководством ал-Хусайн проработал ряд важнейших книг, "Эйсагоге" (очевидно, Порфирия Тирского) по логике, "Начала геометрии" Евклида и "Альмагест" Птолемея по космографии. Правда, этот добронравный учитель обладал не очень глубокими познаниями и ученик вскоре его превзошел; как вспоминал позднее сам Ибн Сина, трудные разделы логики и математики ан-Натилӣ были недоступны, ему приходилось разбираться в них самостоятельно, решать задачи и выводить формулы, а затем объяснять их учителю, который был непрочь воспользоваться плодами пронизательного ума ученика. Все же биограф ал-Байхакӣ не преминул отметить, что Ибн Сина был не совсем справедлив по отношению к своему учителю: "Я видел изящный трактат ан-Натилӣ о сущем и разъяснении этого слова. Трактат свидетельствует о том, что он был выдающимся знатоком предмета, достигшим высочайшей вершины в науке метафизики. Видел я также его трактат об эликсире, а Абӯ 'Али не ссылается на него в своих сочинениях, кроме "Книги /семи/ постулатов".⁸ Потом ан-Натилӣ уехал в столицу Хорезма Гургандж, и ал-Хусайн продолжал самообразование путем чтения книг по тем же предметам.

К сожалению, прибытие ан-Натили в Бухару и его отъезд в Гургандж никак не датируются, и мы не можем установить, сколько времени продолжались занятия Ибн Сины под его руководством. Это является существенной недомолвкой в автобиографии и "неясностью хронологического порядка", ибо биографы передают довольно подробный рассказ Ибн Сины о периоде самостоятельного изучения наук по книгам, который начался, когда ему было 16 лет, и завершился, когда ему было 18 лет. Эти возрастные данные находятся в противоречии с другими датируемыми фактами биографии Ибн Сины. Исследователь остается перед выбором, либо принять их и передвинуть дату рождения Ибн Сины на 4-5 лет, т.е. отнести к 365/975 году, либо положиться на другие даты и сместить период обучения к более раннему возрасту, скажем в 12-13 лет. Последнее, наверное, следует предпочесть вместе с Ю.Н.Завадовским.

Итак, после того как Ибн Сина расстался с ан-Натили, он старался раздобыть и прочитать как можно больше книг по физике и метафизике, "врата наук стали открываться" ему, и тут он обратился к медицине, которая показалась ему очень легкой, и в короткий срок он овладел обширными познаниями в этой области, так что начал преподавать медицину "достойным врачам" и лечить больных. Врачебная практика в свою очередь способствовала лучшему усвоению медицинских знаний, почерпнутых из книг. Одновременно он не прекращал своих занятий по изучению физики.⁹

Затем наступил полуторогодовой период интенсивной самостоятельной проработки книг по логике и различным отраслям философии, который описан в автобиографии с драматическими подробностями: он трудился целыми днями и недосыпал ночей, истово молился в мечети, когда отчаявался постичь какую-нибудь проблему или одолеть силлогизм, кубком вина прогонял дремоту и упадок сил, а если засыпал, то продолжал мучиться в полусне над неясными вопросами и порой их в этом состоянии разрешал; он делал все, чтобы "утвердиться в науках и познать их в меру человеческих возможностей".¹⁰ В конце концов Ибн Сина подошел к метафизике, считавшейся основной частью тогдашней философии, к тому же самой трудной и абстрактной. Сюда относится вспоминаемый Ибн Синой эпизод, когда он сорок раз (сорок здесь несомненно "круглое" число) прочитал "Метафизику" Аристотеля, запомнил наизусть, но ничего в ней не мог понять и только случайная покупка комментариев ал-Фараби на бухарском книжном базаре открыла ему глаза, дала верный ключ к пониманию учения Аристотеля.

Как далее вспоминает Ибн Сина: "Султаном Бухары в то время был Нұх ибн Мансūr; с ним случилась болезнь, которая поставила врачей в тупик. Мое имя пользовалось у них известностью из-за того, что я много читал. Вот они и напомнили обо мне султану и попросили его позвать меня. Я принял участие в лечении султана совместно с ними и тем отличился в служении ему. Однажды я попросил у него разрешения посетить дворцовую библиотеку, осмотреть ее и почитать книги по медицине, какие там были. Он мне разрешил. И вот я вошел в здание со многими комнатами и в каждой комнате были сундуки с книгами, сложенные один на другой. В одной комнате /находились/ книги по арабскому языку и поэзии, в другой - по фижку, и так в каждой комнате книги по одной отрасли знания. Я просмотрел перечень книг древних /авторов/ и попросил то, что мне было нужно. Я видел там такие книги, которые многим людям не известны даже по названию; прежде я ничего подобного не видел, как не довелось увидеть и после. Я прочитал те книги, получил от них полезные знания и понял значение каждого человека в его науке. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я закончил изучение всех этих наук. Только тогда я знание (науку) больше запоминал, а теперь мое знание более зрело. Если не учитывать этой разницы, то мое знание осталось тем же, ничего нового мне после не прибавилось". II

Из автобиографии Ибн Сины перед нами возникает образ необычайно трудолюбивого и целеустремленного юноши, который в удивительно короткий срок, в очень раннем возрасте сумел накопить громадную эрудицию по едва ли не всем доступным тогда областям знания. К тому же он был от природы очень одарен, быстро превосходил своих учителей, самостоятельно разобрался в сути математических и логических задач. Даже если мы примем во внимание, что объем научных знаний в ту эпоху был не так уж велик, даже если в словах Ибн Сины улавливаются хвастливые нотки, гений молодого ученого впечатляет. С другой стороны, действительно, круг проблем, которые он разрабатывал впоследствии в многочисленных своих трудах, не выходит за пределы тех, которые он узнал к 18 годам, как он сам точно указывает. "Метафизика" Аристотеля и комментарии ал-Фārābī к ней, "исагоги" византийских авторов в арабских переводах, геометрия Евклида и астрономия Птолемея в переводе и переложениях, стихи арабских поэтов и труды по арабской филологии, Коран и сочинения по фижку - вот главные источники, на которые Ибн Сина опирался в своих исследованиях и размышлениях, как мы увидим ниже.

В автобиографии Ибн Сины присутствует мотив чудесного и внезапного усвоения знаний. Сначала в виде некоего озарения при занятиях с учителем ан-Натилӣ, затем в случае с покупкой книги ал-Фараби и, наконец, в истории лечения Нұха ибн Мансұра и посещения его библиотеки. Быть может, лечение и было удачным на какой-то срок, но в 387/997 г., когда Ибн Сине было 17 лет (при условии, что общепринятая дата его рождения - 370/980 г. - верна), этот эмир скончался ненасильственной смертью, что фиксировано рядом независимых друг от друга исторических хроник. Значит, чтение книг в библиотеке Саманидов длилось не очень долго. Какие бы способности мы ни предполагали в Ибн Сине, он не мог за несколько посещений (не сутками же он сидел в дворцовой библиотеке), или даже получив книги на дом, прочитать слишком уж много. Направивается вывод о том, что все прочитанные в молодые годы книги, а их действительно было немало, ослились в его воспоминаниях как результат посещения той библиотеки.¹²

Если представить бухарскую дворцовую библиотеку, о которой почему-то не пишет ни один другой автор, кроме Ибн Сины, сколь угодно реалистически, хотя бы в сопоставлении с другими современными ей библиотеками в Багдаде и Ширазе, то не подлежит сомнению, что подавляющее большинство книг в ней должно было быть исключительно на арабском языке. Наряду с ними могло быть лишь ничтожное количество книг на персидско-таджикском языке, рождение литературы на котором в ту пору едва начиналось. Нет ничего удивительного в том, что молодой ученый увидел в библиотеке ряд неизвестных ему книг, ведь научная и литературная продукция на арабском языке к тому времени была громадной.

Собственные воспоминания Ибн Сины о годах учения вместе с наличествующими в них элементами чудесного и внезапного усвоения наук послужили зародышем тех легенд о нем, которые обросли впоследствии не менее легендарными подробностями относительно его врачебной практики и т.п. Эти легенды трогательны и интересны, как всякий фольклор, но они заслоняют и искажают подлинный облик Ибн Сины, который более всего интересует историков культуры и науки на Востоке в средние века.

Библиотека Нұха II, подобно некоторым другим дворцовым и частным библиотекам того времени, с излишним усердием укрываемым от посторонних глаз, была не только малопосещаемой, но и просуществовала недолго, стореда во время каких-то смут и неуря-

дич в Бухаре. Вероятнее всего, это случилось во время падения династии Саманидов в 999 г. или немногим позднее. Молва бывает не только благосклонна к своим кумирам; злые языки придумали, будто именно Ибн Сина поджег ту библиотеку, не желая чтобы полученные им там знания достались кому-нибудь другому.¹³

Не только годы учения, но и начальный этап научного и литературного творчества Ибн Сины приходится на пребывание в той же Бухаре при последних Саманидах.

Едва ли не первым сочинением Ибн Сины должна быть "Книга о душе в кратком изложении", если только верно известие о том, что она была преподнесена Нұху ибн Мансұру; ее упоминает сам Ибн Сина в одном из поздних сочинений как написанную "лет сорок назад, в начале деятельности". Столь же ранним, юношеским его сочинением было "Прибежище поэтов по метрике", написанное им "в родные в семнадцатилетнем возрасте".¹⁴

К 387/997 году, как это уточнил П.Г.Булгаков,¹⁵ относятся обмен письмами между ал-Бирұни и Ибн Синой, состоящий из десяти вопросов и ответов относительно "Книги о небе" Аристотеля и восьми - относительно его же "Физики"; в них обсуждается широкий круг натурфилософских проблем. Не совсем ясными остаются мотивы по которым старший по возрасту 24-летний ал-Бирұни (род. в 973 г. проживавший в древней столице Хорезма г. Кяте, выступил инициатором переписки с "достойным юношей", 17-летним Ибн Синой из Бухары, а затем допустил некоторые резкости в адрес своего младшего, менее искушенного в науках коллеги. Со стороны Ибн Сины помощником и посредником в переписке выступил факих Абū 'Абдаллах ал-Ма'суми, в редакции которого переписка, быть может включавшая не все письма, была пущена в обращение как отдельное сочинение Ибн Сины "Ответы на вопросы Абū Райхана ал-Бирұни, которые тот направил к нему из Хорезма" (Махдави, № 5).¹⁶

После падения Саманидской династии в 999 г. Ибн Сина еще несколько лет оставался в Бухаре, можно полагать, что до смерти последнего саманидского претендента на трон ал-Мунтасира в 395/1005 г. В автобиографии об этом времени сообщается несколькими краткими фразами: "Потом умер мой отец, обстоятельства у меня были разные, принимался я за некоторые виды служб султану".¹⁷ По всей видимости, Ибн Сина жил в эти годы как частное лицо, имел некоторый досуг и написал несколько сочинений, наблюдал природные явления. "Около 390-391 годов я видел вокруг солнца полный нисб в цветах радуги, а другой - неполный" - вспоминал он потом.

По просьбе упомянутого Абӯ 'Абдаллāха ал-Ма'сūмī написан "Трактат о любви", по-видимому, еще в Бухаре; он был издан недавно и по-русски.¹⁸

Для своего соседа, некоего Абӯ-л-Хасана Ахмада ибн 'Абдаллāха ал-'Арудī, в 391/1000-01 г. Ибн Сина написал: "Арудиеву мудрость (или философию)" - свой первый энциклопедического характера труд. Впрочем, сам автор ссылается позднее на ряд "комментариев и сочиненных на родине книг".

Как мы знаем из автобиографии Ибн Сины, по соседству с ним был также "человек по имени Абӯ Бакр ал-Барақī, хорезмиец по месту рождения, фāких душой, посвятивший себя исключительно фīлху, тафсиру и аскетизму, имея склонность к такого рода занятиям. Он просил меня комментировать для него книги, и я составил для него Китāб ал-хāсид ва-л-махсūд почти в двадцати томах, как оставил для него же книгу по этике, которую я озаглавил Китāб ал-бирр ва-л-исм. Эти две книги нигде не найти, кроме как у него, потому что он никому их не одалживал, чтобы скопировать их".¹⁹

Действительно, обе книги до нас не дошли. Но если от "Книги итога и достигнутого" следы вовсе не обнаружены и судить о ней трудно, то от "Книги добродетели и греха", по утверждению ал-Джўзаджāнī двухтомной, сохранился фрагмент на 15 или 17 рукописных страницах (Махдави, № 40).²⁰

В цитированном отрывке из воспоминаний Ибн Сины в передаче ал-Джўзаджāнī имя Абӯ Бакра ал-Барақī названо, очевидно, по ошибке (впереди пропущено Ибн?). Ас-Сам'āнī пишет, что он умер в 376 г. х. (когда Ибн Сине было 6 лет), и ссылается на Ибн Макūлā, который видел диван его стихов, "писанный рукой его ученика фīлософа Ибн Сины". Уточнить его имя позволяет название другого сочинения Ибн Сины, относящееся несомненно к бухарскому периоду его жизни: "/Тайное/ искусство для имама Абӯ 'Абдаллāха ал-Барақī". Под "искусством" (сан'а) имеется в виду алхимия, а Абӯ 'Абдаллāх был, безусловно, сыном или иным родственником упомянутого Абӯ Бакра.

Близкие отношения с кланом выходцев из Хорезма ал-Барақī, можно думать, повлияли на выбор Ибн Синою места, где он искал пристанища, не найдя применения своим знаниям и таланту в занятой илекханом (Караханидом) Бухаре. Ученому непременно был нужен покровитель, которого он нашел на севере в Хорезме.

2. В Гургандже.

Об этом эпизоде Ибн Сина говорил так: "Необходимость побудила меня уехать из Бухары и перебраться в Гургандж. Абӯ-л-Хусайн ас-Сухалӣ, любивший эти науки, был там везиром. Я был представлен тамошнему эмиру 'Али ибн ал-Ма'муну. Носил я тогда одежду факжков, то есть платок, прикрывавший подбородок. Мне установили помесячный оклад, довольно сносный, которого хватало для человека в моем положении".²¹ Переезд в Гургандж, куда прежде уехал его учитель ан-Найтили, состоялся, вероятно, в 395/1005 г.

В Гургандже Ибн Сина написал несколько сочинений, посвященных шейху Абӯ-л-Хасану Ахмаду (Сахлу) ибн Мухаммаду ас-Сухалӣ и /или Абӯ 'Абдаллаху ал-Хасану ибн Сахлу ибн Мухаммаду, судя по именам, брату и /или племяннику упомянутого везира. Названия сочинений показывают какими были "эти науки", которые ценил везир: "Трактат о сокровенном искусстве", "Поэма о логике", "Трактат о причине нахождения Земли в ее естественном месте", "Объяснение неба и вселенной" (не сохранилось, упоминается автором в предыдущем трактате), "Книга об устранении от человеческого тела обих вредных воздействий путем предупреждения ошибочных мер". На преобладание естественнонаучных интересов, увлекавших Ибн Сину в это время, указывает его рассказ о химическом опыте над куском метеорита: "Я старался расплавить острый кусок из него в Хорезме, но он не плавился и непрерывно из него шел дым, окрашенный в зеленоватый цвет, пока от него не осталась лишь непельная субстанция".²²

На этот же период падает создание небольшого геометрического "Трактата об углах", посвященного известному врачу, математику и астроному Абӯ Сахлу ал-Масӣхӣ, хотя Ибн Абӣ Усайбӣ а сообщают²³, что он написан в Джурджане. Однако только в Гургандже мог Ибн Сина встретиться с Абӯ Сахлем ал-Масӣхӣ, который стал для него учителем, старшим коллегой и другом: он давно переехал в этот город из Багдада и оставался в нем при Абӯ-л-Аббасе Ма'муне ибн Ма'муне (правил в 1010-1017 гг.), которому посвятил свою "Книгу о морозной болезни"²⁴; там же он, по-видимому, умер в возрасте 40 лет, вскоре после отъезда Ибн Сины²⁵. В Гургандже должен был быть написан небольшой логический трактат "Разъяснение направленных /посылок/", упоминаемый автором в одном из сочинений следующего, джурджанского периода его жизни. Наконец, "Восточная мудрость (или философия)" или "Логика восточных" была начата, вероятно, в Гургандже.

3. Из Хорезма - в Джурджан.

В 1009 или 1010 г. умер хорезмшах 'Али́ ибн Ма'мун и блестящее сообщество ученых, собравшихся при его гостеприимном дворе, начало распадаться.²⁶ Одним из первых уехал Ибн Сина, вероятнее всего в 1010 г. Мотивы, которыми он руководствовался, остаются неизвестными, об этом можно строить только догадки. Сам Ибн Сина осылается на "необходимость" и "стремление попасть к Кабу́су", т.е. к новому могущественному покровителю наук и ученых, правителю небольшого прикаспийского государства Джурджан (или Гурган) с одноименной столицей. Это объяснение, наверное, и надо принять.²⁷ Приведем соответствующий отрывок из автобиографии: "Землетрясение необходимость заставило меня перебраться в Нису, из нее - в Абиверд, далее - в Тус, в Шахкан, в Саманкан, в Джаджарм, крайний предел Хорасана, и оттуда - в Джурджан. Моей целью был Кабу́с, но за это время он был схвачен, заточен в какую-то крепость, и умер там. Тогда я отправился в Джи́хистан, где я тяжело болел, и вернулся в Джурджан. Тут со мной сдружился Абу́ 'Убайд ал-Джаузджа́ни. О тогдашнем своем положении я сложил касыду, в которой есть такой бейт: Когда я стал велик, не стало города, который вмещал бы меня, когда цена моя стала великой, не стало покупателей на меня".²⁸

Во время странствий по городам Хорасана и Табаристана Ибн Сина, очевидно, не имел условий для творческой работы, ничто не указывает на то, что он за эти год-полтора написал что-нибудь. Только некоторые его наблюдения попали позднее на страницы его научных трудов: "Не раз мы наблюдали как воздух на вершине холмистых гор замерзает до такой степени, что при ясной погоде разом становится облаком, из которого идет снег; я был свидетелем тому в горах Табаристана подле Ваймы и в горах Туса"; "Я видел на очень высокой вершине между Абивардом и Тусом как к ее подножию пристала громадная туча".²⁹

Согласно известиям ал-Байхаки, после Туса Ибн Сина побывал и в Нишапуре, где он мог встретить знаменитого мистика-суфийца Абу́ Са'ида Мейхенейского. В таком случае к этому времени, 401/1011 г., относятся "Ответы Шейха Ра'иса"³⁰ Абу́ 'Али́ Ибн Сина́ Абу́ Са'иду Ибн Абй-л-Хайру" (Махдави, № 4). В 10 вопросах последнего и ответах Ибн Сина, которые получили самостоятельное хождение как отдельные сочинения (даже с заглавиями) и только в одном стамбульском сборнике сведены вместе, обсуждаются различные философско-этические проблемы. Нельзя исключить того, что это со-

чинение явилось следствием переписки, которая и породила легенду о личной встрече корреспондентов. Если верить заметке на одной из стамбульских рукописей, по просьбе того же Абū Са'ида Ибн Сина написал трактат (или послание - рисала) "О благах" (Махдави, № 23).

Как пишет Абū 'Убайд ал-Джузайджанī, "с этого места", т.е. прибытия Ибн Сины в Джурджан, "я расскажу об обстоятельствах его жизни то, чему я сам был свидетелем, поскольку я находился при нем вплоть до окончания его жизненного срока. В Джурджане был человек по имени Абū Мухаммад аш-Шйрāзī, который любил эти науки. Он купил для Шейха дом по соседству и поселил его в нем, а я навещал его каждый день, читал ал-Маджистī и просил его диктовать логику. Шейх продиктовал мне ал-Мухтасар ал-тусат фй-л-мантик, сочинил для Абū Мухаммада аш-Шйрāзī Китāб ал-мабда' ва-л-ма'ад и Китāб ал-арсād ал-куллийā. Он написал там много книг, также как начало ал-Кāкūна, сокращение ал-Маджистī и много трактатов. Потом он написал в земле ал-Джабал остальные свои книги". 31

В другом месте тот же ал-Джузайджанī пишет о своей встрече с Ибн Синой подробнее: "Любовь к философским наукам и стремление получить истинные познания побудили меня покинуть свою страну и перебраться туда, где жил Шейх Ра'ис Абū 'Али. Ибо услышанные мной вести о нем и переданные мне речи его заставляли предпочесть его другим ученым в этой области и избрать его общество. А мне было известно, что он стал искусственным в этих науках, будучи еще молодым и не достигшим зрелости, когда не завершил и двух десятков лет жизни, что у него много сочинений, которыми он не скупится и не стремится их точно записать. Так я утвердился в желании поехать к нему, находиться при нем постоянно и неотлучно, просить его, чтобы его делом стало сочинять, а моим делом - закреплять в письме. Я прибыл к нему, когда он был в Джурджане и возраст его близился к тридцати двум годам. Он был занят службой султану и исполнением его дел, что отнимало все его время, и я улавливал короткие моменты, в которые просил его продиктовать что-нибудь по логике и физике. А когда я призвал его написать большие труды и комментарии, он сослался на уже сделанные им прежде комментарии и сочиненные им на родине книги. Мне было известно, что они рассеяны и разбросаны, а те, кто владели их копиями, дорожили ими. Что же касается его /самого/, то у него не было привычки сохранять себе копию, как не было привычки править оригинал или переписывать черновик, он только диктовал или писал

однажды и дарил тому, кто просил это. Вместе с тем одно испытание за другим выпадали на его долю и книги его всячески пропадали. Я оставался с ним ряд лет, в течение которых он перебрался из Джурджана в Рей и из Рея в Хамадан, где занял должность везира при Шамсаддауле".³²

Двух- или трехлетнее пребывание Ибн Сины в Джурджане, с которого начинается свое повествование ал-Джүзаджәни, оказалось очень плодотворным для него в творческом отношении. Он много работал, хотя число законченных сочинений невелико. Видимо, союз двух людей, — высокоодаренного, беспокойного, вечно занятого, малоорганизованного ученого и прилежного помощника — был весьма полезен. Служил он здесь Манучихру, сыну и преемнику Кабүса, а также его дочери, златокосой Заррин-Гис, по поручению которой выполнял астрономические наблюдения.³³

Вокруг упомянутого "Среднего компендия по логике" некоторое время спустя началась дискуссия, о которой будет сказано ниже. "Книга общих наблюдений" в рукописях не обнаружена, как и сокращение "ал-Маджистй", которые были включены автором позднее в состав других своих сочинений. Какже "трактаты" (расә'ил) здесь имеет в виду ал-Джүзаджәни, установить не удастся. Написанная для Абү Мухаммада аш-Ширазй (в большинстве рукописей, как сообщал Ибн Абй Усайбй'а в XIII в., он назван Абү Ахмад Мухаммад ибн Ибрахйм ал-Фарисй, а в старейшей сохранившейся — Абү Мухаммад ибн Ибрахйм ал-Фарисй) "Книга о начале и конечном исходе" посвящена вопросам физики и метафизики. Орывок из нее помещен в виде отдельного рассказа в "Собрании редкостей" Низами Арузи.³⁴

4. В Рее.

"Затем Шейх Ра'ис перебрался в Рей и стал служить ас-Саййиде ("Госпоже") и ее сыну Маджаддауле. Его признали благодаря книгам, которые прибыли вместе с ним и внушили уважение к нему. Маджаддаула страдал тогда меланхолией (букв.: им овладела тогда черная желчь). Шейх занялся его лечением и написал там Китәб ал-ма'ад. Он оставался в Рее, пока не направился к Шамсаддауле после убийства Хиләла ибн Бадрә ибн Хасанавайха и обращения в бегство багдадского войска" — пишет ал-Джүзаджәни.³⁵ Последнее событие произошло, по Ибн ал-Асйру, в зу-л-ка'де 405/23.04-22.05.1015 г.

С пребывания в Рее начинается десятилетия связь Ибн Сины с ветвью династии Буидов, закрепившейся ненадолго в центральном Иране. Снова мы остаемся в неведении относительно истинной по-

доплекн событий, вынудивших Ибн Сина податься в Рей к регентше, матери Маджаддаули, а через год с небольшим – к его брату Шамсаддауле в Хамадан. Объяснять все и вся только его страхом перед грозной тенью Махмуда Газнави едва ли правомерно, нигде он сам или его ученик на это не ссылаются, между тем, в "Книге исцеления" Ибн Сина в спокойных тонах, без неприязни и вражды, пишет: "султан Хорасана в наши дни эмир Йаминаддаула Абӯ-л-Касим Махмуд ибн Сабуктакин...".³⁶ Скорее, надо искать причины в конкретных условиях местных феодальных распрей и дворцовых интриг, в которых Ибн Сина принимал непосредственное участие как высокопоставленный советник, с мнением которого считались.

Упомянутая "Книга о конечном исходе" имеет ряд вариантов названия (из них Махдави, № 121 предпочел – "Трактат о душе, изложенный доказательно и аргументированно") и, согласно вводным словам автора, "сделан для одного из искренних друзей", хотя Ибн Абӣ Усайб³⁷ утверждает, что он посвящен Маджаддауле. В Рее Ибн Сина продолжал также работать над "Канонем врачебной науки".

5. В Хамадане.

"Потом возникли причины, – продолжает ал-Джӯзиджани,³⁷ – из-за которых стало совершенно необходимым Шейху покинуть Рей и направиться в Казвин, и оттуда – в Хамадан". Вначале он стал служить некоей женщине по имени Казбандуя и присматривать за ее имуществом, затем был представлен Шамсаддауле, который страдал тяжелой формой желудочного заболевания, "коликами" (кӯландж). За успешное лечение эмира Ибн Сина получил "дары многие и ... стал одним из его надимов", т.е. вошел в его ближайшее окружение. Он принял участие в неудачном походе Шамсаддаули (411/1020 г.), которого просили после возвращения поставить его везиром. Ибн Сина занял этот пост и действовал без особого успеха: не получившее своевременного жалования войско разграбило дом везира и требовало его казни, но эмир ограничился его смещением, и Ибн Сина был вынужден скрываться в доме некоего Абӯ Абу Са'да ибн Дахдӯка течение сорока (опять круглое число) дней.

Рецидив болезни заставил Шамсаддаулу вернуть Ибн Сина с извинениями ко двору и вторично облечь его везирскими полномочиями. Во время очередного военного похода эмир снова заболел и на обратном пути в Хамадан скончался в 412/1021 г. Трон занял его сын Самā'аддаула; Ибн Сине был предложен пост везира, но он отказался, "предпочел не оставаться в том государстве и не братья снова за ту службу, склонился в своем выборе к сборению

обоя, спрятавшись в ожидании удобного случая расстаться с тем краем". Ибн Сина скрывался тогда в доме у Абӯ Гәлиба ал-‘Аттәра (торговца благовониями и пряностями). "Знатные люди той державы стали мстить ему за то, что он скрывается, с подозрением отнеслись к его решению уехать и подумали, что он плетет козни и поддерживает вражескую сторону. Один из приближенных его слуг возжелал свергнуть его в гибель, чтобы овладеть его имуществом из благ мира сего. Он указал искавшим, — а они принадлежали к числу тех, кому он (Ибн Сина) оказал раньше благодеяния, которые не позволяли им злобно преследовать его, если бы они способны были помнить добро, — и привел к месту, где он находился. Для верности они (знатные люди) поместили его в крепость Фардадхән, где он оставался около четырех месяцев". "Там он сочинил касиду, в которой была строка: Что я вошел, как видишь, нет сомнения, весь вопрос теперь в том, как отсюда выйти". Так повествует о событиях тех лет тот же ал-Джүзидхәнн.³⁸

Девять лет жизни Ибн Сины в Хамадане (1015–1023) ознаменовались рядом новых его трудов и продолжением ранее начатых. Вскоре после прибытия в этот город Ибн Сина апеллировал к багдадской ученой корпорации, прося рассудить между ним и неким местным философом, который нес всякую чушь по вопросам логики и метафизики, ссылаясь на авторитет своих багдадских учителей. Этот эпизод отражает его "Письмо к ученым Багдада..." (Махдави, № 78), сохранившееся в 4 списках. Ибн Абӣ Усайбӣ‘а упоминает письмо с аналогичной апелляцией, обращенной к некоему другу; в рукописях оно неизвестно, может быть, речь идет о том же самом. Полемика с хамаданцем упоминается также в "Книге исцеления" и в Дәниш-нәма.

В начале пребывания в Хамадане Ибн Сина написал "Статью о сердечных лекарствах", как явствует из вводных слов, для Абӯ-л-Хусайна ‘Али ибн ал-Хусайн ал-Хасанӣ. Согласно рукописям и ал-Кифтӣ, эмиру по имени Абӯ Бакр /ибн/ Мухаммад ибн ‘Убайд (или ‘Абдалләх) посвятил Ибн Сина трактат "По случаю праздника жертв о конечном исходе", но ал-Байхакӣ сообщает, что лицом, которому посвящен этот трактат, был везир Абӯ Са‘д ал-Хамаданӣ. Тому же Абӯ Бакру "адресован" трактат "По случаю навруза о смысле букв алфавита".

Много неприятных переживаний доставила Ибн Сине полемика, которая состоялась в конце его пребывания в Хамадане, если верно известие ал-Байхакӣ о том, что человеком, к которому обратился Ибн Сина с письмом по этому поводу, был упомянутый "доверенный везир" Абу Са‘д ал-Хамадани;³⁹ не исключено, однако, что эта

полемика имела место несколько позднее, уже в Исфахане.

Рукопись "Среднего компендия по логике" (ал-Мухтасар ал-аусат фй-л-мантх, см. выше с.37), написанного еще в Джурджане, попала через какое-то время в Шираз, можно полагать, не без помощи того Абӯ Мухаммада ал-Ширазӣ, в доме которого тогда жила Ибн Сина. Местные ученые ее тщательно изучили, и у них возникли сомнения по каким-то вопросам, которые они изложили в тетради (джуз'). Входящий в их число ширазский судья отослал тетрадь с отрядом всадников к Абӯ-л-Касиму ал-Кирмāнӣ, сотрудничавшему с алхимиком Ибраһимом ибн Бабā ад-Дайламӣ, и присовокупил от себя письмо к нему, предложив показать их Ибн Сине и просить у него ответов.

Абӯ-л-Касим ал-Кирмāнӣ явился к Шейху в один летний вечер, когда у него происходил маджлис, положил перед ним ту тетрадь и, когда Шейх ознакомился с ней в присутствии людей, удалился. Ибн Сина велел ал-Джӯзаджāнӣ подать бумагу и нарезать ее в тетради. Ученик скрепил пять тетрадей по десять листов каждая. "После вечерней молитвы", — продолжает ал-Джӯзаджāнӣ, — "он поставил свечу, велел подать вина и посадил меня со своим братом пить, а сам начал писать ответы по тем вопросам; так он писал и шел до полуночи, пока меня и его брата не сморил сон. Тогда он велел нам удалиться. Утром же ко мне постучали в дверь, оказалось, что посланец Шейха требует меня явиться. Придя к нему, я застал его на молитвенном коврике, а перед ним лежали те пять тетрадей. Он сказал мне: Возьми их и отнеси шейху Абӯ-л-Касиму ал-Кирмāнӣ, передай ему, что я поторопился с ответом, чтобы не задерживать конного отряда. Когда я принес их Абӯ-л-Касиму, он страшно удивился и отпустил отряд всадников, объяснив им случившееся. Рассказ об этом распространился среди людей как необычайная история".⁴⁰

Написанный Ибн Синой текст и представлен, очевидно, в рукописях "Ответов на двадцать вопросов" (Махдави, № 8),⁴¹ если судить по некоторым текстовым параллелям и совпадениям с "Средним компендием по логике". Начинаются они словами: "Этo — двадцать вопросов, заданных современниками из пытливости...".

В описании ал-Джӯзаджāнӣ эпизод выглядит безобидно, как пример обязательности и поразительной работоспособности Ибн Сины. Между тем, мирное выяснение темных вопросов логики имело продолжение с неожиданным поворотом, перешло по инициативе Абӯ-л-Касима ал-Кирмāнӣ в ожесточенную полемику. Это видно из того, что

пишет Ибн Сина: между ним и Абӯ-л-Касимом ал-Кирмāнī долгое время сохранялись добрые отношения, "он был мне как сын, даже ближе, чем сын, и любезнее; я учил его, воспитывал и привел его на ту степень знания, на которой он сейчас находится, и никто другой вместо меня не поднимал его по ступеням".⁴² Наверное, ученичество Абӯ-л-Касима у Ибн Сины отражает "Ответы на десять вопросов" (Махдави, № 6), напоминающие по форме запись урока; помета на одной из рукописей⁴³ сообщает, что эти вопросы задавал Абӯ-л-Касим ал-Джурджāнī или ал-Кирмāнī.

Как явствует из слов Ибн Сины, на его "Ответы" ширазцам Абӯ-л-Касим ал-Кирмāнī написал какое-то возражение; Ибн Сина дал ему отповедь, а Абӯ-л-Касим проявил "непристойное упорство", "сердитость", "готовность дойти в препирательстве до того, что стеснило бы мою грудь". Ибн Сина был возмущен бестактностью бывшего ученика, огорчен кривотолками, возникшими в связи с этим среди друзей и близких; по поводу каких-либо возможных сомнений в его компетентности он указывал на свои упорные занятия наукой, достижение высших ступеней умозрения и исследования, гордое сознание бесстрашия перед любым оппонентом. "Не могу себе представить, - говорил он, - чтобы предмет, которым я овладел в совершенстве, мог стать объектом разрушения, отмены или порчи, даже если объединятся против меня все прошлые, нынешние и будущие обитатели земли и неба. На то, чего я не знаю, я не претендую".⁴⁴

Не лишено любопытства, что ал-Байхакī, стараясь быть объективным, говорит о сопутствовавшей полемике "неблаговоспитанности", проявленной обоими, так как "Абӯ 'Али обвинил Абӯ-л-Касима в том, что он мало занимался искусством логики, а Абӯ-л-Касим обвинил Абӯ 'Али в софизмах ..., и сказал однажды Шейху Абӯ 'Али: Не утверждай своего мнения поношением чужого мнения, ибо правда светла, а справедливость неуничтожима".⁴⁵ Активным сторонником Абӯ-л-Касима выступил врач Мискавайх, получивший известность как историк, который служил тогда в Ширазе библиотекарем Буздов; о нем Ибн Сина также высказался резко отрицательно.

Наконец, главное, что сделал Ибн Сина в Хамадане - завершил свою грандиозную медицинскую энциклопедию "Канон врачебной науки" (Махдави, № 98) и написал ряд важнейших частей "Книги исцеления" (Махдави, № 84). Об этом ал-Джурджāнī рассказывает так: "Я попросил его комментировать книги Аристотеля, но он ответил, что у него сейчас нет для этого досуга, и сказал: Если ты удовлетворишься тем, чтобы я составил книгу, в которой изложу все, что по-моему верно в этих науках, избегая полемики с придерживающимися иного

взгляда и не занимаясь возражениями против них, то я сделаю это. Я согласился, и он начал /раздел/ физики к Китаб аш-шифа', а до того у него уже была написана Первая книга ал-Кануна. Каждый вечер в его доме собирались ищущие знания и читали по очереди, я читал из аш-Шифа', кто-нибудь другой - из ал-Кануна. Когда мы кончали, приходили разные певцы, приготавлился пирушественный маджлис со всем необходимым и начиналось застолье с пением. Преподавание происходило по вечерам, так как днем не оставалось времени из-за эмирской службы".⁴⁶ Позднее, когда Ибн Сина жил в доме Абӯ Галиба (ок. 413/1022 г.), - продолжает ал-Джузджани - "я попросил его закончить Китаб аш-шифа'. Он вызвал Абӯ Галиба, попросил бумаги и чернил, тот принес, и Шейх исписал своей рукой приблизительно двадцать тетрадок в осьмушку листа, /изложив/ главные вопросы. За два дня он написал все главные вопросы, не имея ни одной книги при себе и ни одного источника, по которому он мог бы справиться, - только по памяти и из своей головы. Потом Шейх разложил те тетрадки перед собой, взял бумаги, заглядывал в каждый вопрос и разъяснял его подробно. Так он писал по пятьдесят листов в день, пока не закончил разделы физики и метафизики целиком, за исключением двух книг, о животных и растениях; он начал раздел логики и написал одну его часть...".⁴⁷

В крепости Фардаджан Ибн Сину содержали как почетного пленника и не лишали возможности работать. Здесь он написал в 414/1023 г. три или четыре своих сочинения: философский трактат "Хайй ибн Йакзан", "Книгу о коликах" по просьбе Нусратаддаули 'Иззалмулка и "Книгу верного пути" для "дорогого брата". Как сообщает ал-Байхакӣ, здесь же закончена книга (или трактат) "Птицы".

События между тем развивались таким образом, что молодой правитель Самā'аддаула и распорядившийся при его дворе военачальник Таджалмулк сами были вынуждены оставить столицу государства Хамадан и искать убежища в той же крепости Фардаджан. Дело в том, что к тому времени возвысилось и окрепло соседнее феодальное государство с центром в Исфахане; во главе его стоял с 1008 г. 'Ала'аддаула Мухаммад, чей отец Душмайзийар был на воинской службе у Буйдов и получил от них в удел небольшой городок. После смерти Шамсаддаули 'Ала'аддаула претендовал уже на все владения своего прежнего повелителя и, совершив поход на Хамадан, взял его; но вскоре ушел, добившись, очевидно, от Самā'аддаули признания своей вассальной зависимости. Последний вернулся в Хамадан, взяв с собой Ибн Сину, и снова предложил ему стать везиром. Ибн

Сина уклонился, просил отсрочку, и его оставили в покое. Он поселился "в доме ал-'Алавī", т.е. алда, можно думать, того самого Абӯ-л-Хусайна 'Али́ ибн ал-Хусайна, которому он посвятил прежде "Статью о сердечных лекарствах". В этом доме Ибн Сина продолжал работать над разделом логики "Книги исцеления", но искал возможности уехать к 'Ала'аддауле в Исфакан, с которым он, видимо, вступил в тайную переписку и договорился.

6. В Исфакане.

Ал-Джӯзаджāнī повествует: "Так продолжалось некоторое время, в течение которого Таджалмулк сулил Ибн Сине всяческие заманчивые обещания. Потом Шейху представился случай отправиться в Исфакан. Он выступил переодетым, а я, его брат и двое слуг были в одежде суфийев, пока мы не достигли Табарāна возле ворот Исфакана, претерпев в пути тяжкие испытания. Нас встретили друзья, друзья Шейха, приближенные эмира 'Ала'аддаули и его свита. Шейху доставили специальные одеяния и экипажи и поселили в квартале по названию Кункунбаз, в доме 'Абдаллāха ибн Бāбī, в котором были все необходимые инструменты и утварь. На приеме у эмира были ему оказаны такой почет и уважение, какого подобный /человек/ заслуживал. Эмир 'Ала'аддаула взял за правило, чтобы по пятницам вечером устраивать приемы с диспутом, где присутствовали ученые разных рангов и среди них Шейх Абӯ 'Али́, и никто не мог превзойти его в какой-либо науке. В Исфакане он занялся завершением Китāб аш-шифā'; окончил разделы "логика" и "ал-маджистī", к кратко набросанным прежде разделам "уклїдис", "ал-арїсмāтїкї" и "ал-мўсїкї", т.е. ко всей "математике" он сделал дополнения, решив, что это совершенно необходимо, к "ал-маджистī" он добавил десять чертежей разных видов, а в конце "ал-маджистī" по астрономии добавил некоторые вещи, которых до него никто не писал. К "уклїдису" он добавил /разрешение/ некоторых сомнений, к "ал-арїсмāтїкї" - некоторые изящные частности, к "ал-мўсїкї" - /изложение/ вопросов, мимо которых прошли предшественники. Так завершилась книга, известная как аш-шифā', за исключением двух частей (букв. "книг"), о растениях и животных, которые он написал в год, когда 'Ала'аддаула выступил походом на Сабур Хаст, в пути. Также в пути он составил Китāб ан-наджāт. Он стал особо приближенным лицом у 'Ала'аддаули, одним из его надимов. Когда 'Ала'аддаула совершил поход на Хамадан, и Шейх сопровождал, однажды вечером в присутствии эмира зашел разговор о неточностях, возникающих в таблицах, составленных на основании прежних наблюдений, и эмир при-

казал Шейху заняться наблюдением звезд и планет, отпустив на это требуемые средства. Шейх приступил к этому, поручив мне достать инструменты и нанять мастеров, их изготовляющих; в результате многие вопросы прояснились: в деле наблюдений возникали неточности из-за многократных перемещений /наблюдателей/ и соответствующих помех. В Исфахане Шейх составил Китаб ал-'алā'ī".⁴⁸

Последний, довольно продолжительный (414/1023-428/1037 гг.) период жизни Ибн Сины, со дня прибытия в Исфахан и до самой смерти, как можно видеть из рассказа ал-Джүзаджāни, был насыщен напряженной и разнообразной научной деятельностью, которая сочеталась также с участием в военных походах и в светских развлечениях при дворе. Кроме "Книги исцеления", о создании которой рассказано очень подробно, Ибн Сина написал в Исфахане и вне его во время поездок ряд больших и малых трудов, часть которых удаётся датировать, хотя бы приблизительно.

На пути в Исфахан написано небольшое сочинение "О решении и предопределении /божьим/", своего рода благодарность судьбе за спасение, выдержанная в оптимистических тонах. Когда оно написано? Полагают, что когда Ибн Сине удалось ускользнуть из Хамадана от бдительного ока Таджалмулка (так у Ибн Абй Усайбй' и в одной из стамбульских рукописей); есть версия (другой рукописный сборник в Стамбуле, Айна-София, № 4852), что оно написано в конце мухаррама 420/февраля 1029 г., т.е. когда Ибн Сина бежал будто бы от войск Мас'уда, сына и полководца Махмүда Газнавй, совершившего поход на центральный Иран.

У ал-Джүзаджāни есть длинный рассказ о том, как Ибн Сина (не терпевший, очевидно, ничего превосходства) был задет замечанием филолога Абү Мансүра ал-Джаббāна в присутствии эмира, что он мало начитан в лексикографии. Философ на три года засел за арабские словари, специально выписав из Хорасана Тахзйб ал-луга ал-Азхарй, сочинил три касиды, включившие редкие слова, написал кички-послания в стиле Ибн ал-'Амйда, ас-Сахиба и ас-Сабй (считавшихся непревзойденными стилистами) и подобрал их Абү Мансүру (через третье лицо) и, когда тот мучился с трудными словами и выражениями, стал с удовольствием объяснять их ему. Абу Мансүр был посрамлен, догадался, в чем дело, и принес свои извинения. Ибн Сина составил словарь под названием "Язык арабов", оставшийся в черновике. Действительно, сохранился рукописный фрагмент с выдержками из словаря Ибн Сины, в котором лицо, их сделавшее, говорит, что он видел автограф примерно на 130 листах. Для того же Абү Мансүра Мухаммада ибн 'Али ибн 'Умар ибн ал-Джаббāна был на-

писан трактат Ибн Сины "Причины образования звуков". Из жизни Абū Мансūра из Рей, бывавшего и в Исфахане, Йақūt⁴⁹ приводит только дату 416/1025 г., которая может служить косвенным указанием на время написания этих сочинений Ибн Сины.

Вероятно, вскоре после прибытия в Исфахан написано единственное философское сочинение Ибн Сины на персидском языке "Мудрость (или Книга знания) для 'Аля'аддаули" (Махдави, № 72) — Дāниш-нāма-йи 'Аляйй или ал-Китāб ал-'Аля'й.

В связи с упоминавшимися астрономическими наблюдениями в Исфахане, которые велись в течение восьми лет,⁵⁰ Ибн Сина написал трактат "Астрономические инструменты".⁵¹

Годом "вторжения в эту страну покойного султана", как сообщается в "Диалогах" (о них см. ниже), датируется создание "Книги справедливости". Речь идет безусловно о походе Махмūда Газнавй, при котором он захватил в 420/1029 г. Рей, а передовой отряд его войска под командованием его будущего наследника Мас'ūда взял в следующем 421/1030 г. Исфахан. В этой книге разбирались свыше 27 тысяч вопросов, по которым расходились комментаторы книг Аристотеля, и им была воздана "справедливость"; автор затратил на нее несколько месяцев, и книга заняла 20 томов, иначе 6 тысяч листов почерком نزل (мелким?) или 10 тысяч листов почерком عدل (средним?). Оригинал, еще не переписанный набело, исчез, когда вражеские солдаты разграбили дом Ибн Сины вместе со всем имуществом и библиотекой.⁵² Потом он думал восстановить свой труд и неясно, что представляет собой сохранившиеся части (см. Махдави, № 35),⁵³ остатки первоначального варианта или вновь написанное.

С попыткой Ибн Сины восстановить свою утраченную "Книгу справедливости" связана еще одна полемика, которая произошла в начале 1030-х годов, когда он, видимо, находился в Рее. Люди из его окружения, побуждавшие снова вернуться к этому труду, советовали ему выписать из Багдада новые книги современных авторов, которые вызвали бы прилив творческой энергии и помогли преодолеть безразличие к однажды написанному. Последовав совету, он попросил своего друга купить для него книги двух почтенных ученых, не останавливаясь перед затратами. Тот друг смог достать только несколько книг третьего автора, заплатив, поторговавшись, непомерно дорогую цену, а их содержанием Ибн Сина и его ученики остались недовольны, обнаружив в них путанницу и непоследовательность изложения. Ибн Сина разгневался, обрушив упреки своим советчикам и стал поносить заносчивых багдадцев, которые "дерут

непомерные цены, словно бы они дарят нечто невиданное и неслыханное, тогда как эти книги заслуживают лишь того, чтобы вернуть их продавшему, /даже/ не востребовав обратно платы за них".⁵⁴

По поводу одной из тех книг и написал Ибн Сина "Возражение на книгу Абū-л-Фараджа 'Абдаллаха ибн ат-Таййиба Католикоса" (Махдави, № 76), которое начинается словами: "Нам попадались книги, которые сочиняет шейх Абū-л-Фарадж ибн ат-Таййиб, - да продлит Аллах его славу! - по медицине, и мы находили их верными, удовлетворяющими, в отличие от его сочинений по логике, физике и близким к ним предметам. Теперь нам попалось его рассуждение о природных силах...". Ибн Сина критиковал трактат Абū-л-Фараджа (он был секретарем католикоса Илийаса I и врачом багдадской больницы) "О четырех силах"; в ряде рукописных сборников сочинений Ибн Сины этот трактат помещается непосредственно перед его "Возражением" и иногда ошибочно ему приписывается. Сам трактат начинается словами, из которых явствует, будто он написан для Ибн Сины "ради дружеских отношений"! Вот какого рода формула прикрывала настоящий торг между поверенным щедро заплатившего заказчика и писавшим на заказ автором. Ал-Байхакī сообщает, что Абū-л-Фарадж очень обиделся на Ибн Сину за резкую критику и, когда ознакомился с перепиской между ал-Бирūнī и Ибн Синой, сказал: "Осуждавший людей будет ими осужден, вместо меня это сделал Абū Райхан".⁵⁵

Походом на Сабур Хаст, как мы видели выше (с.35), т.е. 423/1032 годом, датируется окончание "Книги спасения" (Махдави, № II8), составленной "по просьбе группы друзей", пожелавших отличиться от черни ('аμμα) и присоединиться к избранным (хасса) путем усвоения изложенной в ней мудрости.

С "Книгой исцеления" сопоставима по дате окончания и должна быть отнесена к началу 1030-х гг. "Восточная мудрость", иначе "Логика восточных" (Махдави, № 63), так как первое сочинение упоминается во втором, а второе - в первом. В перечнях трудов Ибн Сины вслуду отмечается, что в полном виде она не обнаружена.

Последним значительным трудом Ибн Сины по философии называют "Книгу указаний и замечаний" (Махдави, № 27), во вводных словах к которой есть обращение к "брату (другу)", имя которого не раскрыто. Авторский экземпляр книги также погиб во время разграбления библиотеки Ибн Сины, но ее копии сохранились.

С перечисленными крупными произведениями Ибн Сины связаны "Комментарии" (Махдави, № 49), местами напоминающие "Книгу спа-

сения". Быть может, они представляли записи учеников во время занятий-диспутов. От них сохранились несколько отрывков.

Известно также, что Ибн Сина писал некоторые разъяснения к своей "Книге исцеления" и вел записи "Дополнений", которые должны были окончиться по его замыслу только вместе с его жизнью.

Различные эпизоды пребывания в Исфахане отражают служебные и дружеские "письма", или "записки" (ар-рука^с) Ибн Сины, из которых дошли до нас шесть (Махдави, № 79); их адресаты: Алā'ад-даула ибн Какуйа, шейх Абū-л-Фадл ибн Махмūd, шейх Абū-л-Касим ибн Абī-л-Фадл, Абū Джа^сфар ал-Касанī, Абū Тахир ибн Хасūл, неназванный по имени друг.

После 423/1032 г. написан, вероятно, "Компендий по основам логики", адресованный "достойному щедрому шейху" по имени Абū Умар Мухаммад ибн Джа^сфар. Также после этого года написана, по мнению ее исследователя, "Поэма по медицине".

По просьбе влиятельного лица, которым, согласно двум рукописным сборникам сочинений Ибн Сины, был Абū Сахл ал-Хамдавī (тот самый, что брал Исфахан в 425/1034 г.), написан "Трактат о половой потенции".

В "Возражении на статью шейха Абū-л-Фараджа ибн Абī Са^сйда ал-Йамамī Ибн Сина разъяснял один медицинский вопрос; этот врач и астроном из Басры, "выдвинувшийся в Буидской державе" (ум. в пределах 421/1030-430/1040 гг.),⁵⁶ находился, видимо, некоторое время в Исфахане.

В конце жизни, ок. 427/1036 г. (?) должен быть написан "Трактат о наделенной речью душе", поскольку в нем упоминается раннее сочинение автора на ту же тему (см. выше, с.32).

По-видимому, к последним годам жизни Ибн Сины относится "Расхождение людей относительно души и разума" или "Письмо Шейха к ал-Кийā славному Абū Джа^сфару Мухаммаду ибн ал-Хусайну ибн ал-Марзубāну" (Махдави, № 12), так как в нем упоминается гибель "Книги справедливости" "во время одного из поражений" (т.е. события 1029 г.), а в конце автор делает признание личного характера: "Прости мне путанный почерк и неровные буквы, ведь уже год-два я не веду переписки, потому что продолжительные болезни изнурили и обессилили меня, приковав к постели и отняв возможность что-либо писать. И это - первое, что я пишу...". Речь идет здесь, наверное, о последней в жизни болезни Ибн Сины, о которой писал и ал-Джūзаджāнī.

Тому же лицу адресованы "Ответы на вопросы", или "Субстанциональность огня" (Махдави, № 11); Низами Арузи⁵⁷ идентифициро-

вал его с Абӯ-л-Хасаном Бахманй̄аром ибн ал-Марзуб̄аном. В самом деле, в обоих именах есть общая часть — Ибн ал-Марзуб̄ан. Однако едва ли Ибн Сина стал бы обращаться к своему ученику "О господин мой, владыка мой, великий мой, друг мой!" (Йа саййидй̄ ва муулайя ва кабрй̄ ва халилй̄), как в этих "Ответах", и "Превосходный, единственный" (ал-Ф̄аил ал-аухад), как в предыдущем "Письме".

Наконец, "Диалоги", или "Обсуждения" (ал-Муб̄ахас̄ат), в которых адресатом, а иногда и автором, выступают Бахманй̄ар и другие ученики Ибн Сины и лица из его окружения исфаханского периода, собраны, видимо, уже посмертно по "запискам" (рука^с) с вопросами и ответами (Махдави, № 105). В них встречаются ссылки на разные сочинения Ибн Сины, особенно — последних лет, "Книгу справедливости", "Книгу указаний"; целиком включено сюда "Письмо" к ал-Кий̄а Абӯ Джа^сфару, о котором только что шла речь. Но главным образом в "Диалогах" обсуждаются вопросы, связанные с "Книгой исцеления".

Последние три года жизни Ибн Сины (1035–1037) протекали в борьбе с тяжелой изнурительной болезнью, тем самым к̄уланджем (коликами), от которого он успешно лечил других и о котором написал специальный труд. Преодолевая недуг, он продолжал исполнять свои везирские обязанности и участвовал в военных походах ^сАл̄'аддаули, не оставляя и научных занятий. Он неудачно занимался самолечением, применяя в **больших** дозах лекарства и медицинские процедуры, а один из проворовавшихся слуг подсыпал ему однажды опкума с целью отравить и избавиться от наказания. Во время очередного похода Ибн Сина окончательно слег в Хамадане, ослабел настолько, что не мог уже лечить себя, и повторял: "Врачеватель, меня лечивший, бессилен лечить, теперь ничто не поможет". Через несколько дней он умер в возрасте 58 (лунных) лет в 428/1037 г.⁵⁸ и был похоронен в том самом Хамадане, из которого ему с трудом удалось бежать за 14 лет перед тем. Один незадачливый рифмоплет скаламбурил по поводу смерти Ибн Сины: Умер Абӯ ^сАл̄, и не исцелило его "Исцеление" и не спасло его "Спасение", намекая на названия двух его книг.

Итак, мы обозрели жизненный путь Ибн Сины, в различные отрезки которого укладываются более или менее точно 52 его сочинения, сохранившиеся целиком или частично в рукописях, и около десятка недошедших до нас сочинений. По отношению к общему числу сочинений Ибн Сины, известных по рукописям (у Махдави их насчитывается 131) и по упоминаниям (около 70 наименований), это значительно меньше половины. Существенно, однако, что удается уста-

новить время, место и обстоятельства создания всех главных трудов Ибн Сины.

Усилия в этом направлении могут быть продолжены. Есть еще несколько сочинений, где в названии или вводных словах называются конкретные лица, которые не идентифицированы, либо встречаются намеки. Установление этих лиц при более тщательном исследовании помогло бы полнее раскрыть личные связи Ибн Сины и датировать сами сочинения. Например, "Трактат о /лечебном напитке/ саканджабине" начинается обращением: "Ты спросил меня, Абӯ Са'ид" (Махдави, № 81); "Семь маджлисов Шейха с ал-'Амири" (Махдави, № 107) в названии упоминает неизвестного человека; "Суммарно о некоторых доводах, доказывающих вечность наделенной речью души" (Махдави, № 52) начинается словами "Спросил один из предводителей (ру'асā'), следуя помыслам своим высоким и душе благородной..."; "Трактат об определении тела" (Махдави, № 56) написан по просьбе неназванного по имени человека; "Книга дефиниций" (Махдави, № 57) представляет запись устного ответа Ибн Сины на вопрос одного из его друзей, "Трактат о пространстве" содержит ответ на письменный запрос "некоего мутакаллима", ссылавшегося на авторитетные мнения и му'тазилитские сочинения (Махдави, № 129); "Трактат об эдивии" (Махдави, № 131) продиктован в ответ на просьбу неизвестного лица. Не знаем мы и имени того "искреннего друга", по чьей настойчивой просьбе написан "Канон". За подобными ссылками может стоять заказ на книгу, который был оплачен гонораром, реальные дружеские обязательства или же привычная вводная формула, своего рода литературный штамп.

Однако даже выявление новых подробностей биографии Ибн Сины и датировка большинства или всех его сочинений не приблизят нас к пониманию характера его научного творчества. Для раскрытия содержания трудов Ибн Сины в качестве первого шага необходимо рассмотреть их в иной плоскости, сгруппировав предметно-тематически. При этом должны найти свое место недатированные и несохранившиеся сочинения, следовательно, неизбежны утомительные перечисления и некоторые повторения.

I. Философия.

Главным предметом занятий Ибн Сины в течение всей его жизни, как мы отчасти видели, была философия. В средние века философия претендовала на роль универсальной и энциклопедической науки, включая в себя и те отрасли знания, которые позднее отпочковались от нее и обрели самостоятельность. Для того, чтобы представить

чем была философия, или мудрость, для Ибн Сины, рассмотрим вначале структуру основного его труда, "Книги исцеления (от невежества или жажды знания)" - Китāб аш-шифā', или просто аш-Шифā'.

Она состоит из четырех крупных разделов, названных джумла, т.е. "сумма": (1) Логика, ал-Мантик, (2) Физика, по-арабски ат-Табй'ийāt, что можно перевести приблизительно "естествознание", (3) Пропедевтика, ат-Та'лимийāt, или Математика, ар-Рийādийāt, (4) Метафизика, или Божественные науки, ал-Илāхийāt.

Раздел логики начинается с общего введения в философию, или в науку вообще, которое и составляет его первую главу (по-арабски фанн). Далее следуют 8 фаннов (со 2-го по 9-й), которые имеют свои названия и делятся на разное число "статей" (макāла), в свою очередь складывающихся из "параграфов", или "отделов" (фасл).

1. Логика.

Фанн 2 0 категориях (ал-макūлāt) из 7 статей (по 7,5,4; 5,6,6,4 фасл).

Фанн 3 Речь о бāрй армйнās, греч. *peri hermeneias* т.е. о высказывании (ал-'ибāра) из 2 статей (по 10 и 5 фасл).

Фанн 4 0 силлогизме (ал-кийās) из 9 статей (по 7,4,5,6,5, 4,6,3,24 фасл).

Фанн 5 0 об аргументе (ал-бурхāн) из 4 статей (по 12,10,9, 10 фасл).

Фанн 6 0 топике (тубйкā), т.е. диспуте, или диалектике (ал-джадал) из 7 статей (по 10,6,4,3,5,1,4 фасл).

Фанн 7 0 софистике (суфистйкā) из 2 статей (по 3 и 6 фасл)

Фанн 8 Об ораторском искусстве (ал-хитāба) из 4 статей (по 7,9,8,5 фасл).

Фанн 9 0 стихе (аш-ши'р, т.е. греческом стихе) из 1 статьи (8 фасл).

2. Физика

Фанн 1 0 природной, или физической, гармонии (ас-самā' ат-табй'й) из 4 статей (по 15,13,14,15 фасл).

Фанн 2 0 небе и вселенной (ас-самā' ва-л-'āлам) из 1 статьи (10 фасл).

Фанн 3 0 бытии и исчезновении (ал-каун ва-л-фасād) из 1 статьи (15 фасл).

Фанн 4 Об атмосферных явлениях (ал-āsār ал-'увййā) из 2 статей (по 9 и 2 фасл).

Фанн 5 Охватывает причины бытия существ, лишенных души, как-то минералов и атмосферных явлений, из 2 статей (по 6 и 6 фәсл).

Фанн 6 О душе (ан-нафс) из 5 статей (по 5,5,8,4,8 фәсл).

Фанн 7 О растениях из I статьи (7 фәсл).

Фанн 8 О свойствах животных (фй табайи' ал-хайван) из 19 статей (по 3,2,3,2,2,2,2,4,6,1,1,15,7,9,3,2,1,1,1 фәсл).

3. Пропедевтика, или математика

/Фанн 9/ Книга Евклида (китаб уклядис), или Основы геометрии, из 15 статей (далее не подразделяющихся).

/Фанн 10/ Ал-Маджистй, или краткое изложение (талхис) Книги Птолемея по астрономии, из 14 статей (по 10,8,4,10,10,7,1,2,6,6,6,3,6,1 фәсл), из которых последняя носит название "дополнительной", очевидно, от автора.

/Фанн 11/ Ал-Арисматйкй, т.е. арифметика, в 4 статьях (далее не подразделяемых).

/Фанн 12/ Краткая сводка науки о музыке (джавами' ильм ал-мусйкй) из 6 статей (по 4,2,3,1,4,2 фәсл).

4. Метафизика, или божественные науки

Фанн 13 О метафизике, иначе называемой "первой (или высшей) философией", из 10 статей (по 8,4,10,3,7,5,3,7,7,5 фәсл).

Структура книги, как можно видеть, выдержана недостаточно четко: главы 3-го раздела имеют свои заглавия, но не называются фаннами, а в 4-м разделе выясняется, что единственная ее глава названа 13-м фанном, словно бы автор продолжал счет фаннам, начатый еще во 2-м разделе.

Рукописи сочинения многочисленны, всего их около 170, но среди них почти нет полных, в каждой недостает каких-нибудь глав или разделов. Относительно полными можно считать 23 списка. Полная рукопись "Книги исцеления", изготовленная в 601-604/1204-1208 гг., состояла из 25 томов примерно по 200 листов размером 20x16 см (ок. 10 тыс. страниц); от этого экземпляра до наших дней дошли 16 томов. Соотношение разделов книги видно из того, что в нем логика занимала первые 10 томов, физика - следующие 8, математика - тт.19-22, метафизика - последние 3 тома.

В изложенную схему "Книги исцеления" укладывается все, что писал Ибн Сина по философским наукам. Можно считать, что ранние его труды в этой области были подготовительными этапами к созданию "Книги исцеления", а более поздние развивали и повторяли из-

ложенное в ней. Названия многих из них переключаются с названиями разделов, глав и параграфов "Книги исцеления", некоторые построены по такой же или очень похожей схеме.

Почти в точности воспроизведена эта схема в построении "Книги спасения" (Китāб ан-наджāt), которая не является, однако, сокращением "Книги исцеления", как многие полагают; те же темы изложены в ней иначе и короче; в основном она составлена из ранее написанных автором кусков, отчасти составительскую работу выполнил ал-Джуаджāнī. Она включает предисловие и 4 раздела (кисма), которые делятся на ряд фәәл; у Махдави учтены 11 полных списков, без раздела математики - 23 (в их число входит рукопись 465-466/1072-1073 гг., самая древняя по дате среди рукописей всех трудов Ибн Сины), и еще 7 списков отдельных частей. Также все 4 раздела содержит персидская Дāннш-нāма, отличие которой заключается лишь в выделении раздела метафизики, обычно идущего последним, перед физикой.

По три раздела, логики, физики и метафизики, имеют "Арудиева мудрость" (ал-Хикма-л-'арудийа),⁵⁹ "Книга указаний и замечаний" (Китāб ал-ишārāt ва-т-танбīхāt),⁶⁰ небольшая "Книга верного пути" (Китāб ал-хидāйа)⁶¹ и кратчайшая "Книга источников мудрости" (Китāб 'у'дун ал-хикма).⁶² Два раздела, физики и метафизики, включает "Книга начала и возврата к исходу" (Китāб ал-мабда' ва-л-ма'ād).⁶³ Столь же энциклопедичны по содержанию как "Книга исцеления", но бессистемны фрагментарно сохранившиеся "Восточная мудрость" (ал-Хикма ал-машрикийа, или Мантик ал-машрикийин), "Комментарии" (ат-Та'лиқāt), "Книга справедливости" (Китāб ал-инсāф), "Диалоги" и недошедшие до нас "Дополнения" (ал-Лавāхик).

I. Сочинения по логике.

Напомним, что логике Ибн Сина учился в юном возрасте и еще в Бухаре написал по ней раздел для "Арудиевой мудрости", в Гургандже - трактат "Разъяснение направленных посылок" (Байāн завāt ал-джиха)⁶⁴ и "Поэму о логике" (Урджӯза фй 'илм ал-мантик)⁶⁵. Вопросы логики обсуждаются в I-м и 6-м ответах Абӯ Са'иду Мейхрнейскому, в письме к багдадским ученым по поводу неправомерных притязаний хамаданца, в полемике вокруг "Среднего компендия по логике" (ал-Мухтасар ал-аусат фй-л-мантик)⁶⁶; в 1022 г. Ибн Сина начал работать над разделом логики "Книги исцеления" и в следующем году закончил его; в том же 1023 г. он написал соответствующий раздел "Книги верного пути". В Исфахане он по-персидски из-

ложил в разделе логики примерно то же, что включил в 1032 г. в "Книгу спасения", а этот раздел в последнем скомпонован из упомянутого "Среднего компендия" и параграфов "'Арудиевой мудрости" о логических ошибках (софизмах). Частные вопросы логики затрагиваются в "Книге справедливости", "Комментариях", "Дополнениях", "Диалогах" и "Возражении" Абū-л-Фараджу ибн ат-Таййибу. От "Восточной мудрости" сохранились только отрывки по логике, в "Книге указаний и замечаний" дано сжатое изложение логики по "Книге исцеления", в "Компендии по основам логики" (ар-Рисāла-л-мūdжиза фй усūл ал-мантик) ⁶⁷ предмет изложен по "Эйсагоге" Порфирия Тирского и сюда же добавлен отрывок из "'Арудиевой мудрости".

Кроме того, в рукописях представлен ряд не поддающихся датировке и не упоминавшихся выше произведений по логике: "Трактат о делении рациональных наук" (Рисāла фй аксām ал-удūм ал-ак-лийа) ⁶⁸; "Малый компендий по логике" (ал-мūdжиз ас-сагīр фй-л-мантик), ⁶⁹ "Статья о проверке спорного места" (Макāла фй та-аккуб ал-мауди ал-джадалī); ⁷⁰ "Ошибка того, кто утверждает, что количество есть субстанция" (Хата ман қал анна-л-камййа джаухар) и другое кратенькое сочинение со сходным названием ⁷¹ кажутся фрагментами из "Книги исцеления"; "Виды суждений" (Анвā ал-қадāйā); ⁷² "Радость по логике" (ал-Бахджа фй-л-мантик); ⁷³ "Логика в сжатом изложении" (ал-Мантик ал-мūdжиз); ⁷⁴ "Тонкие вопросы логики" (ан-Нукат фй-л-мантик). ⁷⁵

По упоминаниям известны: "Диктовка по логике" (ал-Имля фй-л-мантик), "Комментарии по логике" (Та'ālīк фй-л-мантик), "Спор, прибавленный к Средней книге" (ал-Джадал ал-мулхак би-ки-таб ал-аусат), "Назначение категорий" (Тарад катигурийас), "Понятия в логике" (ал-Ма'āни фй-л-мантик), "Книга /семи/ постулатов" (ал-Муктадайāt /ас-саб' /), "Большой компендий по логике" (ал-мūdжиз ал-кабīр фй-л-мантик). Не исключено, что эти сочинения идентичны каким-либо из тех, что названы выше и представлены в рукописях.

"Аристотель впервые открыл существование схем рассуждения, схем умозаключения и тем самым положил начало науке, названной позже формальной логикой". ⁷⁶ Большой поклонник и последователь Аристотеля Ибн Сина в полной мере овладел этой наукой, поскольку она была доступна на арабском языке в переводах IX-X вв., сделанных в Багдаде, и в изложении ал-Фарабī и других авторов. Ему или иным его современникам не было смысла или нужды изобретать что-либо новое в этой области, но Ибн Сина очень гордился своим глубоким пониманием этого предмета и неустанно популяризировал

логику, обнаруживая даже среди самых ученых людей своей эпохи недостаточное ее знание. Из рассмотрения перечня трудов Ибн Сины по логике, насчитывающего около 30 названий, становится совершенно очевидным, что одни и те же вопросы в одинаковом понимании он излагал многократно, в разных целях и по разным поводам, более сжато или расширенно, с более или менее развернутой аргументацией. Иногда он не только по существу, но и текстуально повторял самого себя. Кроме фундаментального раздела логики в "Книге исцеления", занимающего две пятых ее объема, самостоятельное значение имеют, можно думать, соответствующие места "Восточной мудрости", "Книги указаний и замечаний", Дәниш-нāма из-за персидской терминологии, некоторые полемические трактаты и письма.

2. Сочинения по физике

Сочинения Ибн Сины, содержащие разделы физики, были названы выше (с. 50–52). Среди остальных четко выделяется группа, связанная с проблематикой 6-й главы (фани) "Книги исцеления", поэтому рассмотрим ее отдельно.

Ряд вопросов физики (как ее понимали в аристотелевой традиции) обсуждается в полемической переписке с ал-Бирūнӣ (997 г.), в "Ответах на 10 вопросов" (Джурджан), в 10-м ответе Абū Са'їду (1011 г.), "Письме к ученым Багдада" (Хамадан), "Ответах на вопросы" о субстанциональном характере огня (ок. 1036 г.).

Помимо них, среди недатируемых сочинений Ибн Сины с разными главами и параграфами 2-го раздела "Книги исцеления" сопоставимы "Причины атмосферных явлений" (Асбāб ал-āсār ал-‘улвӣйа),⁷⁷ "Трактат о причинах грома и молнии" (Рисāла фӣ зикр асбāб ар-ра'д ва-л-барк),⁷⁸ "Трактат о субстанции небесных тел" (Рисāла фӣ джаухар ал-аджрām ас-самāвӣйа),⁷⁹ "Трактат об определении тела" (Рисāла фӣ хадд ал-джисм),⁸⁰ "Трактат о различии между природным и внешним теплом" (Рисāла фӣ-л-фарк байн ал-харāра-л-гарӣзӣйа ва-л-гарӣба),⁸¹ "Трактат о пространстве" (Рисāла фӣ-л-вус'а),⁸² "Ответы на 12 вопросов"⁸³ и "Ответы на 25 вопросов".⁸⁴

Из числа несохранившихся, известных лишь по названиям произведений Ибн Сины к физике относятся еще два: "О том, что состояния не присущи телам сущностно" (Фӣ анна аб'ād ал-джисм гайр зāтӣйа лах) и "Расчленение на части" (Таджзӣ' ал-аксām).

К теме 6-й главы "О душе" Ибн Сина обращался многократно, начиная с "Книги о душе в кратком изложении" (Китāб ан-нафс 'алā суннат ал-ихтисār),⁸⁵ написанной еще в Бухаре; ее касаются "От-

веты" на 2-й, 3-й и 5-й вопросы Абӯ Са'ида, "Трактат о душе, изложенный доказательно и аргументированно" (Рисāла фй-н-нафс 'алā тарйк ад-далйл ва-л-бурхан)⁸⁶ (Рей), "Трактат о душе, наде-ленной речью" (Рисāла фй-л-калām 'алā-н-нафс ан-натика)⁸⁷ и "Расхождения людей относительно души и разума" (Ихтиляф ан-нас фй амр ан-нафс ва амр ал-'акл);⁸⁸ два последних написаны в Исфа-хане около 1036 г.

Не удается датировать следующие сочинения на излюбленные Ибн Синой психологические сюжеты: "Ответы на десять вопросов",⁸⁹ "Статья об **отторжении** форм, существующих в душе" (Махāла фй инфисāх ас-сувар ал-мауджуда фй-н-нафс),⁹⁰ "Суммарно о некоторых доводах, доказывающих вечность наделенной речью души" (ал-Джу-мал мин **ал-адилла-л-мухаккака** ли-бака' ан-нафс ан-натика).⁹¹ "Два вопроса" (Мас'алатāн),⁹² "О душе" (Фй-н-нафс),⁹³ "Трактат о душе" (Рисāла фй-н-нафс).⁹⁴ Сюда относятся также несохранив-шиеся сочинения: "Комментарии к "Книге о душе" Аристотеля" (Шарх Китāб ан-нафс ли-Аристātālīs), "Силы телесные" (Кувā-л-джисмāнийа), "Споры с Абӯ 'Али ан-Нисāбури о душе" (Мунāзарāt фй-н-нафс ма' Абй 'Али ан-Нисāбӯри), "Душа" (ал-Мухджа).

3. Сочинения по математике

Математические науки для Ибн Сины и вообще для его эпохи состояли из уклйдис (или усӯл ал-хандаса), ал-маджистй (или 'илм ал-хай'а), ал-арисмāтикй (или 'илм ал-хисāб) и ал-мӯсийкй; причем эти греческие слова разного происхождения приобретали почти **терминологическое значение** (ср. выше с. 43 и 51).

Вспомним, что арифметику, или счет, Ибн Сина учил сначала у зеленщика Махмуда, евклидову геометрию и **птолемееву** астроно-мию — у ан-Натили и потом самостоятельно по книгам. На разных этапах научного творчества он обращался к этим наукам лишь спо-радически и писал по ним мало. Главы **под** приведенными названиями образуют разделы "Книги исцеления", "Книги спасения" и Дāниш-нāма.

Сверх того, к геометрии относятся "Трактат об углах" (Ри-сāла фй-з-зāвийа)⁹⁵ и несохранившиеся "Сокращение уклйдиса" (Мухтасар уклйдис) и "Кратко о том, что угол, образуемый окруж-ностью и касательной, не измерим" (Мухтасар фй анна-з-зāвийата-л-латй мин ал-мухйт ва-л-мумāс лā камйа лахā).

Самый ранний трактат по астрономии — "О причине нахождения Земли в ее естественном месте" (Рисāла фй 'илла кийām ал-ард фй хаййизихā)⁹⁶ — написан в Гургандже; правда, в нем есть ссылка

на свое "Объяснение неба и вселенной" (Тафси́р ас-самā' ва-л-а́лам), которое до нас не дошло. В Джурджане составлены "Сокращение части ал-маджиста" (ал-Мухта́сар мин ал-маджист́и) и "Книга общих наблюдений", использованные в других трудах, но отдельно не сохранившиеся. В 1022-1023 гг. из авторских заготовок скомпонованы математические разделы упомянутых выше крупных произведений, причем частично эту работу выполнил ал-Джуза́дджāни. Практическими астрономическими наблюдениями Ибн Сина занимался в Рее и особенно в Исфахане, пользуясь в последнем случае изготовленными по его заказу весьма совершенными инструментами,⁹⁷ и написал сочинение "Астрономические инструменты" (ал-А́лат ар-раса́дйя).⁹⁸ В принадлежности Ибн Сине "Трактата об опровержении астрологии" (Рисāла фй ибтāl ахкām ан-нуджум)⁹⁹ сомневался еще средневековый переписчик, когда копировал с автографа его ученика Ибн Зйль. Только по названиям известны "Свойства линии экватора" (Хавāсс хатт ал-истивā') и "О двух половинах (или сторонах) Луны" (Кайфйя иншикāk ал-камар).

Специальные работы Ибн Сины по арифметике неизвестны, кроме упоминаемой Ибн Абй Усайбй'ой и некоторыми рукописными сборниками "Статьи по арифметике" (Макāла фй-л-арисмāтйкй).

Музыке, как мы знаем из биографии, Ибн Сина уделял часть досуга как слушатель. Помимо того, что вошло в математические разделы трех его книг, упоминается "Введение в искусство музыки" (ал-Мудхал иля синā'а ал-мусйкй).

4. Сочинения по метафизике

Труды Ибн Сины, в которых есть раздел метафизики, были названы выше (с.51-52) следовательно, остается перечислить его малые произведения, затрагивавшие ее тематику; их количество весьма значительно.

Вопросы метафизики обсуждались в "Трактате о любви" (Рисāла фй-л-'ишк),¹⁰⁰ "Ответах" Абӯ Са'йду на 4-й, 7-й, 8-й и 9-й вопросы и "Трактате о благах" (Рисāла фй-л-арзāk),¹⁰¹ в полемике с хамаданцем, с Абӯ-л-Кāсимом и с Абӯ-л-Фараджем, в трактате "По случаю праздника жертв о конечном исходе" (ал-Адхавййа фй-л-ма'ād),¹⁰² а также в ряде сочинений, которые не удалось поставить в связь с определенными датами жизни Ибн Сины.

Сюда относятся: "Трактат с опровержением приписываемого ему расхождения с Кораном" (Рисāла фй интифā' 'ан мā нусйб илайх мин му'арадат ал-Кур'āн),¹⁰³ "Трактат о доказательстве истинности пророческой миссии" (Рисāла фй исбāt ан-нубӯва),¹⁰⁴ "Божествен-

ная жемчужина о единобожии" (ал-Джумана-л-илахйя фй-т-тау-хйд), ¹⁰⁵ "Истины единобожия" (Хака'ик 'илм ат-таухйд), ¹⁰⁶ "Речь о единобожии" (ал-Хутба-т-таухйдийа), ¹⁰⁷ "Божественная эманация" (ал-Файд ал-илахй), ¹⁰⁸ "Трактат о побуждении к постоянному поминанию /бога/" (Рисала фй-л-хасс 'ала-л-иштигал би-з-зикр), ¹⁰⁹ "Трактат об ангелах" (Рисала фй-л-мала'ика), ¹¹⁰ касыда о соединении души с телом, рифмующаяся на букву 'айн, ¹¹¹ "Объяснение **дедуктивных** аргументов по запутанным вопросам" (Йдях баряхйн мустанбата фй маса'ил 'авйса) ¹¹² и отрывок из него под отдельным названием "Девственный трактат" (Рисалат ал-'арус), ¹¹³ "Трактат о новом" (Рисала фй-л-хадас), ¹¹⁴ "Книга дефиниций" (Китаб ал-худуд), ¹¹⁵ "Суждение о доводах тех, кто утверждает, что у прошлого есть начало во времени" (ал-Хукума фй худжадж ал-мусобитйн ли-л-мадй масба заманй), ¹¹⁶ "Речь" (Хутба), ¹¹⁷ "О молитве" (Фй-д-ду'а'), ¹¹⁸ "Трактат о сущности молитвы" (Рисала фй махййат ас-сала́т), ¹¹⁹ "Обет" (ал-'Ахд), ¹²⁰ "Величайшая молитва" (ал-Вирд ал-'азам), ¹²¹ "Семь бесед Шейха с ал-'Амирий" (ал-Маджалис ас-саб' байн аш-шайх ва-л-'Амирий).

Среди несохранившихся малых трактатов Ибн Сины к метафизике могли относиться "Священная мудрость" (ал-Хикма-л-худсйя), "Субстанция и акциденция" (ал-Джаухар ва-л-'арад), "Смысл истины: приведи им пословицу "жизнь тленная подобна воде" (Ма'на хақйка ва-друб лахум масал ал-хайат ад-дунйа ка-ма'), "Прозрение" (ал-Истибсар), "Вопросы, которые он разъяснил посредством напоминаний" (Маса'ил тарджамаха би-т-тазакир).

Надо отметить, что некоторые из перечисленных здесь сочинений перекликаются по содержанию с теми, которые посвящены вопросам психологии (о душе). В то же время часть из них считаются суфийскими (мистическими) и были популярны у суфиев.

II. Медицина

Другой крупной областью знания, на поприще которой Ибн Сина трудился в течение всей жизни и оставил многочисленные произведения, является медицина. Изучать ее он начал позже других наук, но в автобиографии он говорит только о чтении книг и некоторой врачебной практике, не упоминая своих учителей. Дополнительные сведения дают другие источники. Ибн Абй Усайбий'е было известно, что он учился у Абӯ Мансӯра ал-Хасана ибн Нӯха ал-Қумрий, выдающегося врача своего времени, автора ряда прекрасных книг. Ибн Сина "застал его в преклонном возрасте, посещал его маджлисы, постоянно присутствовал на занятиях и приобретал у него полез-

ные навыки по искусству медицины".¹²² Другим его учителем по медицине был Абӯ Сахл ал-Масъхӣ, с которым, как уже упоминалось, он встретился в Гургандже,¹²³ также автор нескольких полезных книг, написанных к тому же правильным арабским языком, превосходным стилем и отменным почерком. Медицина стала основной профессией Ибн Сины, которая помогала ему неоднократно выдвинуться в придворных кругах. Вопреки утверждению ал-Байхаки¹²⁴ Ибн Сина отнюдь не был первым врачом, который поставил свои знания на службу султану, как раз напротив, в этом он последовал десяткам своих предшественников, биографии которых можно найти, например, у ал-Кифти.

Писать по медицине он начал не сразу. Первое сочинение с замысловатым названием он посвятил своему покровителю в Гургандже везиру ас-Суخالӣ - "Книга об устранении от человеческого тела общих вредных воздействий путем предупреждения ошибочных мер" (Китаб даф' ал-мадәрр ал-куллийа 'ан ал-абдан ал-инсаныйа бй-тадәррук анва' хата' ат-тадбйр).¹²⁵

В 1012 г. в Джурджане Ибн Сина начал работать над составлением "Канона врачебной науки" (ал-Канун фй-т-тйб), продолжил ее в Рее и завершил в Хамадане до 1023 г. Пять ее "книг" уместились, по ал-Джузджанӣ, в 14 томах, в русском издании заняли 7 томов.¹²⁶ Этот труд Ибн Сины, прославивший его имя на века не только на Востоке, но и в Европе, стал своего рода медицинской энциклопедией средневековья, благодаря прекрасной организации материала и относительно простого и ясного изложения. Строение "Канона" не раз освещалось по-русски,¹²⁷ поэтому нет необходимости останавливаться на нем здесь. Можно лишь заметить, что прекрасное знание логики позволило Ибн Сине преодолеть хаотичность и несоразмерность частей, обычно присущие большинству медицинских трудов его предшественников. Есть известие¹²⁸ о том, что у Ибн Сины накопилось много данных, почерпнутых из личного врачебного опыта, которые он решил включить в "Канон" и записал в ряде тетрадей; к сожалению, они были утеряны еще до завершения этого труда. В ряде источников можно встретить описание случаев из медицинской практики Ибн Сины (об излечении от головной боли, женщины в Хорезме - от туберкулеза и др.).

Другие сочинения Ибн Сины по медицине занимают по отношению к "Канону" такое же подчиненное положение, как философские - к "Книжке исцеления"; многие из них, весьма вероятно, представляют лишь его фрагменты, либо разработки частных вопросов.

В Хамадане Ибн Сина написал "Статью о сердечных лекарствах" (Макалат ал-адвийа-л-калбйа),¹²⁹ к 1023 г. относится "Книга о коликах" (Китаб ал-куландж),¹³⁰ в Исфахане эмиру 'Алā'аддауле он преподнес "Статью о пульсе" (Макала фй-н-набд), единственное свое периодское сочинение по медицине,¹³¹ там же позднее написаны "Поэма о медицине" (Урджуза фй-т-тибб)¹³² и "Трактат о половой потенции" (Рисāла фй-л-бāх),¹³³ который продолжил серию аналогичных сочинений под таким названием на арабском языке, восходящих к переводам с греческого. Любопытно в этой связи сообщение ал-Джūзаджāнй, которое современные исследователи обходят из ложной стыдливости: "Шейх был силен всеми /природными/ силами, а половая сила среди чувственных его сил была мощной и преобладающей; он часто приводил ее в действие практически, это повлияло на его здоровье (букв. смесь, темперамент), а Шейх **полагался** на **крепость** своего здоровья".¹³⁴

И ниже, после рассказа о болезни Ибн Сины и неудачном самолечении: "Вместе с тем, он не берег себя и чрезмерно усердствовал в смешанных половых сношениях, поэтому не мог полностью оправиться от болезни, снова и снова заболел и выздоравливал".

Кроме названных, ряд медицинских сочинений сохранился в рукописях; в большинстве они не вошли в перечни трудов Ибн Сины. Поэмы (урджузы) на разные темы: о том, как беречь здоровье,¹³⁵ о четырех временах года,¹³⁶ об анатомическом вскрытии,¹³⁷ о заветах Гиппократа,¹³⁸ о медицинской практике,¹³⁹ о врачебных советах;¹⁴⁰ "Виды пищи и лекарств" (ал-Агзийа ва-л-адвийа),¹⁴¹ "Лечение поллюции" (Тадбир сайалāн ал-минā),¹⁴² "Трактат о мерах в пути" (Рисāла фй тадбир ал-мусāфирйн),¹⁴³ "Трактат о меланхолии и ее причинах" (Рисāла фй-л-хизн ва асбāбйх),¹⁴⁴ "Трактат о гигиене" (Рисāла фй хйфз ас-сйхх),¹⁴⁵ "Статья о тучности" (Макала фй хйсб ал-бадан),¹⁴⁶ "Празило для врача" (Дастūr тиббй),¹⁴⁷ "Возражение на статью Абū-л-Фараджа ибн Абй Са'йда ал-Йамāмй" (ар-Раул 'алā макалат аш-шайх Абй-л-Фарадж ибн Абй Са'йд ал-Йамāмй),¹⁴⁸ "Трактат о саканджабине" (Рисāла фй-с-саканджабйн),¹⁴⁹ "Книга об уходе за телом, достоинствах, пользе и вреде вина" (Китаб сййāсат ал-бадан ва фадā'ил аш-шарāб ва манāфи'их ва мадāррих),¹⁵⁰ "Трактат о кровопускании" (Рисāла фй-л-фасд),¹⁵¹ "Главы по медицине, записанные при беседе с Шейхом Абū 'Алй Сйнā" (Фусūл тиббйа мустафāда мин маджлис ан назар ли-ш-шайх Абй 'Алй Сйнā),¹⁵² "Вопросы Хунайна" (Масā'ил Хунайн),¹⁵³ "Дозы приема простых лекарств и их вред" (Макадйр аш-шурубāt мин ал-адвийа ва мадāрруха),¹⁵⁴ "Трактат об эндивии"

Только по упоминаниям известны: "Комментарии, которые написал Абӯ-л-Фарадж ал-Хамадāнī, врач, при беседе с ним, и его ответы" (Та'лиқāt истафāдахā...), "Поношение жующего кал" (Зам мадиғ ал-харā), "Питие вина спорно" (аш-Шарāб мадждӯл), "Медицинские каноны и рекомендации" (Кавāнīн ва му'āладжāt тибобйā), "Несколько медицинских вопросов" (Масā'ил 'ида тибобйā).

III. Коран, фикх, этика, политика

В детстве Ибн Сина изучал Коран примерно с 6 до 10 лет, а фикх — потом, под руководством Исма'йла Благочестивца. В Бухаре с ним дружил факих Абӯ 'Абдаллāх ал-Ма'сӯмī, в Гургандже он носил одежду факихов и их отличительный головной убор, добрые отношения связывали его с семьей Абӯ Бакра ал-Бағзакī, факиха и аскета. Однако сочинений, связанных с Кораном и фикхом, у Ибн Сины мало.

В автобиографии он упоминает, что для ал-Барақī он написал 20-томный труд по фикху "Книга итога и достигнутого" (Китāб ал-хāсил ва-л-махсӯл), который не мог быть ничем иным, кроме компиляции. Тогда же он написал двухтомную "Книгу добродетели и греха" (Китāб ал-бирр ва-л-исм), из которой сохранились лишь отрывки; не исключено, что "Божественная эманация" (ал-Файд ал-иллāхī), носящая в ряде списков то же самое название, представляет его отрывок, как и "Трактат об этике" (Рисāла фй-л-ахлāк),¹⁵⁶ в котором перечисляются хорошие и дурные нравственные качества человека.

Ибн Сине приписывают "Комментарии" (тафсīр) к трем последним сурам (II2-II4) Корана, имевшие хождение в большом количестве поздних списков,¹⁵⁷ и небольшой сборник передававшихся им хадисов,¹⁵⁸ а также наставления (Калām аш-шайх фй-л-мавā'из)¹⁵⁹ и изречения (калимāt, или аквāl).¹⁶⁰

С фикхом и этикой связаны небольшие трактаты "О поведении" (Фй-с-сийāса)¹⁶¹ и "Об употреблении благовоний" (Фй-т-тйб).¹⁶²

Опыт службы Ибн Сины в качестве везира и врача отражают его советы по "Устройству войскового лагеря" (Тадбīр манзил ал-аскар).¹⁶³ Такого же характера были, наверное, несохранившиеся "Организация войскового округа, мамлюков, войск, их жалованья и государева хараджа" (Тадбīр ал-джуңд ва-л-мамālīк ва-л-асāкир ва арзāкихим ва харāдж ал-малик) и "Устройство лагеря" (Тадбīр ал-манзил); очень похоже, что все три названия отражают одно сочинение.

IV. География

В одном из своих сочинений Ибн Сина упоминает "Пути и области земли" (ал-Масāлик ва бика'ал-ард), географическое сочинение, которое до нас не дошло, хотя ясно, что география не входила в круг постоянных интересов Ибн Сины.

V. Окультизм

Популярный образ Ибн Сины как философа-рационалиста и врача, казалось бы, исключает всякую его причастность к окультизму или занятиям. Однако едва ли их избежал хоть один серьезный средневековый ученый в области естественных наук. Безусловно Ибн Сине принадлежат три или больше сочинений в этом жанре. Полезно вспомнить также, что народная молва на Востоке приписывала Ибн Сине всякие чудеса, главным образом как лекарю-исцелителю и всезнающему мудрецу.

Небольшой алхимический "Трактат о /тайном/ искусстве для Абӯ 'Абдаллāха ал-Баракī" (Risāla fī-s-san'a ilā imām...) ¹⁶⁴ написан в Бухаре до 1005 г. Другое аналогичное сочинение создано в Гургандже - "Трактат о сокровенном искусстве" (Risāla fī amr mastūr as-san'a). ¹⁶⁵ Ю. Руска доказывал, что сочинение ложно приписано Ибн Сине, однако Ахмед Атеш, осуществивший его критическое издание, продемонстрировал слабость его доводов и предвзятость мнения. ¹⁶⁶ Ко времени жизни в Хамадане относится "Новогодний трактат" (ar-Risāla-n-nayrūzīya), ¹⁶⁷ в котором разъясняется значение таинственных букв, стоящих в начале некоторых сур Корана, и указывается на их мистическую связь с различными видами существ в мире.

В рукописях представлены также "Толкование снов" (Ta'bir ar-ru'yā) ¹⁶⁸ и "Трактат о фокусах" (Risālat an-nīrandjāt); ¹⁶⁹ оба отражают традиционные для арабско-мусульманской окультистской "науки" сюжеты и их принадлежность перу Ибн Сины остается спорной.

VI. Филология

Курс словесных наук, охватывающий все разделы арабской филологии, Ибн Сина прошел в молодые годы в Бухаре как обязательный элемент тогдашнего образования. Его разностороннему творчеству не была чужда и эта тематика. Еще в 17 лет он написал "Прибежище поэтов по метрике" (Mu'tasam ash-shu'arā' fī-l-'arūd). ¹⁷⁰ Выше был приведен эпизод его общения в Исфохане в 1023-1025 гг. с филологом Абӯ Мансӯром ибн ал-Джаббāном, в резу-

льтате чего им был создан словарь, сохранившийся фрагмент которого¹⁷¹ показывает, что он был несколько необычным и носил скорее терминологический характер. Посвященный тому же лицу трактат "Причины образования звуков" (Асбāб хуḍūs ал-хурӯф) известен в двух вариантах.¹⁷² Недошедшее до нас "Объяснение сущности звуков" (Тафйил ма'ййат ал-хурӯф), видимо, является названием одного из вариантов текста. Поздние источники упоминают еще "Тонкие /наблюдения/ по грамматике" (ал-Мулах фй-н-нахв) и "О стихе" (Фй-ш-ши'р). Не исключено, что первый назван по недоразумению (склонности к грамматике Ибн Сина не имел), а под вторым имеется в виду отрывок из сочинения по логике, где речь идет о греческом стихе (ср. выше, с.47).

УП. Поэзия и проза

Литературные произведения Ибн Сины представлены философской прозой и арабскими и персидскими стихами. К прозе можно отнести аллегорическое рассуждение о Хайе ибн Йакзāне (Живом, сыне Бодрствующего)¹⁷³ и "Трактат о птицах" (Рисāлат ат-тайр),¹⁷⁴ написанные в 1023 г.; появившееся немногим позднее "О решении и предопределении" (Фй-л-кадā ва-л-кадар);¹⁷⁵ существующие в рукописях "Речь о вине" (Хутба фй-л-хамр)¹⁷⁶ и "Наставления мудрецов Александру" (Насā'их ал-хукамā ли-л-Искандар).¹⁷⁷

В перечнях сочинений Ибн Сины упоминаются его книги в стиле прозаиков Ибн ал-'Амйда, ас-Сāбй и ас-Сāхйба, "Дружеские султанские послания" (Расā'il хувайнйа султāнййа), прочие "послания" по-арабски и по-персидски, речи и шуточные сочинения (хазлийāt), "О яблоке" (Фй-т-туффāх), "Книга с описанием безденежья /или торжества/ 'Адудаддаули" (Китāб йусйф тафар (/зафар?/) ал-амйр 'Адудаддаула), "Каковы спящие отроки" (Кайфййат асхаб ал-кахф), "Жаджа черни по отношению к жителям крепостей" (Хамадж ар-ри'ā' илā сāкин ал-қилā'); все они не сохранились.

Стихом Ибн Сина владел вполне. Об этом свидетельствуют, например, его версифицированные сочинения по логике и медицине, упоминаемые и цитируемые биографами касыды. Его персидские четверостишия перекликаются с четверостишиями Омара Хайяма и принадлежат к числу "странствующих", доказать или отвергнуть их подлинность затруднительно; то же следует сказать о некоторых его арабских стихах.

Ученики Ибн Сины

Совокупный объем научно-литературной продукции Ибн Сины

очень велик и сохранению ее для следующих поколений во многом способствовали его ученики.

Примерно с 32-летнего возраста при нем находился Абӯ ‘Убайд ‘Абдалвāхид ал-Джӯзаджāнī, "который принадлежал к интимному кругу Абӯ ‘Али, был завсегдаем его маджлисов, сотрапезником и слугой", помогал ему в трудах, комментировал его сочинения и сам писал кое-что по-персидски, хотя "не было среди учеников Абӯ ‘Али менее способного (или знающего), чем он", и в его окружении находился скорее "как послушник, не как приобретающий знания ученик".¹⁷⁸ Однако именно ему диктовал некоторые свои труды Ибн Сина и именно он оставил ценное жизнеописание учителя, без которого мы знали бы о нем значительно меньше.

Еще по Бухаре другом Ибн Сины был Абӯ ‘Абдаллāх ал-Ма‘сӯмī, о котором он будто бы сказал: "Он при мне на положении Аристотеля при Платоне".¹⁷⁹ Но после Бухары его общение с Ибн Синой не прослеживается, хотя тот же ал-Байхакī пишет (возможно, что по недоразумению), будто он присутствовал на занятиях в Хамадане.¹⁸⁰

Одним из талантливых и доверенных учеников Ибн Сины считался Абӯ Мансӯр ал-Хусайн ибн Тāхир ибн Зйла (или Зайла), который умер молодым, ненадолго пережив учителя, в 440/1048 г. Происходил он из Исфахана, придерживался, может быть, зороастризма, был знатоком математики и искусным музыкантом, сокращенно изложил раздел физики из "Книги исцеления", комментировал трактат о Хайе ибн Йакзāне и писал труды в духе своего учителя.¹⁸¹ Рукопись одного из трудов Ибн Сины дошла в копии с автографа Ибн Зйлы; некоторые письма к нему и беседы с ним вошли в состав "Диалогов".

Учеником Ибн Сины также в последний, исфаханский, период жизни был Бахманйār, прозванный "философом"; происходил он из Азербайджана, придерживался зороастрийской веры и плохо владел арабским языком,¹⁸² что не помешало ему написать ряд трудов на этом языке. Он выступает основным собеседником и адресатом в "Диалогах" Ибн Сины, по-видимому, он же собрал и составил их. Два сочинения Ибн Сины дошли в копиях с автографа Бахманйāра (ум. в 458/1065-66 г.). Он был, кажется, единственным, кто в свою очередь оставил прямого ученика, Абӯ-л-‘Аббāса ал-Лукарī, "от которого распространились философские науки в Хорасане".¹⁸³

В области медицины учениками Ибн Сины объявляли себя многие врачи, например, Абӯ-л-Кāсим ‘Абдаррахмāн ибн ‘Али ибн Ахмад ибн Абī Сāдик ан-Найсāбӯрī,¹⁸⁴ Абӯ ‘Абдаллāх Мухаммад ибн Йӯсуф ал-Илāкī¹⁸⁵ и др.

Все же из окружения Ибн Сины не выросло отдельной научной школы. Было много людей, которые считали себя его последователями, высоко его чтли, с симпатией о нем отзывались (Омар Хайям, Фахр-ад-дин ар-Разй и др.), но влияние это было чисто книжное. Про одного поклонника Ибн Сины сообщают, что он помнил науку (!) логику, физику и метафизику из "Книги исцеления",¹⁸⁶ а другой зарабатывал себе на жизнь перепиской книг и продавал собственные копии того же сочинения по сто динаров.¹⁸⁷

Пытаться проследить кто, когда и где переписывал сочинения Ибн Сины – задача самостоятельного исследования, которое станет выполнимым лишь после того, как будет собран археографический материал на более широкой основе, чем это сделал Й.Махдави, с привлечением всех печатных каталогов арабских рукописей и максимально возможным ознакомлением с самими рукописями.

Другая ожидающая разработки тема – не просто учет комментаторов Ибн Сины, а выяснение содержания и направленности их комментариев, изучение споров вокруг его наследия, влияния его книг и идей на многие поколения ученых в разных странах Востока.

Наиболее сложная задача заключается в оценке научного вклада и заслуг Ибн Сины. В самой общей форме это сделал свыше 40 лет назад видный советский арабист и семитолог А.Я.Борисов: "Авиценна имел крупных предшественников, наследие которых было им полностью воспринято. От них он не отличался ни точкой зрения на врачебную практику, ни теоретическим или практическим методом, ни основной эрудицией; но, основываясь на их трудах, он смог суммировать арабскую медицину с завершающей полнотой. В этом именно и заключается его заслуга перед арабской культурой, а вместе с этим – и перед культурой человечества. Его колоссальный "Канон", как стройный купол венчает собою двухвековое здание арабской медицины, и ни одна из позднейших пристроек не смогла подняться выше этого купола".¹⁸⁸ При этом А.Я.Борисов справедливо оговаривает, что он имеет в виду средневековую культуру мусульманских стран, которая является арабской (разрядка принадлежит А.Я.Борисову) лишь по своему литературному языку.¹⁸⁹

"Об арабской философии – продолжает А.Я.Борисов, – следует сказать то же, что было сказано об арабской медицине: в своей основе она является продолжением античной традиции и не только по материалу, но и по главной своей тенденции. Античная философия пришла к арабам тем же путем, что и медицина, и культивировалась преимущественно теми же лицами, так как тогда врач и

философ, как правило, совмещались в одном лице, причем к этим двум наукам нередко присоединялись еще астрономия и математика".¹⁹⁰ "Авиценна... примкнул к своим предшественникам, образовав очередное звено в цепи общего развития философии на мусульманском Востоке, ... придал арабской философии законченное выражение, завершив двухвековой процесс ее развития".¹⁹¹

"Три основных предпосылки" философии Авиценны, "три принципа, на которых покоится вся ее система", "суть: рационализм, психологизм и статический формализм. Рационализм пытался в законах человеческого ума, понимаемых как извечно-данные, найти ключ к постижению законов бытия", "психологизм шел в этом направлении еще дальше, прямо подменяя категории объективного мира категориями человеческой психики и находя во вселенной "разум" и "душу" - в том самом смысле, в каком эти понятия существовали в тогдашней психологии; наконец, статический формализм, как основной принцип аристотелевской логики, пронизывал насквозь все миропонимание".¹⁹²

"Философия Авиценны... ставит своей целью постижение всей полноты бытия. А так как бытие... состоит либо из духовного, либо из телесного, либо из материального, то и философия разделяется на три части - на метафизику, физику и логику, из коих первая изучает духовные, лишённые материи сущности, вторая - материальные вещи и третья - абстрагируемые от материи понятия, т.е. явления интеллектуального порядка".¹⁹³

Для того, чтобы конкретизировать, уточнить и в чем-то, может быть, пересмотреть приведенные оценки и суждения, которые мне представляются удачно сформулированными и вполне обоснованными, необходимы новые специальные изыскания, которые может предпринять только историк философии и историк науки. Нуждаются, в частности, в проверке утверждения ал-Джузджани о том вкладе и дополнениях, которые сделал Ибн Сина в области астрономии, геометрии, арифметики и музыки (см. выше, с.43); они подкреплены и собственными высказываниями автора в предисловии к его "Книге исцеления". Особенно существенным было бы проследить все расхождения Ибн Сины с учением Аристотеля, о которых он многократно заявляет в различных своих трудах. Частично, применительно к метафизике, это уже сделано Парвизом Моревиджем,¹⁹⁴ который показал также, что Ибн Сина нередко отходит от мусульманских концепций. Философские воззрения Ибн Сины стали в последнее время предметом плодотворных исследований известного

специалиста по арабской философии А.В.Сагадеева (Москва, ИНИОН АН СССР).

Автор обильно цитированной здесь работы ставил своей целью "показать, что Авиценна принадлежит к числу тех имен, историческая роль которых в умственном развитии Европы, в медицине и философии никогда не может быть забыта".¹⁹⁵ Изучение творческой биографии и научного наследия Ибн Сины представляется еще более важным для понимания средневековой культуры на Востоке, в Иране и Средней Азии, а также показательным в методическом отношении. Основания для этого следующие: редко от какого восточного ученого сохранились автобиографические свидетельства и достоверный рассказ биографа-очевидца, которые позволяют проследить его жизненный путь буквально по годам, иногда по месяцам, узнать его распорядок дня и манеру работать, его учителей и учеников, друзей и врагов; исследователь располагает перечнями его сочинений и рукописными их копиями в достаточном количестве, имеет возможность узнать историю создания многих из них; к тому же речь идет о личности по-настоящему яркой, разносторонней, честолюбивой, работавшей с напряжением своих недолгих сил; мало какому восточному автору удалось обрести столь громкую мировую славу. Наконец, Ибн Сина интересен, поскольку являет собой воплощенное противоречие: вырос на традициях арабской науки и сам стал ее представителем, а ученость его главным образом эллинистическая; по этническому происхождению он принадлежит, вероятно, к предкам современных таджиков, а жил и работал на территории современного Узбекистана и Ирана; он стремился примирить свою философию с исламом, а приобрел репутацию если не безбожника, то сомнительного мусульманина.

¹ *Tatimmat al-hikma of Alī b. Zaid al-Baihakī*. Ed. by Mohammad Shafī'. Fasc. I - Arabic text. Lahore, 1935 (Panjab University Oriental publications series N° 20), с.38-62. [Далее - ал-Байхакī.] *Ibn al-Qiftī's Ta'rīkh al-hukamā'*. Auf Grund der Vorarbeiten Aug. Müller's hrg. von Julius Lippert. Leipzig, 1903, с.413-426. [Далее - ал-Кифтī.] *Ibn Abi Useibia*. Hrg. von August Müller. Königsberg, 1884, II, с.2-20. [Далее - Ибн Абī Усайбī'а.]

² А.А.Семенов, Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна). 2-е изд., Сталинабад, 1953, с.24.

3 Yahya Mahdavi, :Bibliographie d'Ibn Sina. Tehran, 1954. /Перс. титул: / نهرست نسخهای مصنفات ابن سینا، تهران، ۱۳۲۲ /Далее - Махдави/.

4 Ср.: Ю.Н.Завадовский, Абу'Али Ибн Сина (опыт критической биографии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1958.

5 В это второе имя (араб. кунья) был вложен дополнительный намек: у всякого ал-Хусайна, подобно знаменитому тезке Уп в., сын должен носить имя 'Али.

6 Ал-Кифти, с.413.

7 Цитировано у Махдави, с.125, прим.1.

8 Ал-Байхаки, с.22.

9 Ал-Кифти, с.414.

10 Там же, с.415. Заслуживает внимания, как ал-Джузджани характеризует манеру чтения взрослого Ибн Сины, выработанную, наверное, еще в молодости: никогда он не читал книгу подряд, а перелистывал и искал, что пишет автор по сложным проблемам, чтобы поскорее выяснить меру его компетентности и проникновения в предмет (ал-Кифти, с.422; Ибн Абй Усайбий'а, II, с.7)

11 Там же, с.416.

12 Кстати, в цитированном рассказе есть фраза "книги по арабскому языку" (кутуб ал-'арабийя), которую В.В.Бартольд (Сочинения, т.1, М., 1963, с.54) перевел по какому-то недоразумению "книги арабские"; вслед за ним все, кто писали по-русски об Ибн Сине и цитировали это место, повторяли ту фразу в его переводе. Неудачный перевод создавал впечатление, будто в той библиотеке только часть книг в одной из комнат была на арабском языке, а остальные - неизвестно на каких других языках.

13 Ал-Байхаки, с.43.

14 Ибн Абй Усайбий'а, II, с.19.

15 П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, Ташкент, 1972, с.63.

16 Оно существует по меньшей мере в 19 списках, из которых старейший (Лейден, № 1476) датирован 515/1121 годом, издавалось в Иране и Египте; П.Г.Булгаков (там же, с.62) упоминает, что оно было издано в Ташкенте литографским способом с предисловием и переводом на узбекский язык А.Расулева и М.Абдурахманова.

Русский перевод Ю.Н.Завадовского: "Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане", Ташкент, 1962, с.128-162; 2-е изд., 1976, с.240-265.

17 Ал-Кифти, с.417; непонятно какому султану служил тогда Ибн Сина, караханидскому или, может быть, одному из саманидских царевичей.

18 С.Б.Серебряков, Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви. Тбилиси, 1976 (фототипически воспроизведен также текст, который был издан А.Ф.Мереном в 1894 г. в Лейдене).

19 Ал-Кифти, с.416-417.

20 Все 8 его списков находятся в Стамбуле, старейший датирован 579/1183-84 годом.

21 Ал-Кифти, с.417.

22 См. Махдави, с.125, прим.1.

23 Ибн Абй Усайб'а, П, с.19.

24 Там же, I, с.327.

25 Трактат не может относиться к джурджанскому периоду жизни Ибн Сины, если даже считать правдивым рассказ автора XII в. (Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей или Четыре беседы. Перевод с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной под редакцией А.Н.Болдырева. М., 1963, с.112-115) о том, что Абӯ Сахл ал-Мас'ихи скончался в пути во время песчаной бури в Хорезмской пустыне.

26 Подробнее см. П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, с.119-131.

27 Драматизованный рассказ Низами Арузи (см. выше, прим.25) об ультимативном требовании, предъявленном хорезмшаху Махмудом Газнави через своего посланца, отправить всех находившихся при его дворе ученых в Газну, о тайном бегстве Ибн Сины вместе с Абӯ Сахлем ал-Мас'ихи и т.д., не вызывает доверия и смещением дат (ал-Бируни уехал в Газну не тогда же, а 7 лет спустя), и подробностями о вымышленной встрече Ибн Сины с Кабусом, которого он не застал в живых (ум. в 402/1012 г.)

28 Ал-Кифти, с.417.

29 Махдави, с.125, прим.1.

30 Ал-Шах ар-Ра'ис (букв. "Старейшина" и "Глава") или про-

сто ал-Шайх - почетное прозвище Ибн Сины как ученого, под которым он упоминается во многих рукописях и книгах.

31 Ал-Кифтй, с.417-418.

32 Махдави, с.127-128 (цитата из предисловия к "Книге исцеления").

33 П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, с.74.

34 Низами Арузи, с.109.

35 Ал-Кифтй, с.419.

36 Цитировано у Махдави, с.125, прим.1.

37 Ал-Кифтй, с.419.

38 Ал-Кифтй, с.419-421; Махдави, с.128.

39 Ал-Байхаки, с.33.

40 Ал-Кифтй, с.424.

41 У Махдави учтены 7 списков, из которых один насчитывает 35 страниц.

42 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.206.

43 У Махдави учтены 28 рукописей сочинения, старейшая из которых датирована 515/1121-22 годом.

44 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.204-206.

45 Ал-Байхаки, с.32-33.

46 Ал-Кифтй, с.419-420. В другом месте, в предисловии к "Книге исцеления" (цитировано у Махдави, с.128), ал-Джүзаджани называет везирскую должность Ибн Сины "горем и утратой надежд" для учеников (которые вместе выразили указанную просьбу), уточняет, что Ибн Сина написал всего ок. 20 листов и прекратил "из-за султанских дел (или распоряжений?)".

47 Ал-Кифтй, с.419-420.

48 Ал-Кифтй, с.421-422.

49 The Irshād al-arīb ilá ma'rifat al-adīb or Dictionary of learned men of Yáqút, ed. by D.S.Margoliouth. Vol.VII, London, 1926, с.45-46.

50 Ал-Байхаки, с.55.

51 Ал-Кифтй, с.424, 3 сн.

52 Иную версию излагает ал-Байхаки (с.55-56): победитель Мас'уд женился на сестре побежденного 'Али' аддаули, Ибн Сина во время переговоров о браке выполнял деликатные поручения своего сюзерена и спас ее честь; разграбление имущества Ибн Сины и исчезновение авторской рукописи "Книги справедливости" и некоторых других его сочинений произошло при взятии Исфахана отрядом курдов во главе с Абӯ Сахлем ал-Хамдави (у ал-Байхаки - ал-Хамдунӣ), действовавшим в качестве "владельца Рея", поставленного Мас'удом; дата не указывается, но исторические хроники помещают это событие под 425/1034 г.

53 Тот же вопрос возникает относительно известия о том, что копию сочинения купил в Исфахане в 545/1150-51 г. 'Азиз-аддин ал-Факрӣ ар-Райханӣ и доставил в Мерв (ал-Байхаки, с.56), и относительно ссылок на него у Шихабалдина Махтӯла ас-Сухравардӣ и Фахралдина ар-Рази в XII в.

54 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.207-208.

55 В статье про этого философа ал-Байхаки (с.27-33) пишет также: "Шейх Абӯ 'Али ругал его..., может быть из-за взаимной зависти, которая возникает между современниками. А Абӯ-л-Фарадж ... как философ заслуживал полного уважения, ибо вошел в дом мудрости через его врата. У него есть сочинения по логике и другим /наукам/... Он знал румский (латинский?) и греческий языки... Я видел книгу Абӯ-л-Фараджа "О причинах вещей", прочитал ее с пользой для себя и убедился, что он мудрец, однако между ним и Абӯ 'Али - далекое расстояние. А Абӯ 'Али был обидчиком, хулителем... В своих книгах Абӯ 'Али делал выпады против Абӯ-л-Фараджа, тогда как выдающимся мудрецам подобает не ругань, поношение и хула, а утверждение истины; тому же, кто утверждает истину, не надобна хула на сторонников ложного". Ему вторит ал-Кифти (с.223): "Абдаллах ибн ат-Таййиб... философ достойный, начитанный в книгах древних и речениях их, усердный в исследованиях и искании; он занимался комментированием древних книг по логике и отраслям философии, сочиненных Аристотелем, а по медицине - книг Галена..., комментарии он писал исчерпывающие, стремись научить и объяснить, а один притязающий на это искусство даже порицает его за то, что он писал длинно; этим осуждающим был малопонимающий иудей, который вычитал мнение Ибн Сины. Я же и всякий справедливый можем сказать только, что Абӯ-л-Фарадж ибн ат-Таййиб оживил из этих наук то, что исчезло, сделал явным то, что сокрыто, и учениками его были люди, которые главенство-

вали /в науке/ и принесли пользу, в их числе ал-Мухтār ибн ал-Хасан ибн 'Абдун, известный как Ибн Бутлāн".

56 Ал-Кифтī, с.407.

57 Низами Арузи, Собрание редкостей, с.II9.

58 Ал-Кифтī, с.425-426.

59 **Сочинение** сохранилось в единственном дефектном списке, копированном с автографа примерно в УЦ/ХШ в. (Упсала, № 364, 84 л.): Махдави, № 62.

60 Сочинение многократно переписывали и комментировали, текст издан.

61 Существует в единственном списке, насчитывающем 23 страницы: Махдави, № I30.

62 Из I4 списков сочинения, учтенных у Махдави (№ 93) один представляет копию с автографа Бахманйāра и датирован 588/II92 г.

63 Она состоит из трех "статей", подразделяемых на 83 фāсл; у Махдави (№ I06) учтено много списков, из коих один занимает 50 листов, а старейший писан в 580/II85 г.

64 Сохранился в одном списке, насчитывающем 38 страниц: Махдави, № 42.

65 у Махдави (№ 22) учтено I2 списков, в их числе список 5I5/II2I-22 г.

66 Старейший из 4 учтенных Махдави (№ I08) **списков** датирован 528/II33-II34 г. и насчитывает I34 л.

67 Делится на 2 мақāла и I бāб; у Махдави (№ II6) учтены 3 списка, из которых старейший копирован с автографа Бахманйāра в 588/II92 г. и насчитывает 48 страниц.

68 Многие сочинения Ибн Сины, особенно малые трактаты, имеют по 2-5 вариантов заглавия. Здесь приводятся только те, которые й.Махдави принял за основные, в редких случаях - варианты. В частности, это сочинение имеет еще два варианта заглавия, его списки многочисленны: Махдави, № 32; вопрос о делении наук рассматривается также во вводных параграфах главы о логике "Книги исцеления", "Восточной мудрости" и Дāниш-нāма.

69 Из двух списков сочинения один датирован 588/II92 г. и занимает I7 страниц: Махдави, № II5; добавив 3 фāсл к его главе об аргументе, Ибн Сина составил раздел логики своей "Книги источников мудрости".

- 70 Махдави, № 48: 9 списков, в одном из них 12 страниц.
- 71 Махдави, № 67-68.
- 72 Состоит из 7 стихотворных строк: Махдави, № 37.
- 73 Сохранилось в I списке на 26 страницах: Махдави, № 41.
- 74 Один из 5 учтенных у Махдави (№ II4) списков занимает 41 страницу.
- 75 Махдави, № 125: 3 списка, из которых один насчитывает 3 страницы.
- 76 З.Н.Микеладзе, Основоположения логики Аристотеля, /в кн.:/ Аристотель, Сочинения в четырех томах, т.2, М., 1978, с.44.
- 77 Принадлежность сочинения Ибн Сине подкреплена слабо, у Махдави (№ 24) учтены 3 списка, один из которых занимает 4 страницы.
- 78 Известен в 8 поздних списках (Махдави, № 26), в хайде-рабадском издании уместился на 5 страницах.
- 79 Сочинение делится на 6 фәсл, в издании заняло 14 страниц, старейший из множества списков датирован 588/II92 г.
- 80 Старейший из 10 списков, учтенных у Махдави (№ 56), датирован 515/II21-22 г. и занимает 11 страниц.
- 81 Махдави, № 94: 8 списков, в одном текст уместился на 2 стр.
- 82 Иначе: Рисāла фй̄-л-фадā'. Махдави, (№ 129) учел 9 списков, из **которых** один занимает 8 страниц.
- 83 Текст известен только в одном **позднем** списке: Махдави, № 9.
- 84 Старейший из 5 списков, учтенных у Махдави (№ 10), писан в 570/II74-75 г. на 16 страницах.
- 85 Махдави, № 120: сочинение делится на 10 фәсл, известно под названиями "Исследование о душевных силах" (Мабхас 'ан ал-кувā-н-нафсāййā), "Подарок" (Хадййā), "Параграфы" (ал-Фусул); его старейший список насчитывает 46 страниц и датирован 588/II92 годом.
- 86 Махдави, № 121: сочинение делится на 16 фәсл, имеет ряд названий; из множества его списков самый старый датирован 588/II92 г. и занимает 79 страниц.

- 87 Известен в одном списке на 7 страницах.
- 88 У Махдави (№ 12) учтены 9 списков сочинения, которое умещается обычно на 3 страницах.
- 89 Сочинение зафиксировано у Махдави (№ 7) на основании единственного списка на 6 страницах: может быть, его следует отнести в раздел **метафизики**.
- 90 Махдави, № 36: 8 списков. Сочинение **записано** учеником ("рабом") Ибн Сины.
- 91 Сочинение состоит из 7 силлогизмов (кийās), Махдави (№ 52) учел 9 его списков, из которых старейший датирован 570/II74-75 г. и занимает 13 страниц.
- 92 Махдави, № 109: 2 списка, в одном насчитывается 3 страницы.
- 93 Махдави, № 123: 3 списка, в одном из них 5 страниц.
- 94 Сочинение делится на 7 бāб и представляет комментарии на приписываемое Аристотелю сочинение о душе; известно в I списке: Махдави, № 124.
- 95 Делится на 4 фāсл; у Махдави (№ 80) учтены 4 списка.
- 96 Из 18 списков, учтенных у Махдави (№ 91), один насчитывает II страниц.
- 97 Ал-Байхақй, с. 55.
- 98 По единственной лейденской рукописи (№ 1061) сочинение издано Е. Видеманом в 1927 г.; Махдави, № I.
- 99 Махдави, № 2: 7 списков, в одном из них сочинение занимает 16 страниц.
- 100 Иначе: "Трактат о доказательстве циркулирования любви во всем сущем" (Рисала фй исбат сарайāн ал-'ишк фй-л-мауджудāt); старейший из многих списков, учтенных у Махдави (№ 90), датирован 579/II83-84 г.
- 101 У Махдави (№ 23) учтены 5 списков, один уместился на 9 страницах.
- 102 Сочинение делится на 7 фāсл, известно в множестве списков, из которых старейший датирован 588/II92 г., в издании заняло 127 с.: Махдави, № 30.
- 103 Может быть, имеет отношение к полемике с Абū-л-Кāсимом,

у Махдави (№ 34) учтены 8 списков сочинения, занимающего в одном из них 3 страницы.

104 Объем сочинения невелик, списков много, Махдави, № 3.

105 Стихотворение в 334 бейта, Махдави (№ 51) зафиксировал 7 списков.

106 Махдави, № 61: списков много, в одном 16 страниц.

107 Махдави, № 70: списков много, старейший датирован 588/1192 г. и занимает 6 страниц.

108 Махдави, № 97: множество списков, в основном поздних; сочинение известно также под названиями "Действие и претерпевание (страдание) (ал-Фи'л ва-л-инфи'ал); "Добродетель и грех" (ал-Бирр ва-л-исм)

109 Сочинение небольшого объема (1-2 страницы), у Махдави (№ 54) отмечено 7 списков.

110 Махдави, № 113: 7 списков, в одном из которых 4 страницы.

111 В перечнях трудов Ибн Сины не упоминается, но представлена среди прочих списком 588/1192 г.; в ней 20 байтов, Махдави, № 99.

112 Махдави, № 38: 7 списков, в одном из них 5 страниц.

113 Сочинение имеет несколько вариантов названия, его списки многочисленны, обычно умещается на 2-3 страницах, Махдави, № 89.

114 Построен в виде вопросов и ответов, их стиль внушает сомнение в принадлежности сочинения Ибн Сине; у Махдави (№ 55) учтены 4 списка, в одном из них 2 страницы.

115 Махдави, № 57: множество списков, в одном 27 страниц, старейший датирован 579/1183-84 г.

116 Сочинение делится на 11 фасл, старейший из 18 списков датирован 588/1192 г. и насчитывает 35 страниц; называется также "О конечном и бесконечном" (Фй-н-нихайа ва-л-ләнйхайа), Махдави, № 64.

117 Махдави, № 69; 2 списка.

118 Махдави, № 74: 1 список.

119 Сочинение не упоминается в старых перечнях трудов Ибн Сины, но представлено многочисленными списками, Махдави, № 85.

- I20 Или "Обет об очищении души", текст известен в двух вариантах, у Махдави (№ 92) учтено 20 списков.
- I21 Принадлежность Ибн Сине слабо подтверждена, Махдави, № I28: I **список**.
- I22 Ибн Абй Усайбй'а, I, с.327.
- I23 Там же, с.328.
- I24 Ал-Байхақй, с.43.
- I25 Сочинение делится на 7 статей (мақала), сохранилось в 20 списках, из которых старейший датирован 579/II83-84 годом: Махдави, № 75.
- I26 Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. I-5, Ташкент, 1954-1960.
- I27 Например: И.И.Гинцбург, Арабская медицина и произведения Авиценны "Канон" и "Урджуза" по еврейским рукописям Института востоковедения Академии наук, - "Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19-23 октября 1937 г.", М.-Л., 1941, с.41; А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ. - ИАН СССР, Отделение общественных наук, 1938, № I-2, с.56-58. Рукописи сочинения многочисленны, у Махдави (№ 98) учтено 186 списков разных томов ("книг").
- I28 Ибн Абй Усайбй'а, II, с.7-8.
- I29 у Махдави (№ I4) учтены 28 списков.
- I30 Махдави, № I01: 7 списков.
- I31 Махдави, № II7: 9 списков.
- I32 Махдави, № I5: А.Э.Шлионский, "Поэма о медицине" Авиценны. Автореферат канд. дисс. Душанбе, 1969.
- I33 Махдави, № 39: 5 списков, в одном из них II страниц.
- I34 Ал-Кифтй, с.425.
- I35 Махдави, № I6: I5 байтов, 4 списка.
- I36 Махдави, № I7: I2I **байт**, I2 списков.
- I37 Махдави, № I8: I список (Ватикан); Шлионский (ук.соч., с.7) приводит число байтов - 89 и утверждает о наличии рукописей в Готе и Британском музее.
- I38 Махдави, № I9: 93 байта, 2 списка.

- I39 Махдави, № 20: 120 байтов, 7 списков.
- I40 Махдави, № 21: 72 байта, 5 списков.
- I41 Махдави, № 31: фрагмент на 3 страницах одной стамбульской рукописи.
- I42 Махдави, № 44: рецепт в 10 строк.
- I43 Советы путешественникам, Махдави, № 45: 5 списков, в одном из них насчитывается 23 листа.
- I44 Махдави, № 59: из 15 списков старейший восходит к 579/II83-84 г.
- I45 Состоит из введения и 13 бāб; у Махдави учтены 13 списков, в одном из них 13 страниц.
- I46 В единственном списке она названа переводом Ибн Сины из Галена, что делает его авторство сомнительным, Махдави, № 66.
- I47 Махдави, № 73: 12 списков, в одном из них 5 страниц.
- I48 Старейший из 9 списков сочинения датирован 579/II83-84 г., один из них насчитывает 16 листов, Махдави, № 77.
- I49 В двух из 9 списков автором назван ар-Рāзй, Махдави, № 81.
- I50 Махдави, № 83: 4 списка, в одном из них сочинение занимает 5 страниц.
- I51 Махдави, № 95: 5 списков, в одном из них 5 страниц.
- I52 Махдави, № 96: 12 списков, в одном из них 34 страницы.
- I53 Махдави: № 110: 4 списка, в одном из которых 24 страницы.
- I54 Махдави, № 112: рецепты на 14 страницах единственного списка.
- I55 Махдави, № 131: много списков.
- I56 Махдави, № 13: много списков, из которых один насчитывает 12 страниц, а старейший писан в 579/II83-84 г.
- I57 Махдави, № 50.
- I58 Махдави, № 58: 2 списка, в одном текст **занимает** 2 страницы.
- I59 Махдави, № 102: 3 списка по одной странице.
- I60 Махдави, № 103: 3 списка, сочинение занимает несколько строк.

- I61 Махдави, № 82: сочинение состоит из предисловия и пяти бѣб, известно в 5 списках, в одном из них занимает 8 страниц.
- I62 Махдави, № 87: I список на одной странице.
- I63 Махдави, № 46: 3 списка по одной странице.
- I64 Второе его название - "Красный эликсир" (ал-Иксир ал-ахмар), у Махдави (№ 86) учтены 4 его списка, из которых старейший датирован 700/1300-01 г.
- I65 "Варианты названия - "Об эликсире", "Об алхимии"; сочинение делится на 9 фѣсл, старейшие списки датированы 588/II92 и 699/1299-1300 г., у Махдави (№ 33) их отмечено 9.
- I66 Ibn Sina, Risalat al-iksir. - "Türkiyat Mecmuasi". с.Х, İstanbul, 1953, с.27-54.
- I67 Сочинение делится на предисловие и 3 фѣсл, его списки многочисленны: Махдави, № I27.
- I68 Сочинение состоит из предисловия и I29 фѣсл, у Махдави (№ 47) отмечены II списков.
- I69 Махдави, № I26: 2 списка, в одном из них 3 страницы.
- I70 Ибн Абѣ Усайбѣ'а, II, с.19.
- I71 у Махдави (№ I04) указан I список в Тегеране, другой находится в собрании Ленинградского отделения ИВ АН СССР: А 345, лл. I626-1656. Ибн Абѣ Усайбѣ'а видел какую-то часть словаря и отозвался о нем как I0-томном и "странно составленном" (II, с.5).
- I72 Махдави, № 25: среди многих списков старейший датирован 570/II74-75 г.; в обоих вариантах: В.Г.Ахвледиани, Фонетический трактат Авиценны. Текст, перевод и исследование. Тбилиси, 1966.
- I73 Махдави, № 65: 20 списков; его сюжет был обработан в виде повести Ибн Туфайлем в Испании.
- I74 Старейший из многих списков датирован 586/II90 г., Махдави, № 88.
- I75 Махдави, № I00: I7 списков, в одном из них 27 страниц.
- I76 Махдави, № 71: 5 списков, в одном 2 страницы.
- I77 Махдави, № II9: I список на одной странице.
- I78 Ал-Байхакѣ, с.93-94.
- I79 Там же, с.95-96.

- 180 Там же, с.49.
- 181 Ал-Байхакӣ, с.92-93.
- 182 Там же, с.91-92.
- 183 Там же, с.120-121. В этом источнике приводятся биографии трех его учеников.
- 184 Ибн Абӣ Усайбӣ'а, II, с.22.
- 185 Там же, II, с.20.
- 186 Ал-Байхакӣ, с.98.
- 187 Там же, с.128.
- 188 А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ, с.54.
- 189 Там же, с.52.
- 190 Там же, с.60.
- 191 Там же, с.64-65.
- 192 Там же, с.67.
- 193 Там же, с.68.
- 194 P.Morewedge, *The Metaphysica of Avicenna (Ibn Sīnā). A critical translation-commentary and analysis of the fundamental arguments in Avicenna's Metaphysica in the Danish Nama-i 'alā'i (The Book of Scientific Knowledge)*. London, 1973 (*Persian Heritage Series*, N 13).
- 195 А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ, с.71.

А.Т.Тагирджанов, О.Б.Фролова

РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЙ ИБН СИНЫ В БИБЛИОТЕКЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Перу Ибн Сины, согласно некоторым подсчетам, принадлежит около 270 сочинений. Рукописное собрание восточного отдела Научной библиотеки им. М.Горького Ленинградского Гос.университета им. А.А.Жданова располагает девятью рукописями, содержащими сочинения Ибн Сины и комментарии к ним.¹ Это - части знаменитой философской энциклопедии "Книга исцеления" (№ 62 и 195); извлечение самого Ибн Сины из "Книги исцеления", называемое "Книга

спасения от гибели в море заблуждений" (№ 404); комментарий к "Книге исцеления", составленный аш-Ширāзī (ум. в 1497 г.)², (№ 193); комментарии Насīр ад-Дīна ат-Тусī, знаменитого ученого из Мераги, на труды Ибн Сины по логике - "Разрешение трудностей Указаний и предупреждений Ибн Сины" (№ 104) и "Комментарий к указаниям и предупреждениям Ибн Сины" (№ 395а, 1005). Медицинские сочинения представлены сборником, содержащим "Медицинскую поэму" (урджӯза), медицинские афоризмы и пять медицинских трактатов (№ 391)³. Из поэтических сочинений Ибн Сины имеется комментарий на самую его известную поэму "Қасīду с рифмой на С'айн" (№ 751).

В данной статье мы рассмотрим наиболее интересные, с нашей точки зрения, рукописи сочинений Ибн Сины в библиотеке ЛГУ.

"Книга исцеления" ("Китāб аш-шифā' "). Рукопись № 62; поступила в составе собрания Казанского университета в 1855 г. В рукописи 655 л., 29х17, текст 19х10,5, на странице 27 строк, кустоды, бумага восточная, тонкая, лоцная, возможно шелковая; текст заключен в рамки из золотых и цветных линий, писан тушью, заголовки красными чернилами, почерк - мелкий каллиграфический насх, переплет картонный, обтянутый красной сафьяновой кожей с тиснением, поношенный. Рукопись старая, во многих местах с червоточинками, реставрирована, края большинства листов обклеены, в начале на л. 16 унван, сделанный **золотом** и красками, на л. 354б перед разделом "Таби^С'ийāt" оставлено место для унвана, на л. 489б в начале раздела "^СИлал алвāн ал-кā'инāt" унван, заполненный золотыми цветочками. На переплете приклеена бумага с ошибочной печатной надписью, сообщающей при неточном воспроизведении названия "Канона медицинской науки", что это "Канун **фи-л-табибī** - китāб аш-шифā' ", с датами рождения и смерти Ибн Сины. В начале содержится сообщение, что вводные слова к книге принадлежат известному ученику Ибн Сины **ал-Джузджāни** **الشيخ** **هذا كتاب الشفاء للرئيس ابي علي الحسين بن عبدالله بن سينا رحه الله وفي صدره كلام لابي** **عبيد عبد الواحد بن محمد الجزجاني**

После л. I лакуна, нет конца предисловия ал-Джузджāни и начала книги Ибн Сины. Книга кончается разделом **الد فتر الاخير في** **الطبيعيات من كتاب الشفاء**

Крупнейшие медицинские, философские и другие сочинения Ибн Сины привлекали внимание многих **исследователей**⁴. "Канон медицинской науки" Ибн Сины переведен на русский язык, его издание предприняла Академия наук Узбекской ССР⁵. Эти важнейшие труды в известной степени заслонили более мелкие произведения Ибн

Сины - поэмы и трактаты. Рукопись № 391 собрания Ленинградского университета содержит семь именно таких сочинений Ибн Сины. Она поступила в восточный отдел библиотеки ЛГУ из Казанского университета. Рукопись упоминается в статье В.И.Беляева и П.Г.Булгакова⁶. В рукописи 149 листов, 23х11, текст 16х6,5, на странице 19 строк, бумага фабричная, плотная **лощенная**, с кремовым оттенком, текст писан по длине листа (возможно, рукопись предназначалась для **ношения** в кармане), почерк - каллиграфический **насталик**, переплет простой картонный, многие листы расшиты, чернила черные, заголовки выделены красными чернилами. Пагинация европейская и восточная с начала до конца, повторена с конца к началу, в середине текста номера листов обозначены не всегда. Внутри переплета приписки, одна из которых содержит имя владельца рукописи Мусā-бек Курбāн^Салий-углы, другая - запись инвентарного номера библиотеки Казанского университета. На л.1а **приписка** об имаме Абу Ханифе из книги **مقود الجمان في مناقب**

الامام الاعظم ابي حنيفة النعمان и оттиск печати имп. Казанского университета; на л.1б перечень включенных в сборник сочинений. На л.2а оттиск маленькой печати черной краской с неразборчивой легендой.

На л.2б-38б содержится "Урджӯза **фй-т-тиб**" - "Поэма о медицине" - сочинение, занимающее особое место в творчестве Ибн Сины и представляющее собой как бы краткую энциклопедию медицинских знаний. Этому сочинению Ибн Сины посвящено исследование А.Э.Шлионского⁷, которое опирается на две ленинградские рукописи Института востоковедения АН СССР⁸ и на ташкентскую рукопись, а также на издания арабского текста и **европейские** переводы. Он пишет, что зарубежные составители библиографии Ибн Сины - Эргин, Махдави, Канавати - "не знали о наличии в Советском Союзе трех рукописей "Урджӯзн **фй-т-тиб**"⁹. К этому можно добавить, что им, несомненно, была **неизвестна** и четвертая рукопись из советских собраний - это список восточного отдела библиотеки Ленинградского университета.

Л.39а-61б включают "Фусӯл **фй-л-мас'ил ат-тиббийа**" - "Разделы по медицинским вопросам" или "Медицинские афоризмы"¹⁰. Всего разделов - 122, постоянны упоминания Гипократа и Галена (напр., л.41б, 42а), тематика разделов кратко повторяет положения, которые содержатся и в "Каноне медицинской науки", но в **форме** до предела краткой (среди тем можно упомянуть о влиянии на организм сырости, тепла и холода, об особенностях пульса при

заболеваниях, о потоотделении, о септических заболеваниях, о лихорадке, о боли, о моче, о коликах, о послабляющих средствах, о заболеваниях зубов и др.).

На л. 616—846 содержится "Рисāла фй даф^с ал-мадārр ал-кул-лйа" — "Послание об устранении общих вредных воздействий". Оно распадается на несколько статей — маkāла. Первая маkāла посвящена влиянию на организм человека различных неправильных поступков, вредящих здоровью — о нарушениях питания, сна и др. Вторая маkāла касается влияния погоды и климата на организм человека — о вреде северного и южного ветров и лечении заболеваний, которые могут при этом возникнуть, о перемене климата и т.д. Третья маkāла говорит о воздействии неумеренной, слишком горячей или слишком холодной бани на человека, о влиянии серной воды, грязевых источников, соленой воды, о массаже, о купании. Название четвертой маkāлы отсутствует (по-видимому, оно находилось на л. 71, часть которого оторвана), далее следует описание вреда от очень холодной или очень горячей пищи, от слишком жирной пищи. Следующая маkāла говорит о воде и напитках, о питье воды натощак или сразу вслед за приемом пищи и т.д. Затем следует маkāла, где говорится о движении и покое, о продолжительности сна и о бессоннице, о пользе занятий движением и специальными упражнениями.

Л. 84а—87а содержат "Послание о сикенджубине" — лекарстве из меда и уксуса. Затем следуют два трактата о сохранении здоровья — "Рисāла фй хйфз ас-сйхха". Заключает сборник послание о свойствах цикория "Рисāла фй хавāсс ал-хиндибā". Мелкие трактаты и послания Ибн Сины до настоящего времени изучены плохо, многие из них не изданы, они разбросаны в рукописях в различных хранилищах (на ряд неизданных посланий указывает, в частности, известный арабский библиограф аз-Зирекли¹¹). Названные здесь не лишены интереса. Последние листы рукописи занимает краткая биография Ибн Сины и несколько стихотворений. Сборник несомненно представляет интерес для дальнейшего изучения.¹²

¹ C. Salemann et V. Rosen. Indices alphabetici codicum manu scriptorum persicorum turcicorum arabicorum qui in bibliotheca imperialis literarum universitatis Petropolitanae adservantur. Petropoli, 1888. A. Romaskewicz. Idem. Supplementum. Leningrad, 1925.

² В. И. Беляев и П. Г. Булгаков. Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета. —/В кн./ Памяти

акад. И.Ю.Крачковского. Изд. ЛГУ, Л., 1958, с.31.

³ Там же, с.30.

⁴ **ЕЛ**, I, с.203; А.А.Семенов. Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна). Сталинабад, 1945; В.Н.Терновский. Ибн Сина (Авиценна). 980-1037. М., 1969.

⁵ Ибн Сина. Канон врачебной науки. Ташкент, 1954 и сл.

⁶ В.И.Беляев и П.Г.Булгаков. Указ.соч., с.30.

⁷ А.Э.Шлионский. "Поэма о медицине" Авиценны. Автореферат дисс. Душанбе, 1969.

⁸ В.И.Беляев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. - Ученые записки ИВ АН СССР, т.VI, М.-Л., 1953, с.98.

⁹ А.Э.Шлионский. Указ. соч., с.9.

¹⁰ В.И.Беляев и П.Г.Булгаков. Указ. соч., с.30.

¹¹

خير الدين الزركلى . الاعلام . الطبعة الثانية ، الجزء الثانى ، ص ٢١١-٢١٢

Аз-Зирекли отмечает, что Амйн Мурой Кандйл - директор каирской публичной библиотеки "Дар ал-кутуб" в 1950 г. опубликовал брошюру, где перечислены сочинения Ибн Сины и комментарии к ним, хранящиеся в этой библиотеке, в том числе послания Ибн Сины, которые никогда не упоминались исследователями.

¹² Исследованию рукописи № 751 с сочинением "Касйда с рифмой на Сайн" посвящена специальная статья А.Т.Тагирджанова, публикуемая в настоящем сборнике.

А.Б.Халидов

РУКОПИСИ ТРУДОВ ИБН СИНЫ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В СОБРАНИИ ИВ АН СССР

Научное и литературное наследие Ибн Сины (ок. 980-1037 гг.) очень велико по объему и до сих пор не поддается точному подсчету. Здесь мы рассматриваем конкретный и ограниченный материал, однако вначале полезно уяснить, как обстоит дело с рукописями, произведений Ибн Сины в целом, поскольку на русском языке об этом писали мало и неточно.

Автографы ученого практически не сохранились; образец его почерка можно видеть только во владельческой записи на одной рукописной книге – экземпляре арабского перевода "Разделов медицины для учащихся" Галена, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже (№ 2859). Промелькнувшее в печати сообщение (**Der Islam, Bd XVIII, 1929, с.50, прим. I**) об автографе I-го тома "Медицинского канона" Ибн Сины в Стамбуле нуждается, очевидно, в проверке. Рассказывают, что философ беспечно относился к своим творениям, не переписывал их повторно набело, раздаривал их, не оставляя себе копий, а его личная библиотека на последнем этапе жизни подверглась однажды разграблению (Исфахан, 1030 или 1034 г.). Не раз он, видимо, терял раньше свои рукописи и библиотеку во время частых переездов. Нам известны названия ряда сочинений Ибн Сины, считавшихся утраченными уже при его жизни.

Тем не менее, судьбу его научного наследия можно признать относительно благополучной: примерно с 32-летнего возраста при Ибн Сине неотлучно находился Абӯ 'Убайд ал-Джӯзджāнī, да и прежде, и позднее были другие преданные ученики, которые прилежно копировали его труды. Более того, они стремились записать все, что Учитель говорил, и специально просили его диктовать свои сочинения и даже восстановить по памяти более ранние, полузабытые или утерянные при скитаниях. Таким образом, большинство зрелых трудов Ибн Сины сохранилось для потомков благодаря стараниям группы его учеников. Немалая их **часть**, вероятно, никогда в автографе и не существовала, просто была записана учениками под диктовку автора. Также заботам упомянутого ал-Джӯзджāнī мы обязаны биографическими данными о Старейшине и Главе (аш-Шайх ар-Ра'йс, как прозвали его почитатели и ученики), в которые вплетены и его собственные воспоминания, и перечнями его трудов. Дошли до нас и более ранние сочинения Ибн Сины, о них позаботились зачастую неведомые нам друзья молодых его лет по Бухаре, Хорезму и Джурджану.

К сожалению, автографы учеников Ибн Сины тоже до сих пор не обнаружены, как и вообще прижизненные копии его трудов; от 2-й полов. У/ХІ в. сохранились только две датированные рукописи, содержащие по одному разрозненному тому его философских энциклопедий – "Книги спасения" и "Книги исцеления"; старейшие датированные рукописи ряда других трудов Ибн Сины восходят к УІ/ХІ в. Самый ранний биографический очерк об ученом, принадлежащий ал-Байхакі, относится к середине УІ/ХІ в., остальные три очерка от-

носятся уже к следующему, УЦ/ХШ веку (в свою очередь, они дошли в более поздних копиях).

Несмотря на все превратности, выпавшие на долю ранних копий трудов Ибн Сины, сами труды в **большинстве** вошли в научную и **литературную** традицию, многие из них усердно переписывались в странах мусульманского Востока и в Арабской Испании; их комментировали, цитировали, переводили на другие языки – персидский, турецкий, еврейский, латынь, а с **началом** книгопечатания стали издавать в арабском оригинале и в переводах.

Большая популярность Ибн Сины имела и теневые стороны. Рукописи его трудов были подвержены не только обычным опасностям, искажению текста при многократной переписке, естественному износу бумаги и чернил, порче вредителями, гибели при стихийных бедствиях; не всегда копировались и распространялись целые произведения Ибн Сины, их части и главы получали самостоятельное хождение, нередко под особым, неавторским заглавием. Из корысти или невежества профессиональные переписчики порой совершали подлог и сбывали неискушенному покупателю копии имевшихся у них под руками текстов в качестве сочинений Ибн Сины. Иные авторы, побуждаемые желанием обеспечить успех своему творению, ставили под ним имя прославленного Ибн Сины; то же самое могло быть сделано из "идейных" соображений сторонниками противоположных течений общественно=политической мысли.

Рукописная "Авиценниана", **таким** образом, разнообразна по составу и количественно могла бы составить целую библиотеку. Собрать ее всю и критически изучить, издать "полное собрание" подлинных трудов Ибн Сины в максимальном приближении к авторским замыслам и в полном соответствии с требованиями филологической науки – такова **важнейшая**, еще не решенная задача в изучении наследия Ибн Сины. Однако рукописи **трудов Ибн Сины** чрезвычайно **разбросаны**, находятся в сотнях государственных, общественных и частных библиотек и рукописных собраний разных стран. Не только сами рукописные материалы разбросаны, но и сведения о них рассеяны по **каталогам**, статьям и заметкам в различных изданиях, либо вовсе не публиковались.

Правда, предпринимались попытки свести данные о сочинениях Ибн Сины и их сохранившихся рукописях. В известном справочнике по арабской письменности К.Брокельмана зафиксировано около 270 сочинений. О.Эргин собрал довольно полные сведения о рукописях **трудов Ибн Сины** в Турции. Дж.Анавати объединил все накопленные **факты** и составил список трудов Ибн Сины 276 наименований. Во

многих статьях и книгах, не только популярных, до сих пор фигурируют цифры Брокельмана и Анавати как свидетельство большой продуктивности и высокой одаренности Ибн Сины.

Между тем, еще в 1954 г. тегеранский профессор Йахйа Махдави опубликовал результаты своих десятилетних изысканий в рукописных хранилищах Лондона, Оксфорда, Упсалы, Стамбула, Тегерана и ряда других городов Европы и Востока (см. Махдави). Он показал, что по крайней мере 101 сочинение из приписываемых Ибн Сине на самом деле ему не принадлежат; что многие другие выступают в каталогах как **разные** сочинения лишь потому, что в рукописях имеют неодинаковые названия, а текстуально до Махдави их никто не сверял. Он **обнаружил** и ряд дотоле неизвестных сочинений Ибн Сины. В результате проведенной **Й.Махдави** критической работы, с учетом внесенных им дополнений, список трудов Ибн Сины заметно сократился, их стало всего 131. В это число Махдави включил свыше десятка сочинений, по поводу которых возникали оговоренные им колебания и сомнения; да и помимо них остаются сочинения, вызывающие подозрение в их принадлежности перу **Ибн Сины** (по тематике, стилю и т.п.). Поэтому будет правильным считать, что общее количество сохранившихся трудов Ибн Сины примерно достигает ста.

В книге **Й.Махдави** учтено около 2,5 тыс. списков сочинений Ибн Сины, подлинных и приписываемых ему. Привлечение опубликованных за последние четверть века каталогов арабских рукописей и более широкого круга необследованных или недавно открытых рукописных собраний несомненно расширит материал, на основе которого возможно предпринять анализ всей совокупности трудов Ибн Сины и **подготовить** надежную филологическую базу для издания их текстов.

Арабский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР пользуется широкой известностью, ему посвящена значительная научная литература; однако полный его каталог еще не опубликован, поэтому **Й.Махдави**, например, смог учесть отсюда только две рукописи. Действительно, этот фонд содержит скромное количество текстов, полных и фрагментарных, связываемых с именем Ибн Сины — около 60; они включают сочинения, принадлежащие или приписываемые Ибн Сине, комментарии и супракомментарии к ним. После исследования **Й.Махдави** стало легче их идентифицировать, так как для каждого сочинения он приводит оглавление, варианты заглавия, выдержки из начала и конца.

Ниже мы приводим названия сочинений только по рукописям, не вступая в обсуждение их вариантов; описания рукописей группируются тематически, но не **разбиваются**, ввиду их малочисленности, на мелкие рубрики.

I. Философия, теология, психология и этика.

1. رسالة في بيان انسام الحكمة

"Трактат о подразделении философии", более известный как трактат "О делении наук". В нем очень схематично и кратко перечисляются отрасли философского знания, начиная от абстрактно-умозрительных и кончая конкретными. Он был написан, как указывается во вводных словах, в ответ на просьбу некоего лица, имя которого не раскрыто. В многочисленных рукописях сочинения, старейшая из которых (Стамбул, Университет, 47II, 3) датирована 579/II83-84 годом, заглавие варьируется) Трактат переведен на ряд восточных и западных языков, не раз публиковался в оригинале, вызывал и продолжает вызывать интерес исследователей.

В собрании ЛО ИВ трактат занимает всего 29 строк, **писаны** мелким насталиком на обеих сторонах листа 68 в рукописном сборнике В 2203; этот недатированный сборник **составленный**, вероятно, в Средней Азии в начале XIX в., был приобретен В.А.Ивановым в Бухаре в 1915 г. См. Беляев, № 156; Брокельман, № 24; Махдави № 32.

2. رسالة في اثبات العقل

"Трактат о доказательстве разумности /сущего/". Известен по меньшей мере в 40 списках и все - в составе **сборников**. Список ЛО ИВ также находится в рукописном сборнике, составленном приблизительно в XVII веке в Иране, и занимает в нем листы I236-I25a. Этот сборник за шифром А 345, насчитывает 335 листов тонкой лощеной бумаги без водяных знаков размером 17x10см; тексты писаны мелким узористым насталиком по 19 строк на странице (заполняя площадь 12,5x5,5 см), в основном черными чернилами, а заглавия и надчеркивания выполнены **красными** чернилами. На полях множество поправок и записей. Переплет восточный, обтянутый кожей, с тиснением на крышке в форме овального медальона. Рукопись реставрировалась, но находится в удовлетворительном состоянии и читается без особого труда; она была приобретена Н.В.Ханниковым во время путешествия в Иран и передана в бывший Азиатский музей в 1859 г., а сведения о ней были опубликованы академиком Б.Дорном в "Известиях Санкт-петербургской академии наук" за 1860 г. и перепечатаны в 4-м томе *Mélanges asiatiques*, СПб., 1863,

с.34-39, № 2. В этот сборник входит несколько десятков произведений, в том числе ряд принадлежащих перу Ибн Сины, и отсылки к нему будут встречаться ниже много раз. См. Махдави, № 89.

3. رسالة الشيخ ابي علي الحسين بن عبد الله الى ابي الريحان محمد ابن احمد البيروني في جواب مسائل نفذها اليه من خوارزم
"Письмо шейха Абӯ 'Али ал-Хусайна ибн 'Абдаллāха к Абӯ

Райхāну Мухаммаду ибн Ахмаду ал-Бирӯни в ответ на вопросы, которые тот направил ему из Хорезма". Так называемая переписка Ибн Сины с ал-Бируни, состоящая из десяти вопросов и ответов относительно "Книги о небе" Аристотеля и восьми - относительно его же "Физики"; в них обсуждается широкий круг натурфилософских и метафизических проблем. По-видимому, переписка была пущена в обращение как отдельное сочинение Ибн Сины в редакции его друга Абӯ 'Абдаллāха ал-Ма'сūми. Старейшая рукопись "Переписки" (Лейден, 1476) датирована 515/1121 годом, см. Махдави, № 5. Настоящий список находится в описанном выше сборнике ХУП в. А 345, лл.211б-225б. Русский перевод Ю.Н.Завадовского: "Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане", Ташкент, 1962, с.128-162; 2-е изд., 1976, с.240-265.

4. رسالة الشيخ الرئيس الى الكيا ابي جعفر محمد بن الحسين بن محمد بن المرزبان

"Письмо Шейха-Ра'йса к ал-Кийā Абӯ Джа'фару Мухаммаду ибн ал-Хусайну ибн Мухаммаду ибн ал-Марзубāну" содержит рассуждения о душе и **разуме**. Адресат ближе не известен, иногда его сближают с Бахманйāром ибн ал-Марзубāном, учеником Ибн Сины. В одних рукописях "Письмо" объединяется с его "Диалогами", в некоторых, как в нашей, оно представлено как самостоятельное сочинение. Оно безусловно написано в последние годы жизни Ибн Сины, так как заканчивается извинением за плохой почерк, объясняемый его слабостью после долгой болезни. В упомянутом сборнике А 345 оно помещается на лл.210а-211б. См. Брокельман, № 68; Махдави, № 12.

5. رسالة الشيخ ابي سعيد بن ابي الخير الى الشيخ الرئيس ابي علي بن سينا وجواب ابن سينا على رسالته

"Письмо шейха Абӯ Са'ида ибн Абй-л-Хайра к Шейху-Ра'йсу Абӯ 'Али ибн Сине и ответ Ибн Сины на его письмо". Как показал Махдави, 10 писем и 10 ответов между поименованными лицами имели хождение в качестве самостоятельных сочинений и только в одной стамбульской рукописи сведены вместе; в них обсуждаются различные **вопросы** практической этики. Наш список содержит письмо и ответ № 6: о познании истинного пути верующим; он находится на обеих страницах листа 39 рукописного сборника А 344, который

можно датировать приблизительно XIII веком. См. Махдави, № 4, с. 8.

6. مسائل بهمنيار عن الشيخ وجوابه عنها

"Вопросы Бахманйара к Шейху и его ответы на них". Несколько списков сочинения со сложим названием зафиксированы у Брокельмана (под № 48) на основании каталогов, однако Махдави показал, что они представляют отрывки из "ал-Мубахасат" - "Диалогов" Ибн Сины, в которых основным его собеседником выступает Бахманйар (см. Махдави, № 105); это же справедливо, наверное, в отношении нашего списка "Вопросов", занимающих листы I57a-I62b упомянутого сборника A 345. В них обсуждаются некоторые положения натурфилософии, изложенные Ибн Синой в его "Kitāb ash-Shifā'" - "Книге исцеления".

7. رسالة في تعريف الراى المحتمل

"Трактат об определении сформировавшегося взгляда /древних/. Речь идет о взгляде на субстанцию небесных тел. Сочинение было известно биографам Ибн Сины, сохранилось в ряде списков, из которых старейший (Стамбул, Университет, 4755, 6) датирован 588/II92 годом. Наш список находится в сборнике XVII в. A 345, лл. 225б-233а. См. Махдави, № 53.

8. رسالة في اثبات الميثق في كل الموجودات

"Трактат о доказательстве любви во всем сущем", обычно называемый кратко "Трактат о любви", был написан Ибн Синой для своего ученика Абӯ Абдаллаха ал-Ма'суми. В нем рассматриваются философские и этические аспекты любви. Старейшая рукопись сочинения (Стамбул, Университет, 47II) датирована 579/II83-84 годом. Список ЛО ИВ входит в сборник A 345, лл. 94б-101б. Текст был издан А. Мереном в сопровождении краткого французского переложения на основании лейденской и нашей рукописей в кн.: *Traitées mystiques d'Abou Ali al-Hosain b. Abdallah b. Sīnā ou d'Avicenne. Textes arabes des resalats accompagné de l'explications en français par M.A.Mehren. III^{1^{er}} fascicule, Leyde, 1894.* Брокельман, № 39; Махдави, № 90 (наша рукопись упомянута с неверной ссылкой); русский перевод и факсимильное воспроизведение изданного Мереном текста: С.Б.Серебряков. Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви. Тбилиси, 1976.

9. كتاب ادلة بقاء النفس

"Книга доказательств вечности души" была написана, согласно вводящим словам автора, в ответ на недоуменный вопрос некоего высокопоставленного лица о субстанциальном или акцидентальном характере души. Число сохранившихся рукописей сочинения невелико,

старейшая из них (Тегеран, Меджлис, 599, I2) датирована 570/II74-75 годом; наш список в сборнике А 345, лл. I86a-I90a. См. Брокельман, № 3I; Махдави, № 52.

IO. رسالة في الصور الموجودة في النفس

"Трактат о представлениях, существующих в душе", точнее о представлениях, **противоречащих** истине, которые отделяются от души после смерти человека. Наш список в сборнике А 345, лл. 249a-25Ia, о других списках см. Махдави, № 36.

II. رسالة في تجرد النفس

"Трактат об абстрагировании души", как и предшествующие, посвящен философским проблемам психологии в духе аристотелизма. Наш список в сборнике А 345, лл. I90a-I92a, о других списках см. Махдави, № 38.

I2. رسالة في القوى الجسمانية

"Трактат о силах телесных". Как **показал** Махдави, это - первая глава сочинения Ибн Сины "О душе", получившая самостоятельное хождение под разными названиями. Наш список занимает лл. I956-I98a в сборнике А 345. См. Махдави, № I2I и 207.

I3. مقالة مستفادة في تحصيل السعادة

"Полезная статья о достижении счастья" по содержанию перекликается с предыдущими, написана для некоего лица, к которому Ибн Сина обращается "любезный брат". Старейший список входит в состав упоминавшейся стамбульской рукописи 588/II92 г. Наш список занимает лл. 209a-2I0a в сборнике А 345. См. Махдави, № 43.

I4. قصيدة في الروح

"Касыда о душе". Знаменитое стихотворение Ибн Сины о соединении души с телом, которое много раз комментировали, переписывали, издавали, переводили. Наш список помещается на л. I6 рукописного сборника начала XVIII в. под шифром С 989, который поступил в составе Ванской коллекции в I9I6 г. В собрании LO IB есть также списки комментариев Ибн Камал-паши (в 1737, лл. 256-286) и ал-Кухистани (в 3292, лл. 556-67a) на это стихотворение. См. Брокельман, № 35; Махдави, № 99.

I5. رسالة في قول الحكماء الواحد لا يمدد عنه الا الواحد

"Трактат о тезисе философов: из одного может вытекать только **одно**" занимает лл. I06a-I07a в сборнике А 345; самостоятельное сочинение Ибн Сины с таким названием нигде не зафиксировано; по-видимому, он представляет фрагмент какого-то философского труда Ибн Сины, оказавшегося под рукой составителя сборника.

I6. То же самое следует сказать о помещенных в сборнике А 345 (на обеих страницах листа I03) разъяснениях нескольких философ-

ских терминов: особого названия они не имеют, но принадлежность их Ибн Сине указана.

17.

رسالة في الاخلاق

"Трактат об этике". В этом кратком сочинении перечисляются хорошие и дурные нравственные качества человека; его списки многочисленны, старейший находится в стамбульском сборнике (Университет 47II, 9), датированном 579/II83-84 годом. Наш список занимает листы I4a-I5a в сборнике А 345. См. Брокельман, № 38; Махдави, № I3.

18.

رسالة في كيفية تصديق النبي

"Трактат о том, почему миссию пророка надо признать истинной". Списки этого теологического сочинения многочисленны, наш список находится в сборнике А 345, лл. I8I6-I86a. См. Брокельман, № IO; Махдави, № 3.

19.

رسالة في ماهية الصلوة

"Трактат о сущности молитвы". В старинных перечнях трудов Ибн Сины он не упоминается, хотя и существует в многочисленных поздних списках; трудно чем-либо подтвердить или опровергнуть его принадлежность Ибн Сине. Наш список: сборник А 345, лл. I766-I8I6. См. Брокельман, № I3; Махдави, № 85.

20.

تفسير سورة الاخلاص، تفسير سورة الفلق، تفسير سورة الناس

Комментарии к трем последним сурам Корана (II2-II4), которые получили хождение в качестве отдельных сочинений Ибн Сины. Старейший их список (Стамбул, коллекция Ахмета III в Топкапу, 3447) датирован 866/I46I-62 годом; наш список занимает лл. II86-I236 в сборнике А 345, там же есть глоссы Джалаладдина ад-Даввāни к комментариям Ибн Сины к суре II2 (лл. 246-286). См. Брокельман, № I, 3, 4; Махдави, № 50.

21.

الرسالة النيروزية

"Новогодний трактат" был преподнесен эмиру Абӯ Бакру Мухаммаду ибн Абдаллāху по случаю иранского нового года, новруза. В нем Ибн Сина разъясняет значение таинственных букв, стоящих в начале некоторых сур Корана, указывая на их мистическую связь с различными видами существ в мире. Его списки многочисленны, в нашем списке (сборник А 345, лл. I74a-I76a) опущено посвящение. См. Брокельман, № I7; Махдави, № I27.

22.

رسالة الفيض الالهي

"Трактат о божественной эманации". Мистическое сочинение о чудесах и знаменьях, известное в большом количестве списков. В собрании ЛО ИВ есть два списка: сборник А 345, лл. I69a-I74a и сборник А 666, лл. I6-7a (последний датирован I900 годом, был

прислан А.Богдановым из Ирана в 1913 г.). См. Брокельман, № 16; Махдави, № 97.

В заключение этого раздела следует отметить, что в собрании ЛО ИВ есть дефектный экземпляр (без начала и конца) комментариев Насйраддина ат-Тусй, известного ученого-энциклопедиста XIII в., к труду Ибн Сины по натурфилософии и логике

الامارات والتنبهات - "Замечания и указания". Это был последний в жизни Ибн Сины труд, в котором он конспективно изложил свое философское учение. Рукопись ЛО ИВ (С 1635) происходит из Бухарской коллекции В.А.Иванова. См. Беляев, № 97; Брокельман, № 20; Махдави, № 27.

В составе рукописного сборника А 2 находится رسالة في "Трактат о душе и ее силах", по духу и тексту очень близкий к сочинениям Ибн Сины на аналогичные темы. Однако идентифицировать его с каким-либо конкретным сочинением Ибн Сины пока не удастся и вопрос о его принадлежности этому автору остается открытым. Сборник А 2 поступил вместе со 2-й коллекцией Ж.Л.Руссо в 1825 г. и датирован 680/1281-82 годом.

Упомянувшийся сборник А 345 включает رسالة في عدم الخوف "Трактат об отсутствии страха перед смертью" (лл. II66-II86) как принадлежащий Ибн Сине. Он зафиксирован у Брокельмана под № 63 на основании каталогов арабских рукописей. Однако Махдави (см. № 168) показал, что на самом деле он представляет отрывок из "Улучшения нравов" Ибн Мискавайха (X в.). Также в сборнике А 345 (лл. 86-12а) содержится биографические сведения о Ибн Сине, заканчивающиеся перечнем его сочинений; оказалось, что это - извлечения из "Биографий врачей" Ибн Абӯ Усайбй'и (XIII в.).

II. Филология, литература

23.

رسالة في حدوث الحروف

"Трактат об образовании звуков". Написан в Исфахане после 414/1023 г. для Абӯ Мансӯра Мухаммада ибн 'Али ибн 'Умара ибн Джаббана, с которым Ибн Сина обсуждал филологические вопросы. Текст существует в двух вариантах в ряде копий, из которых старейшая датирована 570/1174-75 годом (Тегеран, Меджлис, 599, 5). Наш список входит в сборник А 345 (лл. 192а-195б) и содержит неизвестный вариант текста, быть может, только приписываемый Ибн Сине. См. Брокельман, № 54; Махдави, № 25; русский перевод (два варианта): В.Г.Ахвледзиани, Фонетический трактат Авиценны (Абу Али ибн Сина). Текст, перевод и исследование. Тбилиси, 1966.

"Трактат о языке" содержит заметки о значении некоторых терминов и названий, извлеченные якобы из большого словаря арабского языка, который был писан Ибн Синой "собственноручно на 130 листах" в Исфахане, т.е. в 1023-1032 гг. Наш список занимает лл. 1626-1656 в сборнике А 345, другой известный список хранится в Тегеране. См. Махдави, № 104.

Образцы поэтического творчества Ибн Сины, кроме его касиды о душе (см. выше № 14), мы находим только в маргинальных записях некоторых рукописей ЛО ИВ: фрагмент в 2 бейта (А 262, л.2а) и фрагмент в 9 бейтов (В 2648, л.2а).

III. Медицина

"Медицинский канон". Самый знаменитый труд Ибн Сины, состоящий из пяти книг; был написан между 1012 и 1023 годами в Джурджане, Рее и Хамадане. Полный экземпляр сочинения представлен в собрании ЛО ИВ рукописным фолиантом D 179a, который насчитывает 403 листа размером 38x24,8 см; текст писан в рамке 30x17,5 см по 31 строке на странице, наском средней величины, черными чернилами, лишь заглавия и надчеркивания - красными чернилами; диакритика выдержана полностью, огласовка редкая, имеются кустоды. Колофоны в концах "книг" выполнены в форме треугольника острым углом книзу. В конце 4-й книги есть небольшая лакуна в **тексте**, видимо, недостает 1-2 листов. Переписчик - Ибн Мухаммад Мухсин 'Абдалхалик ат-Тунй, дата окончания переписки - 1 джумада II 1078/18.II.1667 г. Переплет восточный, из обтянутого кожей картона, с клапаном, художественно оформленный: на крышках и клапане рамка и тисненый медальон. Прежде рукопись находилась в библиотеке Учебного отделения МИЦ и была описана В.Р.Розеном, упоминается Брокельманом и Махдави. См. Розен, № 166; Брокельман, № 82; Махдави, № 98; русский перевод: Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Ташкент, кн. I-5, 1954-60.

Вторая рукопись, за шифром В 865, содержит только I-ю и 2-ю книги "Канона", но относится к числу лучших и старейших. Это - роскошный заказной экземпляр, несомненно **предназначавшийся** для какой-то султанской библиотеки. На пышно оформленном титульном листе находится золотая орнаментированная рамка, в верхнюю часть которой вписано название сочинения, ниже - имя автора. Там же оставили свои записи бывшие владельцы рукописи Йахйя ибн

‘Исā, врач и Мансūr ибн Ибрāхīm, занимающийся врачебным делом; первая из этих записей датирована 540/1145–46 годом, однако трудно установить, каким промежутком она отделена от времени переписки; можно думать, что это было самое начало VI/XII века. Другие датированные XII веком рукописи "Канона" (Алжир, 1747; Берлин, 6271; Париж, 2885–91 и 6690; Тегеран, Меджлис, 2343 и 4500) не старше этой рукописи ЛО ИВ, которая и была положена в основу русского перевода соответствующих частей сочинения. В ней 231 лист размером 24,5x20 см, текст (20x16 см) писан каллиграфическим насхом с полной диакритикой и редкой огласовкой, в основном черными ореховыми чернилами, заголовки и знаки разделения – красными; при этом текст исключительно грамотен, поправки и дополнения к нему вынесены на поля. Бумага плотная, толстая, лощеная, "самаркандского" типа, светло-коричневого оттенка. Рукопись побывала у разных владельцев и читателей, оставивших на полях отдельных листов кое-какие записи и заметки; не раз ее чинили и подклеивали, особенно по верхнему краю, где есть и следы сырости; кустод нет, пагинация поздняя. Переплет восточный из темной кожи, с тиснением на обеих крышках, немного подремонтированный, довольно старый, но разумеется моложе самой рукописи.

Кроме двух описанных, в собрании ЛО ИВ есть еще 18 медицинских рукописей, по тексту непосредственно связанных с "Медицинским канонам" Ибн Сины.

Анонимное сокращение книг 2–4 под названием **مفردات القانون** представлено в рукописи **D 705**, насчитывающей 374 л. и датированной 1017/1608 г. Комментарии неизвестного автора к начальной части I-й книги содержатся в рукописи **C 633**, 176 л.

Сокращенное изложение "Медицинского канона" под названием **الموجز**, сделанное египетским врачом XIII в. Ибн ан-Нафйсом, имеется в двух экземплярах: **A 278**, 160 л. и **B 2255**, 224 л.; анонимные комментарии к этому сокращению содержатся в рукописи **B 868**, 621 л., Каир, 968/1561 г.; комментарии иранского врача XIV в. ал-Казарунй имеются в четырех копиях: **C 718**, 207 л., 886/1481 г.; **D 168**, лл. 16–291а, 1085/1675 г.; **C 1379**, 305 л.; **C 634**, 291 л.; комментарии автора XIV в. Джамаладдин ал-Аксарāй представлены в шести списках: **B 869**, лл. 16–239б, Самарканд, 1020/1611–12 г.; **C 1579**, лл. 1а–199б, 1279/1862 г.; **B 4076**, 419 л.; **C 1405**, 242 л.; **C 1599**, лл. 16–217а и **C 1616**, 403 л.; также с текстом "Канона" связан фрагмент Ибн ан-Нафйса об опухоли (**B 864**, лл. 234б–236а). Наконец, сокращенное переложение "Канона",

выполненное среднеазиатским врачом XIII в. ал-Чагмийи и озаглавленное **قانونچه**, имеется в двух списках: в 2101, 46 л., Самарканд, 1005/1596 г. и с 1439, лл. 16-336.

26.

ارجوزة في الطب

"Поэма о медицине". Стихотворное изложение (ок. 1300 строк простейшим размером **раджаз**) теории и практики медицины, которое приобрело почти такую же популярность, как "Канон", было предпринято Ибн Синой, видимо, в последние годы его жизни. Среди более сорока списков сочинения нет ранних датированных, текстуальные различия между ними значительны. В собрании ЛО ИВ есть два списка "Поэмы"; на лл. 886-89а сборника 867/1463 г. с 688 фрагмент в 44 бейта, написанных в подбор; в томике под шифром В 866, насчитывающем 43 л. и датированном 1103/1692 г., почти полный текст, несвободный от описок и ошибок. См. Брокельман, № 81, Махдави, № 15; А.Э.Шлионский, "Поэма о медицине" Авиценны. Автореферат канд. дисс., Душанбе, 1969.

27.

الادوية القلبية

"Сердечные лекарства". Сочинение написано Ибн Синой примерно в 414/1023 г. во время пребывания в Хамадане и адресовано Абу-л-Хусайну 'Али ибн ал-Хусайну ал-Хасанй; речь в нем идет не только о лекарствах, но и о влиянии эмоциональных состояний на сердечную деятельность. Список ЛО ИВ (в 1045, 28 л.) приблизительно восходит к XVII веку. См. Розен, № 171; Брокельман, № 86; Махдави, № 14.

Таким образом, рассмотрение арабских рукописей трудов Ибн Сины, хранящихся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, позволяет внести ряд уточнений и дополнений к библиографическим сводам научного наследия замечательного философа и врача, чье тысячелетие отмечается в этом году во всем мире. Эти материалы могут быть использованы будущим библиографом Ибн Сины, как сами рукописи - при критическом издании соответствующих его трудов.

Литература:

Беляев. - В.И.Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии наук СССР, Л., 1932 (Труды Института востоковедения Академии наук СССР, II).

Брокельман. - C. Brockelmann. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd. I, Weimar, 1898, 452-458, N° 1; Supplement Bd. I, Leiden, 1937, 812-828 (ссылки в статье даются только на номера сочинений Ибн Сины).

Махдави - Bibliographie d'Ibn Sina. Par Yahya Mahdavi, Tehran, 1954 (на перс. языке).

Rosen - Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères, I. Les Manuscrits arabes. Par Victor Rosen, St.Petersbourg, 1877.

А.Т. Тагирджанов

— РУКОПИСЬ КОММЕНТАРИЯ
АЛ-МАНАВИ К КАСЫДЕ "АЛ'АЙНИЙА" ИБН СИНЫ

Автор комментария шейх 'Абд ар-Ра'уф ал-Манави ал-Хадлāдī. Автор касиды - Абу 'Али Хусайн ибн 'Абдаллах ибн Хасан ибн 'Али Ибн Сина, известный на Востоке как "аш-Шейх ар-Ра'ис", был чрезвычайно плодовитым ученым; в некоторых источниках упоминается несколько сот его произведений.¹ К. Брокельман² приводит свыше 9С, а Шамс ад-Дин Сами³ - 80 названий.

Касыда "Ал'айнийа" Ибн Сины, известная также под названиями *قصيدة الروح* , *القصيدة الروحية* , *القصيدة النفسانية* посвящена объяснению состояния души *النفس الناطقة* , ее связи с телом и отделения от тела. Хаджжи Халифа указывает, что касыда содержит 30 бейтов,⁴ во многих списках количество бейтов - 18-21.

Начало касиды

هبط اليك من المحل الارفع ورقا' ذات تعزز وتمنع

Хаджжи Халифа и Альвардт сообщают, что шейх Мансур ал-Мисри написал на эту касыду "Тахмис", прибавив к каждому бейту по три полустихия:

يا ساطلي عن كنهه ذات اليرقع
ان كنت للاسرار لم تتطلع
اسمع فديتك يا صحيح المسمع
هبط اليك من المحل الارفع
ورقا' ذات تعزز وتمنع

К этому "Тахмису" написал комментарий Абу-л-Бақā' ал-Ахмадī.⁵ Даты его жизни и написания комментария не сообщаются. Как указал Е.Э. Бертельс, Х.А. Махфуз подготовил арабский текст касиды "Ал-'айнийа" на основе 26 источников, снабдил его обширным комментарием и издал в Тегеране в 1954 г.⁶ Мы не располагаем этим изда-

нием, поэтому не можем судить о том, написал Х.А.Махдүүз комментарий сам или использовал один из старых комментариев.

К касыде "Ал'айнийя" было написано много комментариев. В каталоге Альвардта⁷ кроме восьми комментариев, указанных и у Хаджжи Халифы, названы еще четыре (3 из них принадлежат неизвестным авторам). К.Брокельман указал списки шести комментариев, два из которых не упомянуты у Хаджжи Халифы и в каталоге Альвардта, а один - анонимный⁸.

Нам известны следующие комментарии (приводим в хронологическом порядке):

1. Наиболее ранний комментарий, согласно Брокельману и Альвардту, написал ученик Ибн Сины Абу 'Убайд 'Абдалвахид ибн Мухаммад ал-Джуджани, умерший в 450/1058 г.⁹ Хаджжи Халифа¹⁰ указывает только

عبد الواحد بن محمد متوسط
2. Комментарий عفيف الدين بن سليمان بن علي بن умершего в 690/1291 г.¹¹

3. Комментарий سليمان الماحوزي البحراني¹²

4. Комментарий ад-Дамири¹³ описан в каталоге Альвардта без сведений об авторе. Шамс ад-Дин Самий указывает, что из селения Дамир (в Египте) вышло много ученых и мухаддисов, в том числе известный ученый и шафиитский факих Кемаль ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад Мамири, умерший в 808/1405-06 г.¹⁴ (возможно, автор комментария).

5. Комментарий الشيخ علي بن محمد البساطي منك¹⁵. Шамс ад-Дин Самий¹⁶ сообщает подробности его жизни и творчества. Имя его مولى علاء الدين بن مجد الدين محمد الشاهرودي البساطي مشهور بلقب منك, он родился в Шахруде в области Бистам в 803/1401-02 гг., учился в Герате, начал писать в юности, а потому получил прозвище "Мусаннифак". В 848/1444-45 г. уехал в Рум, был мударрисом в Конье, потом переехал в Стамбул, где умер в 855/1470-71 г. Написал более десяти комментариев на известные произведения, такие как قصيدة روحه ابن سينا

نصيدة روحه ابن سينا و تفسير كشاف و مطول аз-Замашарий, написал также тафсир на персидском языке и книги انوار الاحاديث. Комментарий к касыде "Ал'айнийя" написан в 837/1433-34 г. в медресе Шахрухия¹⁷. Хаджжи Халифа сообщает, что ученый Рума Са'ди Чалабий написал к комментарию Мусаннифака супракомментарий со многими критическими замечаниями (Са'ди Чалабий поэт и ученый, жил в Египте, умер в 922/1516 г.)¹⁸.

6. Автор комментария الشيخ داود بن عمر البعير الانطاكي родился в 950/1543-44 г. в Антакии, после учебы в разных городах

Сирии прибыл в Египет, откуда уехал в Мекку, где и умер в 1008/1599-1600 г. Он написал несколько сочинений по медицине, в том числе "Алфия" (тысячу бейтов), книгу **غاية المرام في علم الكحل** и комментарий к касыде "Ал'айнийя" Ибн Сины, который он назвал **الكحل النفيس لجلا امين الرئيس**

7. **حمين بن ابراهيم بن حمزه بن خليل** написал комментарий около 1000/1591 г., посвятив его османскому султану Мурад-хану III, правившему в 982-1003/1574-75 - 1594-95 гг.²¹

8. Комментарий **علامه سمرقندی**, о котором нет упоминания у Хаджи Халифы и в каталоге Альвардта. О этом комментарии пишет ал-Манави, из чего следует, что он написан ранее XVI века.

9. Комментарий **سديد المعاني** упомянут и у Хаджи Халифы и в каталоге Альвардта, однако без указания даты жизни автора²². Ал-Манави в своем комментарии отметил, что Саид ас-Сам'ани следовал за Самарканди в оценке отдельных бейтов касыды; отсюда вывод - Саид Сам'ани написал ранее XVII в. до ал-Манави.

10. Комментарий **الشيخ عبد الرؤوف المناوي الحدادی** написан в конце XVI в. или начале XVII в. Ал-Манави был учеником шейха Давуда ал-Антаки, которого он называет **شيخنا** **الارب لمعرفة امثال العرب** В нашем собрании имеется также труд ал-Манави (рукопись из коллекции ат-Тантави). Умер ал-Манави в 1031/1621-22 г.²⁴

11. Хаджи Халифа упоминает **شرح نظام الدين ابي عبد الله حسين بن جمال بن الحسين الابهذي ثم القهستاني** без указания времени написания комментария и даты смерти автора. Указано, что автор привел критику Са'ди Чалаби на комментарий Мусаннифака и свои критические замечания со ссылкой на своего учителя и шейха **جلال الدين زكريا بن محمد بن عبد الله القايني والنسفي**, из чего следует, что ал-Кухистани написал свой комментарий позже супракомментария Са'ди, т.е. после 922/1516 г.

12. Хаджи Халифа упоминает еще **شرح محمد بن لطفى** который тоже критикует комментарий **موسانيفاك**. Даты жизни автора не сообщаются²⁶.

Хаджи Халифа приводит начало комментариев, что дает возможность установить, сопоставляя с другими списками, имя автора в случае отсутствия указания в данном списке.

Альвардт дает в своем каталоге описания еще трех списков (№№ 5350, 5351, 5352), авторы которых не были установлены. Один анонимный комментарий указан у Брокельмана.

Известны два комментария, написанных на персидском языке. Один из них **опубликован** "Аббас Иқбoлoм"²⁷. Имя автора в комментарии не указано. "Аббас Иқбoлoм по орфографическим признакам отнес время написания комментария к седьмому веку хиджры (1203-1300 гг.). Комментарий дает перевод слов и значение бейтов в целом и объясняет смысл бейтов на основе стихов Корана, изречений пророка и имама "Али.

Второй комментарий написан в 1299/1881-82 г. автором **غلام حسين طبيب** Перед комментарием приведен стихотворный перевод каждого бейта на персидский язык. Начало перевода.

نزول کرد بنزدت ز عالم بالا آشیانه عزت کبوتر ورتا
Забйхулла Сафa отмечает, что некоторые бейты перевода слабы и лишены признаков красноречия²⁸.

В собрании восточных рукописей ИВ АН Уз.ССР указана рукопись комментария к **القصيدة النفسية** Ибн Сины на таджикском языке, переписанная в 857/1458 г.²⁹

Касыда "Ал'айнийя" переведена на турецкий язык поэтом Харйрй, который умер во время правления султана Салима II (974-982/1566-67 - 1574-75)³⁰.

Рукопись комментария ал-Манавй к касыде "Ал'айнийя" Ибн Сины хранится в собрании **рукописей** Восточного **факультета** ЛГУ под № 751 из коллекции Тантавй, поступившей в 1871 г. Рукопись содержит 72 листа.

Начало комментария: **الحمد لله الذى يلقى الروح من امره على من يشاء من عباده... فهذا علق نفسى على القصيدة النفسية المينية... صاحبه مولانا الشيخ الرئيس ابو على بن سينا .**

Далее автор пишет, что к этой касыде было написано много комментариев, наиболее известным из них является комментарий "Аллыма-Йи Самаркандй (см. выше № 8). Ал-Манавй отметил в нем недостатки - излишняя краткость, когда нужна подробность, чрезмерная распространенность, когда требуется краткое изложение, не критическое отношение к мнениям философов, - и решил сам написать комментарий. Далее автор приводит краткие сведения об Ибн Сине, упоминает 27 его произведений, в том числе **لسان**

مختصر فى العرب فى اللغة عشر مجلدات и **مختصر فى العرب فى اللغة عشر مجلدات** и др., пишет о болезни и смерти Ибн Сины в 428/1036-37 г. в возрасте 53 лет. Далее на II лл. следует **المقدمة**

В нем приведены рассуждения о ماهية النفس - о сущности души, имеются ссылки, помимо стихов Корана и изречений пророка, из Ибн Таймийа, ал-Газали, имам ар-Рази, аз-Земахшари (по этимологии слов), на суфийских авторов, таких как الشيخ محمد بن عبد الجبار الحسن النفري умершего в 354/965 г., на комментарий к его مواقف النفرية, на عفيف الدين علاء الدولة ابو المكارم ركن الدين احمد, на سليمان التلمساني, умершего в 736/1335-36 г., на своего шейха ал-Антакй, на Сухравардй.

На лл. 12а, 17а, 25б, 27а, 30б, 32а, 37а, 38б, 40а, 42б, 46б, 47а, 50б, 52а, 53а, 53б, 70б приведены комментарии к 20 бейтам касиды "Ал-'айнийя".

В комментарии дается этимология слов بيان اللغة, синтаксический анализ стихов - بيان الاعراب и объяснение значений бейта - بيان المعنى.

Рукопись переписана 25 раджаба II74/14 февраля 1761 г., переписчик سيد محمد بن المرحوم الحاج احمد الشهير بعبدالله در حساب المستوى بلدا والشافعي مذهبها والخلوتي طريقة.

Размер рукописи 20,5x16,5 см; имеются кустоды; европейская пагинация сделана карандашом; 21 строка; текст - 16x10; бумага - европейская, текст писан тушью, стихи - красными чернилами, часто неразборчивые, краска расплылась и бейты непонятны, некоторые из них переписаны на полях тушью; почерк - скорописный насх; переплет - картонный типа мукавва с тиснением, листы не приклеены.

¹ Е.Э.Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, с.119.

² C.Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd.I, Weimar, 1898, с.452-458 (далее Брокельман).

³ Шамс ад-Дин Сами قاموس الاعلام T.I, с.637.

⁴ Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto e nomine Haji Khalfa, ed. G.Fluegel, vol.IV, Leipzig-London, 1845, с.543 (далее X.X.).

⁵ W.Ahlwardt. Verzeichniss der arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd.IV, Berlin, 1892, № 5353 (далее Альвардт).

⁶ Е.Бертельс, Ук. соч., с.118, прим.6.

- 7 Альвардт, № 5350-5352.
- 8 Брокельман, с.455-456.
- 9 Там же, с.455 и Альвардт, № 5350.
- 10 Х.Х., с.545.
- 11 Брокельман, с.455.
- 12 Там же, с.455.
- 13 Альвардт, № 5348.
- 14 Ш.Самӣ, Ук. соч., т.IV, с.2163.
- 15 Х.Х., с.544.
- 16 Ш.Самӣ, Ук. соч., т.VI, с.4312.
- 17 Ш.Самӣ, Ук. соч., с.2163.
- 18 Х.Х., с.544.
- 19 Ш.Самӣ, Ук. соч., т.III, с.2573.
- 20 Х.Х., с.545.
- 21 Там же.
- 22 Брокельман, с.455 и Х.Х., с.545.
- 23 Х.Х., с.544, Ш.Самӣ, Ук. соч., т.III.
- 24 Альвардт, I, с.412.
- 25 Х.Х., с.545.
- 26 Там же.
- 27 Аббас Икбал شرح قصيدة عينه اهن سيناء ، مجلة دانشكده ادبيات
первый год издания, № 4, Тегеран, 1323/1944,
с.14-29.
- 28 Забихулла Сафа تاريخ ادبيات در ايران т.I,
Тегеран, 1335/1956, с.312-314.
- 29 Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР,
т.II, под редакцией и при участии А.А.Семенова. Ташкент, 1954,
с.24, № 760.
- 30 Ш.Сами, Ук. соч.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ АВИЦЕННЫ

Среди обширного наследия выдающегося средневекового мыслителя Востока Авиценны имеется небольшой по объему, но важный по своему значению трактат, в котором рассмотрены вопросы фонетики и фонетической системы арабского языка.

Ко времени Авиценны арабская языковедческая наука имела давние традиции, основные течения в этой области были вполне сложившимися, а структура арабского языка, в том числе и фонетика, нашла свою исчерпывающую интерпретацию в трудах выдающихся языковедов и лексикологов. Но труд Авиценны отличается своей оригинальностью и, особенно, своими общетеоретическими положениями. В отличие от работ предшественников Авиценны, его трактат следует считать исследованием по общей фонетике. Одновременно это сочинение является как бы синтезом многосторонней деятельности ученого. В фонетическом трактате нашли свое лаконичное отражение знания Авиценны в области анатомии и физиологии, логики, музыковедения, а также его тонкие наблюдения над особенностями артикуляции звуков арабского языка.

Изучение сочинения Авиценны уже имеет определенную историю. Прошло почти 70 лет, как оно было впервые издано в Каире Мухибб ад-Дин ал-Хатибом. Недостатки этого издания понудили иранского ученого П. Ханлари вновь опубликовать трактат Авиценны с комментариями и вводной статьей. Труд Авиценны переведен на немецкий, английский, персидский и русский языки, ему посвящены исследования арабских, иранских, европейских и советских ученых.¹ Интерес, проявленный к этому сочинению Авиценны не случаен, он обусловлен историческим и актуальным значением его содержания. Фонетический трактат Авиценны, который в различных рукописях озаглавлен как *Maḥāriḡ al-ḥurūf* (Места артикуляции звуков речи) или же *Aṣbāb ḥudūṡ al-ḥurūf* (Причины возникновения звуков речи), состоит из посвящения и шести основных глав, в которых в строгой последовательности рассмотрены следующие вопросы: 1) Факторы образования звука вообще (*sawt*); 2) Об общих факторах образования звуков речи (*ḥarf*); 3) Анатомическое строение органов речи; 4) Фонологическая система арабского литературного языка; 5) Варианты согласных арабского языка и согласные других языков; 6) Физические основы образования звуков,

акустически сходных со звуками речи. Эта, последняя, глава увязывается с проблемой звукоподражания.

Теория образования звука (*sawt*) была разработана в арабских музыковедческих трактатах. Как известно, сам Авиценна является автором краткого сочинения по музыковедению.² В трудах по фонетике и музыковедению неоднократно подчеркивается тесная связь между структурой духовых инструментов и гортанью: "флейта это искусственная гортань, а гортань это естественная флейта". На этой основе определяются главные компоненты образования звука (*sawt*) и его характерных черт.

Образование звука определяется двумя факторами: ударом, столкновением двух твердых тел (*qar^c*) и их "отрывом" (*qal^c*). В своем сочинении по логике (*Kitāb as-sifā^s*) Авиценна выясняет, что этими предметами могут быть камни, дерево и др.³ Ученый подчеркивает, что из этих двух причин столкновение тел является "преобладающей" (*sabab aḳṭarī*), поскольку звук, образованный ударом, сильнее и распространяется на большее расстояние.

Одновременно Авиценна считает, что указанные два фактора не составляют непосредственных причин образования звука. Основным источником звукообразования является волнообразное движение воздуха (*tamawwuḥ al-hawā^s*).

Арабские ученые, в том числе и Авиценна имели достаточно точное представление о звуковой коммуникации. Согласно формулировке, имеющейся в фонетическом трактате, возникшее в результате удара или же "отрыва" тел колебание воздушной волны распространяется, достигает слухового канала (*aḡ-ṣamāḥ*) и приводит в колебательное движение застоявшийся в канале воздух, что воспринимается барабанной перепонкой (*al-^casbat*).

Звук обладает тональностью — он может быть высокого или низкого тона. Фактором образования различий по тону является характер воздушной струи, обусловленный размером канала, по которому она двигается. Касается это как длины, так и ширины канала.

Ко времени Авиценны образование звука (*sawt*) и его тональность были детально разработаны в музыковедении. Интересны высказывания Авиценны по этому поводу. "Тоны бывают низкими (*taḡīl*) и высокими (*hādda*) по сравнению друг с другом. Они могут быть одинаковыми или же различными. Разница может быть большей или меньшей. Низкий тон имеет свои причины, а высокий — свои. Если ~~на~~ присутствует низкий тон, то причинами являются длина струны, ее толщина, ослабление ее напряжения; для духовых инструментов

большое отверстие и его удаление от места вдувания, для ударных инструментов — их слабость, рыхлость и грубость.

При высоком тоне действуют противоположные факторы. Некоторые из этих причин легко измерить. И этих причин — три: размер струны, размер отверстия по ширине и узости и размер (отверстия) с точки зрения близости и отдаленности".⁴

Исходя из представления арабских фонетистов о сходстве флейты и гортани, важным для образования высоты тона человеческого голоса считаются именно две последние причины. В своем фонетическом трактате Авиценна конкретизирует это положение и подчеркивает, что при образовании низкого тона происходит дисперсия, рассеивание частиц воздушной струи, а при образовании высокого тона воздушная струя течет плавно и непрерывно, компактной массой. Примечательно в этом отношении рассуждение Авиценны об образовании аффрикаты *j*: "Когда происходит размыкание, то воздух проникает в эту щель (между кончиком языка и небом) с шипением из-за узости пути (*maslak*). Но он (воздух) рассеивается (*yataṣaḏḏab*) ввиду расширения его (пути)".⁵ Следовательно, и при образовании звуков речи действует тот же принцип: рассеивание воздушной струи происходит в широких каналах, что и является причиной образования низкого тона.

Специальная глава в трактате посвящена органам речи. В ней дается детальное описание всех соответствующих полостей и артикуляционного аппарата.

Из полостей, участвующих в образовании звука, Авиценна указывает на полости груди, гортани, рта и носа. В грудной клетке диафрагма и грудная мышца способствуют выбрасыванию воздуха, который попадает в полости гортани, рта и носа. Согласно трактату, гортань состоит из трех хрящей: щитовидного, перстневидного (по терминологии Авиценны — безмянный) и черпаловидного (чашеобразный или крышкообразный). Хрящи соединены между собой связками и суставами. Они суть перстне-щитовидный сустав, перстне-черпаловидный сустав и одноименная связка.

В трактате упоминается также подъязычная кость (ламовидная кость). Строго говоря, подъязычная кость не входит в полость гортани, но она играет важную роль в движении гортани, и с ней связано большое количество гортанных мышц. В трактате перечислены четыре вида движения гортани: сужение, расширение, смыкание и раскрытие. Осуществляются эти движения 22 мышцами, которые делятся на две группы: собственно мышцы гортани и наружные мышцы гортани. При этом мышцы распределяются согласно видам движения

гортани: мышц, раскрывающих гортань - 6, закрывающих гортань - 4 (2 непостоянных), суживающих - 6, расширяющих - 6 (2 непостоянных).

Активным органом при образовании звуков речи является язык, который, по данным трактата Авиценны, делится на следующие части: корень языка, с примыкающим к нему корпусом, который делится на три части - задний язык, средний язык и кончик языка; спинка и ребра языка.

Как известно, мышцы языка делятся на две группы: наружные (скелето-язычные) и внутренние. В трактате говорится о 8 мышцах, причем ясно, что Авиценна имеет в виду наружные мышцы. Эти 8 мышц являются основными двигателями языка, изменяющими его положение. Характеристика координат и функций наружных мышц, данная в трактате, за редким исключением, хорошо согласуется с представлениями современной анатомии.

Помимо гортани и языка, в трактате названы следующие органы: зев (al-halq или al-halqūm), нёбо (al-ḥanak) и нёбный слух (saḥ al-ḥanak), нос, ноздря (manḥir или minḥar), верхняя часть полости носа (al-ḥaṣūm), зубы (al-asnān), губы (al-šafāḥ), передняя часть нёба (al-šajr). О значении термина šajr существуют различные мнения, но по данным Авиценны его следует понимать, как переднюю часть твердого нёба, т.е. палато-альвеолярную область.

Описывая образование звуков речи, Авиценна дает характеристику трех явлений: 1. Воздушной волны (nawj), которая возникает в полости грудной клетки и приводится в движение благодаря диафрагме (al-ḥiḥāb) и грудной мышце ('adal as-ṣadr); 2. Преграды (ḥabs), образуемой в разных местах речевых органов по пути следования (maṣlak) воздушной струи; 3. Резонатора, который создает различные акустические эффекты (dawīy - эхо, gunna - назальность) и придает звуку определенные тембровые оттенки.

Описание образования звуков, данное в трактате, не отличается от современных представлений в этой области. Воздушная волна, поступающая из грудной клетки, по пути следования наталкивается на различные преграды, начиная от гортани и кончая губами. Эти преграды, ḥabs, могут быть полными (ḥabs tāmm), что соответствует смычке, смыканию, или неполными (ḥabs ḡayr tāmm), т.е. щелевыми. Синонимом термина ḥabs в трактате служит i'timād (последний термин употребляется и у других авторов). Место, где происходит смычка или образование щели, называется mahbas, синонимами его выступают ma'tamad и mawdi'. Более общее значе-

ние имеет термин *mahrāʾ*, который может означать "место артикуляции", а также зону, объединяющую несколько близких мест образования согласных звуков; в этом смысле он соответствует понятию *ḥayz* других авторов. Это явствует из следующего места трактата: "*zā, lām, jīm* и другие согласные возникают в одном и том же месте артикуляции (*mahrāʾ*), но они различаются по виду, а также тем, что место смыкания и щели (*mawḍiʿ*), наиболее подходящее для каждого из них, другое".⁶

Наиболее общая группировка звуков речи, представленная в трактате, заключается в их делении на гласные (*misawwita*) и согласные (*sāmīta*). Звук речи называется *ḥarf*. Этот термин у Авиценны обозначает как гласные, так и согласные. Следует отметить, что арабские фонетисты уделяли сравнительно мало места анализу артикуляции гласных. Описывая гласные, Авиценна признается: "Что касается гласных, то вопрос о них для меня неясен (*muškil*)".⁷ Несмотря на это, он все же дает несколько точных определений признаков гласных. Согласно трактату, в арабском языке существуют гласные *a, u, i* с соответствующими им долгими парами — *ā, ū, ī*. Соотношение по долготе равняется 1:2. Касаясь характерных черт артикуляции гласных, Авиценна отмечает, что при образовании *a* и *ā* (*al=alif as=suḡrā wa al=kubrā*) воздух вытекает плавно, без давления; *u* и *ū* образуются незначительным стеснением места артикуляции (*mahrāʾ*) и сужением губ. Место щели (*iʿtimād*) немного выше, чем при артикуляции *a* и *ā*. Гласные *i* и *ī* образуются сужением места щели, которая немного ниже, чем у *a, ā*. Следовательно, Авиценна характеризует позиции языка при артикуляции гласных.

Для классического арабского ученый выделяет 28 согласных. В отличие от других арабских языковедов, он исключает из фонетической системы арабского языка алиф, который в арабском языкознании принято считать, вместе с *w* и *y*, слабым согласным. Подход Авиценны в данном случае вполне оправдан, если учесть, что консонантной реализацией алифа является хамза. Классификация согласных в трактате строится по артикуляционным и акустическим признакам. Согласные делятся на смычные и щелевые, простые и сложные, *muṭbaqa*, сильные и слабые, сибиллянты, согласные с высоким и низким тоном. Авиценна является единственным из известных нам арабских фонетистов, который уделил внимание участию влаги (слюны) при образовании согласных.

В группу смычных (*bi ḥabs tāmm*) входят 12 звуков: *ʾ, q, k, ʃ, d, ḍ, t, ṭ, b, m, n, l*. 16 звуков образуют группу

щелевых (biḥabs ḡayr tāmm): h, ^ḥ, ḥ, ḥ, ḡ, s, ^ṣ, ṣ, ṣ, z, ^ẓ, ẓ, ^ṭ, ṭ, ^ḏ, ḏ, w, y, r.

Деление согласных на щелевые и смычные, представленное в трактате, существенно отличается от принятой в арабском языковедении классификации. Начиная с Сивавайхи, арабские языковеды делят согласные на три группы: смычные (ṣadīda), щелевые (riḥwa) и промежуточную группу полусмычных (baḥwa aṣ-ṣadīda wa ar-riḥwa). В эту последнюю группу включались семь согласных: r, l, m, n, w, y, ^ḥ. Авиценна распределяет эту промежуточную группу между смычными и щелевыми, причем к первым он относит l, m, n. В характеристике указанных согласных существенной для Авиценны является смычка, возникающая при их артикуляции (билабиальная при m и w, лингвоальвеолярная при n, l).

Касаясь отношения языковедов к назальным согласным, М. Бравман писал: "Некоторые специалисты по фонетике причисляют назальные согласные, согласно индийской традиции, к смычным". С этим взглядом полностью согласен Л. А. Щерба, который относил m, n к группе смычных и мгновенных. Согласные ^ḥ, y, r, w Авиценна вполне закономерно причислил к щелевым.

По длительности согласные делятся на мгновенные и длительные; первые именуются miḡraḏa, вторые — miḡrakkaḏa. Мгновенные по своему составу совпадают со смычными, а длительные — с щелевыми. Касаясь специфики артикуляции мгновенных, Авиценна отмечает: "Простые согласные имеют то общее, что они образуются и существуют в промежутке времени между моментом смыкания и моментом размыкания".⁸ Длительные "длятся в течении определенного времени и прекращаются при полном замыкании".⁹

Интерес вызывает два понятия, выступающие в трактате — kauḡf (качество) и kam (количество). Эти термины встречаются лишь по два раза. В первом случае говорится, что "hā возникает от подобного (хамзе) выталкивания (воздуха) как по количеству (kam), так и по качеству (kauḡf)".¹⁰ Во всяком случае мы сталкиваемся с этими понятиями при описании артикуляции тройки переднеязычных — d, t, ṭ; "dāl отличается от tā и ṭā тем, что нет при нем сильного смыкания, оно, быть может, по качеству (kauḡf) немногим меньше, чем при tā".¹¹ В другом месте трактата говорится, что "если смыкание подобно (смыканию) tā по количеству (kam) и слабее его по качеству (kauḡf), то слышится dāl".¹² Это место М. Бравман снабдил следующим примечанием: "Количество" обозначает тут объем части языка, которая образует

преграду, а "качество" — степень преграды".¹³ Замечание М. Бравмана правильно. Действительно, согласно Авиценне, *t* образуется большей площадью языка, чем *t*, *d* и, следовательно, по "количеству" он больше *t* и *d*. Одновременно *d*, поскольку он звонкий, слабее *t* и *ṭ* (об этом см. ниже), что и выражается у Авиценны термином "качество".

Если при интерпретации *d*, *t*, *ṭ* значение терминов *kaṃ* и *kaṭf* не вызывает сомнения, то при описании *'*, *h* положение меняется. *Kaṭf* (качество) и в этом случае следует понимать как "степень преграды"; поскольку оба эти согласные глухие, они идентичны по силе (*quwa*), но термин "количество" тут уже не может обозначать объема органов речи. Разберем соответствующие места трактата:

"Что касается хамзы, то она возникает от сильного выталкивания... воздуха"; "Что касается *hā*, то она возникает подобным этому (т.е. хамзе) выталкиванием воздуха по количеству и качеству".¹⁴ Следовательно, тут речь идет о "количестве" воздушной струи.

При определении артикуляционных признаков некоторых согласных Авиценна отмечает, что они образуются с *itbāq* и что они являются согласными *mutbaqa*. Это он говорит относительно *s*, *ḍ*, *ṭ*, *z* и некоторых вариантов *ḡ* и *ḷ*.

Характерной чертой артикуляции указанных согласных Авиценна считает подъем задней части языка к мягкому нёбу в сочетании с переднеязычной артикуляцией (подъем языка к верхним передним зубам или же к альвеолам), в результате чего образуется открытое пространство, которое служит резонатором, придающим специфическую тембровую окраску этим согласным (сравнительно с соответствующими неэмфатическими). Описание артикуляции согласных *mutbaqa*, данное в трактате, полностью соответствует характеристике, сформулированной для этих согласных Ф. Марсе в специальном исследовании. Согласно Марсе, эмфатические согласные образуются "растягиванием языка спереди назад, вместе с образованием выгиба середины его спинки, и, следовательно, расширением палато-велярного углубления".¹⁵ Кроме того, Авиценна отмечает для согласных *s*, *ṭ*, *ḍ*, *z* наличие лабиализации, для которой он пользуется термином *ismam*.

Касаясь артикуляционных свойств *m* и *n*, Авиценна говорит, что часть воздуха при их произношении устремляется в полость носа, чтоб образовать это (*dawiy*) и назальность (*ḡanna*).

В арабской грамматической литературе для обозначения понятий звонкий/глухой употребляются термины *maǧhūga* - *maḥmūsa*. Распределение согласных по этим двум группам вызвало оживленную полемику в специальной литературе, в которой появились различные толкования этих терминов. Авиценна в своем трактате ни разу не упоминает об этих терминах. Вместо них в значениях глухой/звонкий он употребляется *šadīd* (сильный) и *daʿīf* (слабый).

В данном случае Авиценна исходит из степени силы воздушной струи, при характеристике которой он пользуется понятием *quwwa* "сила": воздушная струя может быть сильной (*qawīy*) и слабой (*šajr qawīy*).

К сожалению, в фонетическом трактате не всегда дается характеристика отдельных звуков речи по этому признаку, Авиценна не классифицирует соответствующим образом согласные (как это сделано в случае мгновенных и длительных). Однако данные, которые мы черпаем из трактата, дают нам возможность точно определить значение указанных терминов. Касаясь артикуляции *t*, *ṭ*, *d*, Авиценна считает, что *t* и *ṭ* одинаковы по силе, а *d* слабее их. Аналогично характеризуются *k* и *g*. Можно установить, что *k* "сильным" Авиценна причислял *ʿ*, *h*, *ḥ*, *ḥ*, *t*, *ṭ*, *f* и некоторые другие, к "слабым" - *ḡ*, *g*, *z*, *d* и ряд других согласных. Эти списки неполны, но все же ясно, что "сильными" являются глухие, а "слабыми" - звонкие, что вполне соответствует современным взглядам по этому вопросу: "Наиболее энергичный выход воздушной струи присущ глухим согласным (отсюда и их название "сильные" - *fortes*), слабее - звонким согласным ("слабый" - *lenes*), еще более слабый - гласным".¹⁶ Исходя из этого, пары терминов *šadīd*//*qawīy* и *daʿīf*//*šajr qawīy* при определении акустических признаков согласных следует понимать как синонимы.

Следует подчеркнуть одну важную особенность классификации согласных у Авиценны. Как известно, арабские языковеды хамзу причисляют к группе *maǧhūga*, т.е. звонких, поскольку они рассматривают хамзу вместе с гласными. Возможно, что такой вывод был сделан под влиянием индийской фонетической традиции. Индийские авторы аналогичную квалификацию дают *h* - этот звук они также рассматривают вместе с гласными. В отличие от других арабских языковедов, Авиценна характеризует согласные самостоятельно, без гласных, и потому относит хамзу к глухим согласным. Аналогичное положение наблюдается и при характеристике *ṭ* и *q*, которые у Авиценны трактуются как глухие.

Группа сибилантов (*hurūf as-saffir*) представлена 8 свистящими и шипящими: t , s , d , z , z , ʃ , ʃ , s .

Один из важных вопросов, рассматриваемых Авиценной в трактате, касается роли влаги (*ruṭūba*) в образовании звуков речи. А. Шаде говорит по этому поводу: "То, что он (Авиценна) наряду с этим случаем (подчеркнуто нами - В. А.) оперирует понятиями, которые для нас не являются понятиями, как, например, "сухие" и "влажные" звуки, следует отнести к достоянию его эпохи".¹⁷ Мы не будем особенно строгими в оценке этого высказывания А. Шаде, поскольку фонетическая наука даже более поздних лет не располагала данными в соответствующей области, и лишь новейшие экспериментальные исследования пролили свет на эту проблему. Для более полного ее рассмотрения можно обратиться к рассуждениям Авиценны, например, относительно артикуляции аффрикаты ʃ . Он говорит: "Что касается ʃ *ṭ*-а, то он образуется полной преградой (смыканием) воздушной струи кончиком языка и ее задержкой во влаге за кончиком языка. Смычка взрывается при размыкании без продолжительности. Происходит просачивание воздуха через узкий путь, по направлению к щели у боковых резцов или же других зубов, дабы от прохождения воздуха между ними возник резкий шипящий звук, смешанный с сильным взрывом липкой влаги".¹⁸

Как известно, в науке и по сей день остается дискуссионным вопрос о природе аффрикат. Не вдаваясь детально в эту проблему, мы, в связи с интересующим нас вопросом о значении влаги при артикуляции согласных, приведем результаты некоторых современных экспериментальных исследований.

Чешские лингвисты Б. Боровичкова и В. Малач, исследуя фонетическую систему чешского языка, при анализе аффрикат пришли к выводу, что в ффрикативной части этих согласных (может быть, за ффрикацией) происходят взрывы. Авторы правильно оценили природу этих явлений и квалифицировали их как ложные взрывы, но выявить их причину не смогли. Позднее венгерский лингвист И. Бутлер обнаружил, что квази-взрывы, замеченные при произнесении аффрикат, происходят именно во влаге: лишняя влага взрывается после образования щели и ффрикации в процессе артикуляции аффрикат. Можно заметить, что имеется сходство в описаниях Авиценны и И. Бутлера. Мы произвели сравнение данных анализа аффрикат, поскольку нам не известны аналогичные выводы для других согласных, однако и этот один случай делает необходимым экспериментальное исследова-

ние арабских согласных с точки зрения участия при их артикуляции влаги. ¹⁹

Арабское языковедение с самого начала своего существования, во всяком случае, начиная с Сибавайхи, пользовалось в фонетике двумя методами описания звуков речи: 1. непосредственное описание артикуляторных и акустических признаков звука; 2. сравнение. Для последнего выделяются два случая. Первый, когда путем синтеза признаков двух сопоставляемых согласных определяются характерные черты данного согласного — так, $\dot{h}in\ zāy$ —образный следует понимать как определение звука \dot{z} . Второй случай, когда рассматриваемый звук совпадает со сравниваемым звуком, например, $\dot{s}ād\ zāy$ —образный= определение звука z . В последнем случае рассматриваемый звук является результатом комбинаторных изменений ($yasūq > yazduq$).

Авиценна широко пользуется обоими способами описания согласных, но вместе с тем, в отличие от других авторов, вводит дополнительный третий способ, заключающийся в построении корреляции. Корреляциями Авиценна как бы завершает описание определенных групп согласных. В трактате насчитывается 7 таких пучков корреляций, причем не все они построены по одному принципу. Наиболее простыми являются пучки: $\frac{d:z}{t:s}$; $\frac{l:l}{g:k}$; $\frac{t:d}{s:z}$; $\frac{l:l}{t:t}$. Первый пучок строится из двух эквивалентных пар, между которыми устанавливаются привативные отношения. В двух последующих пучках, напротив, пары — привативные (звонкий—незвонкий), а отношения между парами — эквивалентные). Последний пучок строится исключительно на привативной основе (эмфатический—неэмфатический, звонкий—незвонкий). В остальных пучках нарушена симметрия: $q : \dot{h}$, $\frac{f:b}{h:t}$, $\frac{\dot{z}:z}{\dot{z}:z}$. Эти пучки строятся на основе отношений, существующих между членами пар по какому-либо одному признаку. Так первые два пучка построены по признаку смычный—спирант (не учитывается акустический признак), а последний — на основе наличия двухсторонних связей внутри троек звуков.

Применением указанных трех методов Авиценна достигает большой точности описания звуковой системы арабского языка.

В истории арабской фонетики известны две схемы классификации согласных. Первая из них принадлежит Халилю ал-Фарахиди. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, Халиль следовал индийской классификации. Он выделял 9 групп, из которых 8 составлены согласно местам артикуляции согласных, а 9-я является исключением из этого правила. Звуки этой последней группы Халиль называл "воздушными" ($hawā' \dot{t}ya$), в нее включены согласные '

alif, w, y.²⁰ Недостаточно точная характеристика согласных у Халили была преодолена детальным и точным описанием их в работе Сибавайхи, который предложил шестнадцатичленную классификацию согласных. Схема Сибавайхи стала господствующей в арабской грамматической литературе.²¹ Для обеих классификаций характерным является группировка согласных по органам речи. Особенно последовательно этот принцип проведен в системе Сибавайхи, который точно определял как артикулирующий орган, так и место артикуляции.

Авиценна, в отличие от других авторов, не всегда дает исчерпывающую группировку согласных по месту образования. Его взгляды на классификацию согласных приходится устанавливать на основе характеристик, которые он дает отдельным или нескольким согласным.

По числу мест образования (maḥraḥ) Авиценна следует, в основном, принципам Халили. Но между ними наблюдаются и существенные расхождения: 1) количество согласных у Авиценны 28 (у Халили - 29, поскольку он считал хамзу и алиф отдельными согласными); 2) у Авиценны все согласные распределены по месту артикуляции; 3) наблюдаются значительные расхождения в составе отдельных групп согласных (так, группу ḥalqīya у Халили составляют 5 согласных *ʿ, ḥ, ḥ, ġ, ḥ*, в то время как Авиценна распределяет их по четырем группам).

Классификационная схема Авиценны выглядит следующим образом:

1. Глоттальные ʾ, ḥ
2. Фарингальные ʿ, ḥ
3. Увулярный q
4. Велярные ġ, ḥ, k
5. Палатальные ġ, š, y
6. Препалатальные d, t, ṭ, ḍ, n
7. Альвеолярные r, l, z
8. Дентальные ṭ, ḏ, s, š, z
9. Лабиальные b, w, m, f.

Арабские языковеды делили согласные на две большие группы: основные (aṣliya), куда входят все перечисленные согласные (у большинства авторов их 29), и "побочные" (fuṣūʿ), которых насчитывали 13, причем они делятся на mustahṣana ("желательные") и mustaqbaḥa ("неодобряемые").^Ж Согласных первой группы - 6. Их

^Ж Речь идет о "благозвучных" и "неблагозвучных" аллофонах - Ред./.

Их употребление допустимо и принято при чтении Корана и поэтических текстов. Вторая группа согласных, как видно из ее названия, исключалась из литературного произношения.

У Авиценны нет подобного деления согласных, но в У главе своего трактата он рассматривает согласные, которые могут попасть как в группу "желательных", так и "неодобрюемых". В этой же главе содержится описание ряда неарабских согласных. Начинает Авиценна эту главу со следующего заявления: "Сюда относятся согласные помимо этих (рассмотренных выше) согласных; они образуются между отдельными парами согласных, с каждой из которых его (т.е. этот звук) уподобляет общность причины."

Авиценна относит к ним следующие согласные: 1) *kāf*, образуемый слабой преградой, - звонкий коррелят увулярного *q* - *ḡ* (согласный распространенный в арабских диалектах); 2) эмфатический *ḡ* (*ḡā muṭbaqa*); 3) эмфатический *l* (*lām muṭbaqa*); 4) варианты *m* и *n* (согласные, не дающие взрывного шума, подобно французским сонантам *m*, *n*, *ñ*); 5) *p* (*bā muṭaddada*) - звук, встречающийся в персидском языке; 6) четыре согласных, "похожих на *ḡim*". Первый из них - шипящая глухая аффриката *ḡ*, встречающаяся в персидском. Остальных трех - свистящих аффрикат - нет ни в арабском, ни в персидском: *ḡim zā* =образный - звонкая аффриката *dz*; *ḡim sīn* =образный-глухая аффриката *s*; *ḡim ḡād*=образный - согласно объяснению Авиценны, это эмфатическое *s* (*muṭbaqa*), возможно, что имеется в виду смычно-гортанная свистящая аффриката *ṣ*. Египетский языковед Ибрахим Анис видит в двух последних согласных варианты греческой фонемы *ks* (ксима),²² но указание Авиценны о наличии в последнем случае *itḡāqa* делает это предположение весьма сомнительным; 7) *sīn zā* =образный, имеющийся в персидском слове *ḡarf*, может быть только звонким шипящим согласным *ž*; 8) *ḡā ḡāṣ* =образный идентифицируется с увулярным *ḡ*; 9) *ḡā lām* =образный по описанию Авиценны совпадает с церебральным *ḡ*, засвидетельствованным в индийских языках; 10) *sīn-zā* - образный присущ языку хорезмийцев. Согласно описанию Авиценны, это звонкий свистящий спирант (характеризуемый слабой вибрацией кончика языка). И. Анис предлагал идентифицировать этот согласный с узбекским *z* (II) *zā zā* -образный. Если вспомнить, что арабские языковеды трактовали *z* как интердентальный звонкий эмфатический (например, Сибавайхи, который писал, что если лишить *itḡāq*=*a ḡ* останется *ḡ*), можно предположить, что мы тут имеем дело с эмфатическим произношением *z*, то есть с дентальным (а не

²² /Ср. ниже, с.157, прим.58 - Ред./.

интердентальным) эмфатическим; I2) fā похожий на ʾā - этот согласный следует рассматривать как лабиодентальный звонкий спирант v, имеющийся в персидском языке.

Сведения, содержащиеся в данной главе, хотя в общем немногочисленны, но привлекают внимание как с точки зрения исторической диалектологии арабского языка, так и фонетики некоторых других языков.

В последней части трактата Авиценна старается показать, что все звуки речи можно воссоздать от неречевых, естественных движений. Некоторые заключения этого раздела основаны на субъективном восприятии автора и другими лицами могут быть восприняты совершенно иначе, однако данные этой главы полезны при исследовании звукоподражаний и звукоимитации в целом.

Арабские языковеды занимались этой проблемой; лексикологи при анализе значений слов нередко указывали на соответствие звуковой оболочки слова его значению, точнее - физическим свойствам обозначаемого предмета.²³

Завершая обзор проблем, поставленных и разъясненных в фонетическом трактате Авиценны, следует подчеркнуть весьма важное значение этого сочинения не только в истории языковедческой мысли арабов, но и с точки зрения актуальных проблем общей фонологии и фонетики арабского языка.

¹ Ibn Sīnā, *Asbāb Ḥudūṭ al-Ḥurūf*, изд. Muhibb ab-Dīn al-Ḥaṭīb, Каир, 1913; Bravmann, M., *Materialien und Untersuchungen zu den phonetischen Lehren der Araber*, Göttingen, 1934; Ibn Sīnā, *Risālat fī Asbāb Ḥudūt al-Ḥurūf*, изд. Parwīz Nātil Ḥanlarī, Тегеран, 1954 (2-е изд. - 1970); *Arabic Phonetics. Ibn Sina's Risalah on the points of articulation of the speech=sounds*, transl. by Khalil J.Semaan, Lahore, 1963; *Asbāb Ḥudūṭ al-Ḥurūf*, изд. Sa'Id ad-Damardāš, *Risālat al-'Ilmi*, X-XII, 1963; Ibrāhīm Anīs, *Aswāt al-luġa 'inda Ibn Sīnā*, - "Maġma' al-luġa al-'Arabiya", 1964; Ахмедлиани В.Г. Фонетический трактат Авиценны, Тбилиси, 1966; его же, О значении термина *šagr*, /сб./ "Семитские языки", вып.3, М., 1976, с.13-15; Павлова, А. Авиценна о роли влаги в образовании аффрикат, - ИООН ИАН Тадж.ССР, 1974, № 4 (78).

² Maḥmūd el-Ḥefni, *Ibn Sīnā's Musiklehre*, Berlin, 1931.

³ J.Bakoš, *Psychologie d'Ibn-Sīnā (Avicenne) d'après son oeuvre aš-Šifā'*, I. Text arabe, Prague, 1956, с.82-83.

- 4 M. el-Hefni, Ibn Sīnā's Musiklehre, с.85,86.
- 5 Ахведиани В.Г., Фonetический трактат..., с.10.
- 6 Там же, с. 1A
- 7 Там же, с. 11
- 8 Там же, с. A
- 9 Там же, с. A
- 10 Там же, с. 12
- 11 Там же, с. 17
- 12 Там же, с. 11
- 13 Braumann M., Materialien..., с.123.
- 14 Ахведиани В.Г. Фonetический трактат..., с. 12
- 15 Marçais Ph., L'articulation de l'emphase dans parler arabe maghrébin, Alger, 1948, с.27.
- 16 Ахведиани Г.С., Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949, с.63.
- 17 Schade A., Semitische Sprachen, "Archiv für Vergleichende Phonetik", I, 1937, с.50.
- 18 Ахведиани В.Г. Фonetический трактат..., с. 10.
- 19 См. об этом: Павлова А. Авиценна о роли влаги..., с.90; Borevičková B., Malač V., The spectral analysis of Czech sound combinations, Praha, 1967, с.42; Buttler J., The formation and structure of affricates, - "Acta Linguistica", t.14, fasc.3-4, Budapest, 1964, с.263-265.
- 20 Šarh šāfiyat ibn al-Ḥāʾib, taʾlīf al-imām al-muḥaqqiq Radī ad-Dīn al-Astarābādī, с.256.
- 21 Sibawayhi. Al-Kitāb, II, (воспроизведение с Булакского издания), Bagdād, с.405.
- 22 Ibrāhīm Anīs, Aswāt al-luġa ʿinda Ibn Sīnā, с.181.
- 23 Там же, с.182-183.

Язык Дāниш=нāма и роль Ибн Сины в развитии
персидско-таджикской научной терминологии

Не каждому человеку,
Гермоген, дано устанавливать
имена, но лишь такому,
кого мы назвали бы
творцом имени.

Платон

I

Абу 'Али ибн Сине, великому ученому и мыслителю средневековья, выдающемуся философу и врачу, крупнейшему представителю энциклопедической традиции, творчески продолжившему разработку наследия греческой науки, принадлежит также заслуга создания первого известного нам сочинения по философии на персидском языке - Дāниш=нāма=йи 'Алāйй. Он родился в Афгане, селении близ Бухары, из которого происходила его мать, и родным его языком был раннесредневековый персидский - фāрсй (или фāрсй=йи дарй), предок современных персидского и таджикского языков. В своих сочинениях Ибн Сина пользовался как правило арабским, международным языком науки всех мусульманских стран в первые века ислама. На арабском языке написаны основные научные труды Ибн Сины, в том числе Ал=Кāнūн фй=т=тибб, Китāб аш=Шифā', Китāб ан=Наджāt, а также многочисленные трактаты - всего, согласно наиболее осторожным подсчетам современных исследователей, около 130 произведений, аутентичность которых не вызывает сомнений.¹

Ибн Сине приписывается более десяти сочинений на персидском языке, однако большинство их следует считать апокрифами.² Авторство Ибн Сины несомненно лишь для двух персоязычных трудов - Дāниш=нāма=йи 'Алāйй ("Книга знания, предназначенная для 'Ала [ад=Даула]") и краткий медицинский трактат о пульсе, известный под названием Рагшинāсй (или Рисāла дар набз).³

Дāниш=нāма было написано между 1023 и 1037 гг. в Исфахане по заказу местного правителя 'Ала ад=Даула Мухаммада б. Душманзийара б. Какуйа (правил, с перерывами, в 1007-1041 г.), при дворе которого с 1023 г. и до конца своих дней находился Ибн Сина. Дошедший до нас текст Дāниш=нāма включает несколько самостоятельных трактатов (рисāла), из которых три - логика, мета-

физика и физика - написаны самим Ибн Синой, а остальные (геометрия, астрономия, арифметика и музыка) записаны его учеником и верным другом Абу 'Убайдом Джузджани.⁴ Об обстоятельствах, побудивших его приступить к составлению Дāниш-нāма, Ибн Сина рассказывает в предисловии к трактату "Логика": "Пришел высокий указ нашего государя... 'Ала ад-Даула... Абу Джа'фара Мухаммада б. Душманзийара... мне, рабу и слугителю его престола..., что я должен составить для людей его собрания⁵ книгу на языке парси-йи дари, в которой бы я сжато изложил основы и тонкости пяти наук философии древних".⁶ Написанное в последний, наиболее зрелый период творчества Ибн Сины, Дāниш-нāма является его важнейшим после Китāб ал-Шифā' обобщающим сочинением по философии.

Обращение к персидскому языку диктовалось, несомненно, тем, что в Исфахане в первой половине XI в. среди людей образованных, но мало знакомых с арабским, ощущалась потребность в руководствах по философии, написанных на родном языке. Сходные причины вызвали появление в X в., первоначально в Средней Азии и Восточном Иране, первых персидских прозаических сочинений, в том числе научных, таких как труд по фармакологии Китāб ал-абни'а 'ан хака'ик ал-адвийа Муваффака Харави, медицинское руководство Китāб хидāйат ал-мута' аллимйн Ахавайни Бухари, краткое пособие по астрономии Китāб ал-мудхал илā 'илм ахкām ан-нуджūм Абу Насра Кумми, анонимная география Худūd ал-'Алам. Комментарий к философской касиде Абу-л-Хайсама Гургани, составленный во второй половине X в. одним из его учеников, указывает на существование в Саманидском государстве персидской прозаической литературы, пропагандировавшей исмаилитские идеи.⁷ Защитники ортодоксального ислама в борьбе с исмаилизмом также прибегали уже в X в. к персидскому языку, как это показывает рисоāла, составленное шейхом Абу-л-Касимом Самарканди на арабском языке, а затем переведенное по приказу саманидского эмира на персидский.⁸ Ж. Лазар справедливо заметил, что "с этой же борьбой следует связать и переработку большого комментария (тафййр) к Корану, составленного Табари, точно так же как и переработку "Анвалов" Табари, в которой столь часто проявляется стремление к религиозным наставлениям".⁹

Персидский язык в X-первой половине XI в. уже господствовал в поэзии Средней Азии и Иране, но в сфере науки он делал лишь первые шаги и не мог соперничать с арабским. Арабская научная терминология складывалась в течение нескольких столетий.

Создание ее было тесно связано с переводами и освоением наследия древней Греции и эллинизма, прежде всего сочинений Аристотеля и его позднегреческих комментаторов – греческая логика с IX в. стала основой всей мусульманской эпистемологии, "единственной систематической научной структурой, служившей мусульманским ученым инструментом интеллектуального самовыражения".¹⁰ А Аристотель для большинства мусульманских философов IX–XI вв. был "первым учителем", наиболее выдающимся или даже вообще единственным представителем философии. Арабское терминотворчество шло параллельно процессу выявления системы понятий аристотелевской логики и философии, в которых многие обозначения представляли собой **термины-концепции**. Их осмысление, поиски их эквивалентов в арабском и в сирийском (часто служившим посредником между греческими оригиналами и арабскими версиями), разработка и применение различных методов переводов терминов (дословный перевод–транспонирование, синтаксические кальки, смысловой перевод) определили содержание работы нескольких поколений переводчиков. Особенно плодотворной была деятельность Хунайна ибн Исхака и его школы IX в. в багдадской **коллегии** переводчиков Байт ал-хикма ("Дом мудрости").

К X в. арабская научная терминология была уже очень разветвленной и значительной по объему, хотя и далекой от унификации. Дальнейшее развитие арабского научного языка в X в. связано с деятельностью ученых – философов и естествоиспытателей, среди которых первое место занимает ал-Фараби. Ему предстояло прокомментировать имеющиеся переводы, выбрать наиболее точные термины, дать определения и истолкования философским понятиям.¹¹ С начала XI в. эту работу продолжал Ибн Сина. Он не знал греческого языка и совершенствовал арабскую терминологию, отталкиваясь от имевшихся в его распоряжении переводов. Терминология арабских философских сочинений Ибн Сины¹², как отмечают исследователи, содержит сравнительно немного неологизмов.¹³ Жизнеспособность термина лишь в небольшой степени зависит от его понятности или способа его образования. Употребительность и обязательность термина в данной отрасли знания поддерживаются в первую очередь авторитетом стоящей за ним теории. Для Ибн Сины характерно стремление упорядочить употребление арабских терминов прежде всего путем более четких, чем это было у его предшественников, определений их значений.

Иным было положение в только начинавшем складываться персидском научном языке. Переводов на персидский с греческого ко

времени Ибн Сины не существовало, да и позднее они были очень редкими.¹⁴ Не дошедшие до нас среднеперсидские (пехлевийские) версии трудов греческих ученых, сделанные в сасанидском Иране, послужили основой для некоторых ранних арабских переводов (главным образом принадлежащих Ибн ал-Мукаффе, среди них и переводы сочинений Аристотеля). На персоязычную научную литературу X-XI вв. влияние сасанидской ученой традиции осуществлялось в основном через арабское посредство. Более важной для сложения персидского **научного** языка должна была быть унаследованная от среднеперсидского лексика, в том числе терминологическая (см. ниже, с.129), а также **сохранение** старых словообразовательных моделей, таких, например, как образование имен абстрактных с суффиксом =I (ср.=перс. =Ih), отлагольных имен действия с суффиксом =iā (ср.=перс. =iān), а также модели словосложения, которые существовали в среднеперсидском и продолжали быть продуктивными в X-XI вв. Богатая и гибкая система персидского словообразования предоставляла широкие возможности для калькирования арабских терминов. Еще большее значение суждено было сыграть заимствованиям арабских терминов.

II

Дāниш=нāма, старейшее из известных собственно философских персидских сочинений, является первостепенным источником для изучения истории персидского языка. Особый интерес представляет лексика этого сочинения, поскольку Ибн Сина сделал первую попытку создания персидской научной терминологии по основным разделам философии. Рукописи Дāниш=нāма многочисленны, лучшие из них находятся в собраниях Стамбула,¹⁵ однако все рукописи - поздние, наиболее старая переписана через 300 лет после смерти автора. Расхождения между отдельными рукописями весьма значительны.¹⁶

Сочинение издавалось трижды. В первом, литографском издании, опубликованном в 1891 г. в Хайдарабаде,¹⁷ текст имеет много искажений. В 1936 г. Ахмад Хурасани издал в Тегеране два трактата из Дāниш=нāма - логику и метафизику (по 3 рукописям).¹⁸ Критический текст сочинения был опубликован в 1952 г. в Тегеране на основе 10 наиболее надежных рукописей: издание "Метафизики" подготовил М.Му'ин,¹⁹ сопроводив его обстоятельной статьей, в которой рассмотрены основные вопросы истории текста, время его составления и рукописи; "Логика" издали М.Му'ин и С.М.Мишкат,²⁰ "Физику" - С.М.Мишкат.²¹ В приложениях к трактатам даны индексы (выборочные) слов и терминов. Все три трактата Дāниш=нāма, при-

надлежащие Ибн Сине, переведены на русский язык А.М.Богоутдиновым;²² французский и английский переводы содержат только "Метафизику".²³ Английский перевод сопровождается подробными примечаниями к тексту, обширным историко-философским комментарием, а также словарем "ключевых терминов" (в него вошли как арабские, так и персидские термины "Метафизики").²⁴

Персидская лексика сочинений Ибн Сины, прежде всего терминология, привлекала внимание многих исследователей, в том числе К.Гани, М.Му'ина, А.Масса, С.М.Афнана.²⁵ Наибольшее значение имеет работа Му'ина, который рассмотрел взаимоотношение лексики Ибн Сины и персидской версии *Kitāb at-taḥḥīm* Беруни,²⁶ проблему специализации значений общеупотребительной лексики, а также неологизмы Ибн Сины.

Терминология *Dāniṣ-nāma* отражена также в "Словаре персидских и арабских философских терминов" С.М.Афнана,²⁷ где в словарных статьях приведены также французские, английские, а в ряде случаев и среднеперсидские эквиваленты.

Рукописи *Dāniṣ-nāma* не старше XIV в., однако текст сочинения сохранил архаичные черты, характерные для языка прозаических памятников XI в.²⁸ Судя по фонетическому трактату Ибн Сины *Asbāb ḫudūs al-ḫurūf*, от отличал звонкий губо-губной звук β от глухой губо-губной фонемы /f/ и сонанта /w/, указывая в качестве примера на слово *βiznu*, *βizūni* ('увеличение, излишек').²⁹ Возможно, что в автографе *Dāniṣ-nāma* буква β (фа с тремя точками) выступала, например, в словах *βzūn* 'прибавление', 'свыше' и *βzāz* 'поднятие', как это отмечается в некоторых рукописях других средневековых сочинений,³⁰ но в дошедших до нас рукописях буквы β нет (*afzūn*, Лог., 2,4; *afzāz*, Физ., 6I).

О хорошей сохранности текста сочинения определенно свидетельствуют грамматические архаизмы. Для именных частей речи отметим:

1) особенности употребления форм сравнительной и превосходной степени: *ḥunān ki raudātār kunīm āpāstar* 'как мы скажем (об этом) ниже подробнее' (Мет., 63; примечательна частая для памятника позиция обстоятельства после сказуемого); *x'āstarIn=i x'āmī* 'высшее благо' (Мет., IO2);³¹

2) специфические случаи употребления артикля =*ḥ*: *wardunḥ* 'часть людей' (Лог., 42 - в противоположность *hama=yi wardum*); *ba ḡōū... ba ḡōūḥ...* 'в одном случае..., в другом случае...' (Мет., 45; к значению *ḡōū* ср. *ba hama ḡōūhā* 'во всех случаях, во всех отношениях', Мет., 76, 94); *hama=yi har yakḥ andar hama-*

yi dīgar buvad 'каждая в целом сойдется с другой' (Мет.,17);
dīgarē savvān 'еще одна третья' (Мет.,17);

3) порядковое числительное dīgarān 'второй' (Мет.,6, Лог., 87);³² местоименные числительные śand, śandān в сочетаниях с количественными (du-śandān 'двое, двойное', Мет.,127); śand, hamśand в качестве первого члена изафетных сочетаний в значении 'равный': du xaṭṭ... śand=i du xaṭṭ... ast 'две линии... равны двум линиям...' (Мет.,20, ср. также Лог.,6, 85; Мет., 12); jāu=i har du hamśand=i jāu=i yakē buvad 'место обоих будет равным месту одной' (Мет.,17, ср. также Мет.,20);³³

4) очень широкое употребление местоименных энклитик во всех зависимых синтагматических позициях (определение, все типы дополнений, выражение паритивности и др.),³⁴ причем гласный энклитики выпадает, если энклитика примыкает к слову с исходом на долгий гласный: kubgā=ā 'его наибольший', Лог.,65; maḥar-gadī=ā 'ее абстракция', Физ.,118; az x'adī=ā 'сам собой', Физ.,7; rahīlū=ā 'его сторона', Лог.,88; śūn śaṣm ki āfatē=ā gasad 'подобно глазу, который поврежден...', Физ.,110; ср. также =ā после исхода на краткий гласный =a: śāga=ā nēst 'нет выхода', Лог.,89 (ср. употребление энклитик при выражении субъекта: tab dāgad=ā 'у него жар', Лог.,81).

Для системы глагольных форм отметим:

1) редкое употребление префикса (ha)mē= при формах аориста, выражающих оба основных значения презенса индикатива: настоящего обычного (наиболее частое значение презенса в Даниш-нāма) и настоящего актуального (данного момента);

2) преимущественное употребление полной формы инфинитива в сочетаниях с модальными словами (bišāyad nihādan, Мет.,13 и др.);³⁵

3) образование форм пассива с глаголом āmadan (gufta āmad 'было сказано', Мет.,7; raūdā kardā āyad 'будет показано', Мет.,2; bāyad ki nigarīda āyad 'следует рассмотреть', Мет.,8);

4) употребление форм прекатива 3 л.ед. и мн.ч. при выражении допущения, служащего посылкой для дальнейших заключений (одна из наиболее характерных особенностей научного стиля памятника):

In niḡāl šakl=i nukastIn bādā az kitāb=i Uqlīdis. Ba mā xaṭṭē=st niḡāl=i vau AB bādā... 'Пусть этим примером будет первая фигура из книги Евклида. У нас есть некий отрезок, обозначением его пусть будет АВ' (Лог.,84, ср. Лог., 57, 73, 102, а также Физ., 92, где выступает редкая форма 3 л.мн.ч. bādandā);³⁶

5) глагольные формы с суффиксом =ē, обозначающие условие реальное (...agar hamšipān bihištand=ē 'если оставят так...', Мет.,162) и ирреальное (agar Injā pilē Istāda būd=ē man va tu bididim=ē 'если бы здесь стоял слон, мы с тобой увидели бы (его)', Лог.,101; ...ki gōyī x^vad nēstand=ē '...как будто ик и нет', Физ.,69;³⁷ agar sard nēst=ē kasīf u girān nēst=ē 'если бы (земля) не была холодной, она не была бы плотной и тяжелой', Физ.,31 - прехатив в придаточном и главном предложениях);

6) наличие полной парадигмы аориста глагола būyistan 'долженствовать, быть нужным' (например, būyand, Мет.,35, 151);

7) преимущественное употребление buv= как основы презенса от глагола būdan 'быть', особенно в самостоятельном его употреблении (ср. bāš=, наряду с buv=, в функции служебного глагола, например, bāš= в Лог.,7, buv= в Мет.,56, Физ.,62); архаичная негативная форма 3 л.мн.ч. глагола=связки payand 'не суть' (Мет.,112) наряду с регулярной nēstand (ср. также pazīrafta na and, Лог.,107).

Для предлогов, послелогов, союзов:

регулярное употребление архаичного andar (предлог, послелог и глагольный префикс);

наличие предлога farāz 'к, до' (например, Физ.,41);³⁸

отыменный предлог ba rāst=i (с финальным или деллеберативным значением: ...agar ān šiz ma'dūm šavad, vay ba rāst=i vay buvad va akūn na ba rāst=i vay ast '...если бы тот (известный) предмет исчез, то этот (другой предмет) был бы вместо ('для') него, тогда как в действительности он не существует вместо него', Мет.,90), по-видимому, диалектизм; ср. ba rāstā-yī в Та'рих=и Сისტан, а также в других раннесредневековых памятниках,³⁹ и предлог бароси, барости в некоторых современных таджикских говорах;⁴⁰

использование предложно-послеложных конструкций (bar... bar 'на, к', Лог.,84; ср. с отыменным предлогом -šiyāl=i ...andar 'среди', Мет.,97, Физ.,16);

сохранение каузального и финального значений у послелога =rā (na fayida=rā buvad 'бесполезно', букв. 'не ради пользы бывает', Мет.,55; mar ixtisār=rā 'ради краткости', Лог.,84; ān qibal=rā x^vāhīm tā... 'мы хотим для того, чтобы...', Мет.,96), который может сопровождаться предлогом аз (az In qibal=rā 'по этой причине', 'поэтому', Лог.,49, Физ.,49, ср. также na az jīshī=ā=rā šavad balki... 'происходит не по причине

телесности, а...', Физ.,6) или предложным сочетанием аз *ġihat=i* (...аз *ġihat=i hālē va sūratē=gā* '... (происходит) благодаря состоянию и форме', Физ.,6, ср. также Лог.,129, Мет.,7);

частое оформление прямого и косвенного дополнений препозитивной частью *mag* и послелогом *=gā* (*hōē zidd mag zidd=gā paraġrad...* 'никакая противоположность не воспринимает (свою) противоположность', Мет.,15, также Физ.,96,100 и др.) - признак, который, как установил Лазар,⁴¹ был характерен прежде всего для языка авторов, происходивших из Средней Азии и областей северо-востока современного Афганистана, и, возможно, казался "чужеродным" для читавших Дāниш-нāма в Исфахане; архаичная форма союза аз *ē-gā ki* 'потому что, так как' (Физ.,35 и др.);

наличие союза *ki tā* (например, Лог.,163).

В синтаксисе Дāниш-нāма отмечаются некоторые особенности, характерные и для других раннеперсидских памятников прозы. Это, прежде всего, частая инверсия, нарушение наиболее обычной для порядка слов в "классическом" письменном фарси схемы: подлежащее - дополнения - сказуемое. В ранних переводах с арабского многие случаи инверсии (особенно передвжка сказуемого в начало предложения) могут, как известно, объясняться стремлением переводчиков копировать синтаксические модели оригинала. По мнению Л.Лазара, и для Дāниш-нāма некоторые типы инверсионных конструкций следует объяснять скорее всего привычкой Ибн Сины писать и мыслить по-арабски.⁴² Такое предположение могло бы показаться правдоподобным, особенно если учесть, что Дāниш-нāма - единственное известное нам персидское философское сочинение Ибн Сины и что по содержанию оно служит своеобразным резюме его многочисленных арабских трудов. Однако нужно учитывать, что Дāниш-нāма не является переводом с арабского, и что язык и стиль памятника в целом свидетельствуют о превосходном знании персидской фразеологии, о высоком искусстве Ибн Сины в сопряжении разных стилистических - от простонародной, сближающейся с живой персидской речью, до специально научной. Стилиевая парадигма языка персидской ученой прозы в период создания Дāниш-нāма еще только складывалась. Лаконичный, порою метафоричный, но неизменно четкий стиль этого сочинения, разнообразие применяемых синтаксических конструкций, широкое и гибкое использование персидской фразеологии могли иметь почти такое же значение для развития персидского научного языка, как и опыт Ибн Сины в создании

персидской философской терминологии. По авторитетному мнению А.Массэ, такие разделы Дāниш-нāма, как "Объяснение состояния необходимого и возможного бытия" (Мет. 65), принадлежат к лучшим страницам всей вообще научной литературы на персидском языке.⁴³

Инверсию в Дāниш-нāма следует объяснять скорее как результат стиливого воздействия разговорной речи, в которой синтаксические нормы, в том числе порядок слов, были менее жесткими, чем в письменном "классическом" фāрси. Актуальное членение предложения, базирующееся на конкретном смысле и ситуации высказывания и неразрывно связанное с экспрессивными факторами, находит наиболее четкое отражение в синтаксических конструкциях разговорной речи. Известную роль в возникновении инверсионных построений играли и факторы ритмические - так, например, можно объяснить расположение многочленного (состоящего из нескольких слов) дополнения после сказуемого. В Дāниш-нāма наиболее часто отмечаются следующие основные инверсионные построения:⁴⁴ 1) сказуемое между членами определительного сочетания (...jāugāhē. dārad mahāyē ' (тело)... имеет особое место', Мет., 27; ср. также Лог., 18 и др.); 2) дополнение после сказуемого - косвенное (vay čūn xīrad ast mar haūvānāt-gā ' (ощущение) для животных подобно разуму', Физ., 96; hājat nēst ba durust kardan-i zāhir 'нет необходимости описывать внешнюю (силу восприятия)', Физ., 82; ср. также Физ., 82, 99 и др.) и прямое, в том числе в случаях, когда сказуемому предшествуют другие дополнения (...mar-dūsh ba vay andar yābad ma'nihā-yūi kullī-gā ni-jarad '...люди посредством ее (силы восприятия) воспринимают общий абстрактный смысл...', Физ., 106-107); 3) сказуемое перед подлежащим (nēst bar-kē mar-dūsh dabīr 'некоторые люди не есть дабирь', Лог., 41; ср. также Физ., 59), разновидность этой конструкции - группа дополнений предшествует сказуемому, подлежащее заключает предложение (va čandīn hīlathā bikumand muhandīsān 'и столько способов используют строителя!', Физ., 24, ср. также Лог., 9, 118 и др.).

Влияние разговорной речи можно видеть, вероятно, и в случаях факультативного ощущения связи в именном сказуемом (va amā kupanda na 'illatē 'что же касается творца, он на/является/ причиной', Мет., 71).

И.Лазар⁴⁵ отметил обороты "этимологической детерминации", в которых управляемое слово (дополнение) образовано от того же корня, что и управляющее (nigarān... nigarīstanē 'aqlī 'рас-

смагивающий... рациональным рассмотрением', Мет., I48; ...bi-
 zozad vōxtanē ših zabāna=yī ātaš '...Горит сгоранием, как
 язык пламени', Физ., 71; rēš buvad... rēšyū ki... 'предшествует
 ...предшествованию, которое...', Мет., I26). Такие обороты ши-
 роко представлены в переводах, они имеют прототипы в арабском,
 однако они известны и современным таджикским говорам⁴⁶ и могли
 возникнуть и независимо от влияния арабского.

III

В лексике Дāниш-нāма также можно наблюдать стремление к
 сталкиванию различных языковых пластов. Число арабизмов в па-
 мятнике весьма значительно; по количественному соотношению с
 собственно персидской лексикой и по частоте употребления ара-
 бизмов Дāниш-нāма существенно отличается от других раннесред-
 невековых памятников персидской прозы.⁴⁷ Эта особенность объяс-
 няется содержанием памятника и наличием богатой и разветвлен-
 ной арабской философской терминологии, часть которой Ибн Сина
 считал возможным внедрить в складывающийся персидский язык
 науки. Можно заметить, что в "Логике", первом из трактатов
 Дāниш-нāма, арабизмов несколько меньше, чем в "Метафизике", но
 различия эти не кажутся нам особенно значительными.⁴⁸

Подавляющее большинство арабизмов в Дāниш-нāма принадлежит
 к сфере абстрактной терминологии. Многие из них выступают как
 соответствия для основополагающих греческих терминов логики и
 философии Аристотеля. Эта часть арабской научной терминологии
 наиболее последовательно применялась предшественниками Ибн
 Сины,⁴⁹ она представлена в его арабских сочинениях по филосо-
 фии,⁵⁰ и ученый имел основания считать, что такие термины будут
 понятны и для персидского образованного читателя. Заслуживает,
 однако, внимания, стремление Ибн Сины избегать в Дāниш-нāма
 арабских терминов при обозначении десяти основных аристотелев-
 ских категорий бытия. Среди этих обозначений мы находим только
 один арабский термин - izāfat 'отношение' (ар. idāfat, соот-
 ветствует гр. πρὸς τί), все остальные - персидские: gavhar
 'субстанция, οὐσία' (гораздо реже в Дāниш-нāма употребляется
 арабизованная форма javhar, утвердившаяся в греко-араб-
 ской переводной терминологии - наряду с 'aynu'=l šayy - уже
 в IX в.);⁵¹ šandī 'количество, ποσόν' (ар. 'adad, kamiyyat);
 šigūmagī 'качество, ποῖον' (ар. san'at, kaufiyyat); dāšt
 'обладание' (ар. milk, гр. ἔχειν); kujāyī 'место, ποῖ'
 (ар. makān, aina); kauyī 'время, ποτέ' (ар. vaqt, matā);

nihād 'положение, kei'sthai' (ар. naṣbat, vaq'); kunis 'действии, poiein' (ар. fi'1, an yaf'al); bikunīdan 'страдание, paschein' (ар. an yanfa'il).

Полный список арабских терминов, употребленных в Даниш-
=нәма, в данной статье привести невозможно. Среди основных
понятийных терминов, в том числе обозначающих субстанциональ-
ность, акцидентность, всеобщность, единичность, возможность,
необходимость, отметим: māhiyyat, zāt, haqīqat 'сущность,
вещь per se' (в отличие от 'существования');⁵² maḥjūd
'конкретно существующее'; hayulā, māddat 'первичная материя'
(в этом значении Ибн Сина употребляет и перс. māya); 'araz
'акциденция'; sūrat 'форма, субстанциональный аспект сущно-
сти'; jins 'род', naḥ 'вид', šaxṣ 'индивид'; ṭab 'при-
рода, стихия'; aql 'принцип'; farq 'различие'; ḥāl 'состоя-
ние'; istiḥālat, 'aks, ṭard 'изменение состояния, конверсия';
'illat, sabab 'причина'; quvvat 'способность, потенция,
сила' (гр. dynamis); jism 'тело' (реже в этом значении
перс. tan), jismiyyat 'телесность'; zidd 'противоположность';
xalā 'пустота, вакуум'; saṭḥ 'плоскость, плоская поверхно-
сть'; dāyira 'круг'; quṭr 'диаметр'; muhit 'окружность';
bu'd, мн. ab'ād 'расстояние'; zāviya 'угол' (наряду с перс.
goṣa и raḡōla); jihat 'сторона, направление' (наряду с
перс. sō); ṭāq 'нечетный' (но ср. перс. juft 'четный');
muḥkin 'возможный, случайный'; wājib 'необходимый'; mujānis
'гомогенный'; muḥayin 'гетерогенный'; muḫtalif 'различный';
muḥāriq 'отдельный, отделяемый'; murakkab 'составной, сложный'.

Много арабских эпистемологических терминов и для других
категориальных понятий, особенно логики и гносеологии: istiḡā
'исследование'; maṭlab 'предмет исследования'; ḥilāt 'способ,
метод'; ilm 'наука, знание' (гр. epistēmē); hikmat 'муд-
рость'; ma'nī 'значение'; ḥadd 'дефиниция'; muqaddam 'логи-
ческое основание'; muqaddima, qazīya 'посылка, суждение';
istiḡā 'индукция'; iftirāz 'гипотеза'; šarṭ 'условие';
miṣāl 'авалогия'; ḥiss 'чувство, чувственное восприятие';
ixtiyār 'выбор'; vaḥm 'способность представления'; i'tiqād
'представление, концепт'; faṣl 'дифференция'; tafṣil 'анализ';
tarkīb 'синтез'; mavzū 'субъект'; maḥmūl 'предикат'; sifat
'аттрибут'; muṣādira 'постулат'; maḥādī 'исходные посылки';
mujaḡrabāt 'эмпирические посылки'; musallamāt 'ожидаемые по-
сылки', maṣhūrāt 'традиционные посылки'; burhān 'аргумент';

huǰǰat 'доказательство'; gām 'описательное определение' (гр. *τύπος*); natīja 'заключение'; īǰāb 'утверждение'; salb 'отрицание'; yaǰīn 'уверенность' (гр. *akribos*); nuǰāf 'коррект'; qiyās 'силлогизм'; šakl 'фигура силлогизма'; ǰadal 'искусство спора, диалектика'; zanā'at 'искусство' (гр. *technē*); mītaǰādd 'противоположный'; nu'ayyan 'специфический'; muǰāl 'невозможный, абсурдный' и многие другие.

Особое место среди терминов для абстрактных понятий занимают арабские отглагольные прилагательные с суффиксами *-iy(y)* и *-āniy(y)*, которые в персидском были фонетически преобразованы по аналогии с собственно персидскими относительными прилагательными с суффиксом *-ī*: *zātī* (ар. *zāt-īyy-*) 'сущностный'; *naǰarī* 'спекулятивный'; *kullī* 'универсальный', *'araǰī* 'акцидентный'; *azalī* 'изначальный'; *ǰarǰī* 'необходимый'; *ǰismānī* 'телесный'; *naǰsānī* 'душевный' и др. Имеются также терминологические сочетания, по своей грамматической структуре представляющие несколько моделей арабских фразеологизмов, в том числе: *vāǰīb al-vāǰīb* 'необходимо=сущее' - центральный концептуальный термин трактата "Метафизика", обозначающий одну из наиболее оригинальных философских теорий Ибн Сины и неразрывно связанный с его трактовкой категорий субстанций сущности бытия, возможности и причинности;⁵³ *muǰkin al-vuǰīb* 'возможно=сущее'; *naǰ' (al)-anvā'* 'вид видов'; *avval vuǰīb* 'первое существование'.

Арабская лексика широко представлена также в составе персидских фразеологических единиц, прежде всего в изафетных сочетаниях и в глагольных фразеологизмах ("сложно-именные глаголы"). Эти фразеологические единицы будут рассмотрены ниже, при анализе персидской лексики, но здесь следует отметить, что подавляющее большинство таких изафетных сочетаний и многие из "сложно-именных глаголов", содержащих арабские имена (как правило, масдары и причастия), имеют значение абстрактных терминов. Нетерминологической арабской лексики в Дāниш-нāма почти нет.⁵⁴

IV

Согласно подсчетам Му'ина, в трех трактатах Ибн Сины, входящих в состав Дāниш-нāма, содержится 889 персидских и персидско=арабских терминов и других "примечательных" (*barǰasta*) персидских слов, в том числе 214 в "Логике", 201 в "Физике" и 474 в "Метафизике".⁵⁵ Подавляющая часть персидской лексики Дāниш-нāма относится к общеупотребительной в раннесредневековом персидском. Число диалектизмов и архаичных или редких уже в памятниках X-XI

вв. слов сравнительно невелико, но они показывают, что Ибн Сина был знаком с персидской диалектной лексикой и, вероятно, с лексикой других иранских языков и диалектов. Следует вспомнить, что Ибн Сина с 1002 г., после смерти отца, вынужден был поступить на административную службу, несколько раз он подвергался преследованиям, должен был переезжать с места на место и, таким образом, побывал во многих областях распространения иранских языков и диалектов - в Бухаре, где он прожил 20 лет и где он сформировался как ученый, в Хорезме, в городах Хорасана - Аби-верде, Нисе, Нивапуре, в Гургане, а также на западе Ирана - в Рее, Казвине, Хамадане и Исфахане. Нередко единственным источником существования для Ибн Сины служила врачебная практика, и среди его многочисленных пациентов были, очевидно, носители разных языков и диалектов.⁵⁶ Лингвистическая карта Средней Азии и Ирана в X-XI вв. была гораздо более пестрой, чем в наши дни. О многих раннесредневековых иранских языках и диалектах мы знаем лишь по сообщениям арабских географов, сведениям персидских толковых словарей (фархангов) и указаниям, которые удается найти в сочинениях этого периода, прежде всего в Китаб ас-саидана ай-т-тибб Беруни.⁵⁷

О широкой лингвистической эрудиции Ибн Сины можно судить по его уже упоминавшемуся фонетическому трактату, показывающему, что он был знаком с хорезмийским и тюркскими языками.⁵⁸ Не исключено, что Ибн Сина знал и согдийский язык, который в конце X в. сохранялся еще в рустаках Бухары; согдийские слова он встречал, во всяком случае, в одном из трудов ал-Фараби, выдающегося своего предшественника.⁵⁹

К диалектизмам в лексике Даниш-нама И. Лазар⁶⁰ относит следующие слова:

tazarg (ta'arg) 'град' (Физ., 91: dāna-yi tazarg 'градина'), засвидетельствовано также в Китаб ат-та'ххим,⁶¹ тогда как обычная для персидского языка форма - tagarg, представленная и в среднеперсидском (пехл. tklg, маних. tgrg);⁶²

dirafšān 'сверкающий, раскаленный' (angīšt=i dirafšān 'раскаленный угол', Физ., 41, 72); ср. dirafšīdan, dirafš= 'сверкать, сиять, гореть' в некоторых других раннесредневековых памятниках и в фархангах, евр.=перс. dršūš, парф.=маних. drafs= 'сиять, блестять',⁶³ но также пехл. drafsīdan I. 'сиять'; 2. 'дрожать'.⁶⁴ У Фирдоуси основа dirafš= выступает наряду с более обычной для персидского diraxš=, duraxš=. Альтернативу -xš=/-fš= в этой основе можно, очевидно, считать собственно персидской (И. Лазар

сопоставляет ее с =xt/=ft в ср.=перс. *juft*, перс. *juft* 'пара, чета',⁶⁵ не связанной с влиянием согдийского⁶⁶ или парфянского.⁶⁷

zafar 'челюсть' (Лог., 72, 73), это слово, представленное также у Фирдоуси (*zafar, zafr* 'рот') и в фархангах, заимствовано в персидский из диалекта, который сохранил древнеиранские *z=* и *=f=*, ср. авест. *zafar=*, *=zafan=*, перс., также заимствованное, *zafān, zufān* 'язык' при собственно персидском *dahān*.⁶⁸

К числу диалектизмов можно отнести также:

raugōla 'угол', из др.=ир. **rafi-gauša=ka=*, употребляемое в Даниш-наме наряду с ар. *zāviya* (Физ., 35) и представляющее собой заимствование из восточноиранского диалекта, в котором др.=ир. *=ǰ=* отразилось как *=l=*;⁶⁹

varj 'величие' (Мет., 109: *varj ya 'nī šukōhmandī-yi barīn* 'высшее величие'), ср. парф. *warj*, ср.=перс. *warz*, авест. *varǰsaḥ=*;

laxtē 'немного' (Лог., 98, Мет., 49), от *laxt* 'часть, кусок'.⁷⁰

предлог *ba gāst-i* (см. выше, с. 121).

В лексике Даниш-наме представлены также редко употреблявшиеся в средневековых памятниках слова. И. Лазар'⁷¹ отмечает среди них: *āxāiǰ* 'элемент, стихия' (Мет., 47; этимология слова нам неясна); *āxriyān* 'предмет торговли' (Мет., 101), это слово, образованное от др.=ир. **xri=* 'покупать', встречается также в Та'-рих-и Бухара Наршахи;⁷² *būšāsr* 'сон, сновидение' (Физ., 131, вариант *gūšāsr*), из пехл. *būšāsr*, ср.=перс. маних. *būšyāsr*, авест. *būšyasta=* 'демон лени';⁷³ *gēhān* 'мир, вселенная' (Мет., 108), вместо более обычной арабизованной формы *ǰihān*; *dūšmanākī* 'враждебность' (Лог., 127).⁷⁴

М. Му'ин, один из лучших знатоков раннесредневековой персидской лексики, к словам редким, употреблявшимся не повсеместно или принадлежавшим к высокому стилю книжного фарси, причисляет также:⁷⁵ *bāstār* 'некто, некий' (Лог., 57, 58, 67 и др.), *bāstārī* 'подобие' (Лог., 104, 105 и др.); *šukōhmandī* 'величие' (Мет., 109); *buzurgdāst* 'ночет' (Мет., 103); *kunīdan* 'страдание' (в памятнике этот термин=кифизитив выступает с префиксом *bi=*, Мет., 29) — глагол, образованный по продуктивной модели, но представленный в памятниках очень редко;⁷⁶ *angārīš* 'рассмотрение, спекулятивное знание' (Мет., 5: '*ilm-i angārīš* 'спекулятивное знание', в том же значении употребляет Ибн Сина и '*ilm-i naḡarī*); *barīnīš* '(пере)сечение' (Мет., 13 и др.); *tavānīš* 'возможность,

способность' (Met., I50, Log., I18; в том же значении ар. *quvvat*); *kunīš* 'действие, способность к действию' (Met., 29 и др.; ар. *fī'1, an yaf'al*). Но здесь мы непосредственно сталкиваемся с наиболее важной проблемой анализа лексики Даниш-нāма – проблемой источников и путей формирования персидской научной терминологии.

У

Первым из этих источников следует считать обозначения абстрактных понятий, в том числе категориальных, которые новоперсидский унаследовал от своего предка – среднеперсидского языка. Научная терминология книжно-пехлевийских и среднеперсидских манихейских сочинений исследована еще недостаточно, однако уже сейчас мы можем судить о значительном ее объеме и основных средствах ее сложения, в том числе о словообразовательной технике. Значительное влияние на разработку метафизического, абстрактного языка сасанидских книжников могли оказать переводы на среднеперсидский трудов античных философов, в том числе Аристотеля.⁷⁷

Некоторые из этих переводов, как отмечалось, послужили основой для ранних арабских версий; из среднеперсидского были заимствованы в арабский три основополагающих философских термина: *jahvar* 'субстанция' (ср.=перс. *gōhr*), *mādat* 'материя' (из ср.=перс. *mādag*, с удвоением *-da-* по аналогии с араб. *madda* 'простирать'),⁷⁸ *zamān* 'время'.

Насколько известно, нет точных данных, которые позволяли бы согласиться с выводом некоторых современных исследователей о том, что Ибн Сина знал среднеперсидский язык и мог пользоваться среднеперсидскими переводами трудов античных философов.⁷⁹ В Даниш-нāма ссылок на источники нет вообще. Ибн Сина ни разу не приводит пехлевийских (среднеперсидских) эквивалентов для используемых им терминов – сопоставляются только термины персидские и арабские. Однако часть терминов Даниш-нāма, в том числе некоторые категориальные, находят точные соответствия в среднеперсидском. Это показывает, что они были унаследованы новоперсидским. Вот примеры таких соответствий⁸⁰:

hastī – ср.=перс. *hastīh* 'существование, бытие'; *nēstī* – *nēstīh* 'небытие';⁸¹ *kayī* – *kayīh* 'время' (Dd.XXVI,14);⁸² *čandī* – *čandīh* 'количество'; *x^vadī-xwadīh* (DdM 293 и др.) 'сущность';⁸³ *māya-mādag* (маних. *māyag*) 'материя', гр. *hylē*; *jumbiš-jumbīšn* 'движение'; *āgāmīš* – *āgāmīšn* 'покой'; *angārīš* – *hangārīšn* 'рассмотрение'; *banērō* (срав. степень: *banērōtar*, Уиз.,63) – *padnērōg* 'сильный, мощный'; *bahmān* – *wāhmān* 'некто, такой-то';

paudā kardān - paudāg kardān 'разъяснение' (инфинитив в качестве термина); āyād būd 'возможность' - āyēd būd 'возможный'.⁸⁴

Также соответствия составляют, однако, лишь сравнительно небольшую долю персидских терминов Дāниш-нāма. Часть среднеперсидской лексики в новоперсидском была утрачена,⁸⁶ в том числе и многие абстрактные термины. На смену им пришли арабизмы (так, араб. šakl, šurat 'форма' вместо ср.=перс. dās; maqālat 'категория' заменило ср.=перс. ōšmārišn; quvvat 'сила, способность, потенция' вместо ср.=перс. kārōg), а также другие персидские слова и словосочетания.

VI

При создании персидских философских терминов Ибн Сина широко использовал обиходную лексику, специализируя значения слов, бытовавших в повседневной речи, находил персидские эквиваленты арабским терминам, смело прибегая к калькированию. Он создавал также неологизмы, используя богатый арсенал словообразовательных средств персидского языка.

Специализация значения - одно из основных средств создания терминов в Дāниш-нāма, причем могут специализироваться значения всех грамматических классов слов: guftār 'речь' → 'суждение, утверждение' (Лог., 89, 90 и др.); jāy 'место' → 'пространство' (Физ., I3); zaħn 'удар; рана' → 'толчок' (Физ., 5, 44, 45, ср. также ba yak zaħn 'одним толчком, сразу' Лог., 4); barīniš 'разрезание, разрез' → '(пере)сечение' (Мет., I3, I28, I50); suħan 'слово' → 'рассуждение' (Мет., 37); yār 'друг, помощник' → 'равный' (мет., 79); baqābar 'равный, одинаковый' → 'однозначный' (о битии, Мет., 78); gird 'круглый' → jumbiā-i gird 'круговое/вращательное движение' (Физ., 7: 'движение вокруг себя из одного положения в другое, но не движение с одного места на другое', ср. также Мет., I32, I39); gāst 'прямой' → jumbiā-i gāst 'прямолинейное движение' (Физ., I3: 'движение в пространстве вверх или вниз', ср. также Мет., I25 и др.); barīn 'высний' → ilm-i barīn 'метафизика' (Мет., 3); miyānagīn 'средний' → ilm-i miyānagīn 'математика' (Мет., 3); zērīn 'нижний' → ilm-i zērīn 'физика' (Мет., 3); tanōmand 'крепкий, сильный' → 'телесный' (мир, Физ., 33); gadāxta 'расславленный' → 'жидкое тело' (Рагмниāsī, 9); razīgufta 'принятый' → 'объект действия' (Мет., I0); bastan 'связывать' → 'слушать' (Физ., 66); rālūdan 'очищать' → 'выводить (из тела)', Физ., 9; dīdan 'видеть' → 'познавать' (Лог., 3); nihādan 'класть' → 'допускать' (Мет., I9); hištan 'оставлять, покидать' → 'терять' (Физ., 28: 'все тела легко теряют форму').⁸⁷

Среди персидских терминов *Дāниш=нāма*, выступающих в качестве эквивалентов терминов арабских, можно выделить две основные группы – термины=слова и термины=словосочетания. Эти группы различаются не только по грамматической структуре, но и по характеру номинации: термины=словосочетания (составные термины), как правило, обозначают понятия точнее, чем термины=слова (простые термины), они больше тяготеют к однозначности. Составные термины, которые вводит в научный обиход Ибн Сина, включают наряду с персидской и арабскую лексику, но все такие словосочетания построены по персидским, веками отработанным моделям фразеологических единиц.

Калькирование арабских терминов, служившее одним из основных средств формирования всех отраслей лексики персидского научного языка, представлено в обеих группах терминов. Так, для терминов=слов:

причастия: *razīgā* ‘акцептирующий, способный к’ (Мет., 7, Физ., 14 и др.), соответствует арабскому причастию *qābil*, а *nārazīgā* ‘неакцептирующий’ (Физ., 27) – ар. *ḡayr-qābil*; *andaryābanda* ‘постигающий’ (Мет., 108) – ар. *mudrik*; *gusista* ‘прерывный, дискретный’ (Мет., 31, о количестве) выступает эквивалентом ар. причастия *munfaṣil*, аналогично *rayvasta* ‘непрерывный, недискретный’ (Мет., 31) соответствует ар. *muttaṣil*;

инфинитивы: *giravidān* ‘апперцепция’ (Лог., 5, 59) как эквивалент ар. масдара *tasdiq*, в свою очередь передающего гр. *pistis*, причем для этой греко-арабо-персидской эстафеты калек показательна сходная этимологическая мотивация терминов во всех трех языках; *bāz burdan* ‘анализ’ (Лог., 90, 157) соответствует ар. *tahlil*, также с аналогичной этимологической соотношенностью термина; *bāz namūdan* ‘объяснение’ (Мет., 8, 18 и др.) – ар. *šarḥ*; *andar rasīdan* ‘понятие, представление’ (Лог., 5 и др.) – ар. *tasavvur*; *andar yāftan* ‘постижение, осознание’ (Мет., II 7: *andar yāftanē tamām* ‘полное восприятие’) – ар. *idrāk*, ср. в том же значении “усеченный инфинитив” *andar yāft* (Мет., 5 и др.), а также существительное *andaryābāyi* (Физ., 81; ср. причастия *andaryābanda*, *andaryāfta*);

сложные существительные с основой настоящего времени (ОНВ) во второй части сложения, воспроизводящие семантику компонентов арабских словосочетаний (полукальки): *ḡumbīyrazīr* ‘способный к движению’ (Мет., 120, 125, 131 и др. – один из серии неологизмов с =*razīr*, введенных Ибн Синой)⁸⁸ для ар. *qābil li-l-ḡaraka*; *rayvandrazīr* ‘способный к соединению’ (Мет., 158) – ар. *qābil*

al-ittisāl; dārjumb 'медленно движущийся' (Мет., I29) - ар.
batī al-ḥaraka; zūdjumb 'быстро движущийся' (Мет., I29) - ар.
sari' al-ḥaraka;

сложные существительные той же модели (ОНВ во второй части),
но эквивалентные по семантике арабским терминам=словам: zāyīdih
'порождающий' (Физ., 79), соответствует арабскому причастию muvallida;

суффиксальные существительные, воспроизводящие семантику
компонентов арабских терминов=словосочетаний: jihatgar 'имеющий
направление' (Мет., I35 - неологизм Ибн Синн⁸⁹) для ар. zūl=

=jihat (полукалька).
Особенно многочисленны калькированные составные термины,
разнообразные по структуре, прежде всего изафетные словосочета-
ния, например: jumbiā=i rāst 'прямолинейное движение' (Мет.,
I25 и др.) - ар. al-ḥarakat al-mustaqīm; suḥan=i jazim 'ка-
тегорическое суждение' (Лог., 32) - ар. al-qawl al-jazim; ṣumār=i
tāma 'полное число' (Лог., I39) - ар. al-'adad al-tāma; burhān=i
hastī 'доказательство посредством утверждения' (Лог., I50) - ар.
burhān (также dalīl) inna; burhān=i širā'ī 'причинное до-
казательство' ('доказательство посредством выяснения причин',
Лог., I49) - ар. burhān (dalīl) lima; afkandar=i gumān 'порожде-
ние сомнения' (Лог., 94-95) - ар. taulīd al-ṣakk. Ср. также боль-
шое число наименований научных дисциплин, образованных по этой
фразеологической модели, среди них: 'ilm-i farhang 'математи-
ка' ('наука обучения', Мет., 3), в том же значении 'ilm-i ta'alīmī
(Мет., 3) - ар. 'ilm al-ta'alīm, 'ilm al-ta'alīmīyyat;⁹⁰ 'ilm-i
tarāzū 'наука логика' (Лог., 2, I0) - ар. 'ilm al-mantiq; 'ilm-i
sipas=i tabī'at 'метафизика' (Мет., 3) - ар. 'ilm mā ba'd al-
tabī'a, в свою очередь из гр. metá ta physiká, ср. в
значении 'метафизика' также 'ilm-i āncī bērūn az tabī'at (Лог.,
3), воспроизводящее ар. 'ilm mā fauq al-tabī'iyūat, а также
'ilm-i barīn ('высшее знание', Мет., 3, 5 и др.) как калька с ар.
'ilm al-a'lā.

В Дāниш-нāма представлены составные термины, образованные
посредством примыкания второго компонента и точно воспроизводящие
структуру арабских терминологических словосочетаний: jumbanda
baḥ'āst 'движущийся произвольно' (Мет., I32) - ар. mutaḥarrrik
bi-l-irāda;⁹¹ istāda ba x'ad 'существующий сам по себе' (Мет.,
26), в том же значении qā'im ba nafs-i x'ev (Мет., III), соответ-
ствует ар. qā'im bi nafs-i-hi, ср. персидский вариант этого тер-
мина с перестановкой компонентов - ba x'ad qā'im (Мет., 83), а
также сокращенный его вариант - qā'im ba nafs (Лог., 99); в

том же значении выступает и термин=словосочетание qā'im ba zāt=i x^vēš (Met., 10), воспроизводящий ар. qā'im bi zāt=hi.

Персидские устойчивые словосочетания как семантические соответствия арабского термина=слова в Дāниш=нāма представлены единичными примерами изафетных сочетаний (так, quvvat=i yāddāšt 'способность запоминания', Физ., 96, для ар. ḥāfiẓa, zākira - оба арабских термина приведены здесь в качестве эквивалента Ибн Сино), а также рядом глагольных фразеологизмов: radīd āmadan 'эманация' (Met., III), один из важнейших концептуальных терминов Ибн Сины,⁹² соответствует ар. faid; pāra pāra šudan 'деление' (Met., 46) - ар. tajziya; mānandagī jūstan 'стремление к углублению' (Met., 148), эквивалент ар. tašabbuh; harāyīnagī būdan 'необходимость' (Met., 7) соответствует ар. vuǰūb; hast būdan 'существование' (Met., 53) - ар. mauǰūdiyyat.

При первом употреблении персидских терминов в Дāниш=нāма очень часто приводятся их арабские эквиваленты: ...ba tāzī... x^vānand (реже gōyand) '...по=арабски называют...' (например, va yakē kayūī ki ba tāzī matā x^vānand 'я одна - время (категория «когда?»), которую по=арабски называют matā', Met., 29). Учитывая, что Дāниш=нāма было адресовано прежде всего читателям, мало знакомым с арабской философской литературой, можно думать, что такой тип объяснений, хорошо известный в персидских толковых словарях, в том числе уже в раннем (середина XI в.) Лугат=и Фурс Асади Туси, был призван подчеркнуть терминологический характер персидского слова или словосочетания, часто знакомого читателям в нетерминологическом значении. Встречаются также объяснения, в которых арабский термин толкуется через персидский: ō-gā quvvat=i mufakkira x^vānand ya'nī andēšanda 'его называют мыслительной способностью, (по=персидски) - andēšanda' (Физ., 99). Арабские термины могут употребляться в заглавиях разделов, тогда как в тексте употребляются их персидские эквиваленты - ср., например, Met., 73, где в заглавии встречаем kasrat 'множество', тогда как в тексте раздела выступает перс. bisyārī; арабский термин может употребляться и в тексте раздела наряду с соответствующим персидским, ср., например, mutaǰaddimī - rēāī 'предшествование' и muta'xirī - sipasī 'следование' (Met., 50-52). В Met. 10 наряду с ар. māddat и перс. māya 'первичная материя' приведен и ар. hayulā, образованный от гр. hylō.

Можно полагать, что использование различных типов объяснений значений терминов - арабские эквиваленты для терминов персидских, персидские эквиваленты для арабских, употребление арабского тер-

мина наряду с персидским - должно было, по замыслу Ибн Сины, дать читателям Дāниш-нāма представление об основных соответствиях в двух системах философских терминов, арабской и персидской, и тем самым облегчить персоязычной аудитории знакомство с арабской философской литературой. Этот замысел не был понят заказчиком Дāниш-нāма, текст сочинения казался ему, очевидно, перегруженным терминами. Так можно, вероятно, объяснить сообщение Шахмардана б. Аби -л-Хайра, который в своей Нузхатнāма-йи 'Алā'й (475/1082-3) писал: "Я слышал, что покойный господин 'Ала ад-Даула сказал хадже раксу Абу 'Али б. Сине: "Если бы наука древних была изложена на персидском языке, я сумел бы постичь ее". По этой причине на основании приказа составил Абу 'Али Сина Дāниш-нāма-йи 'Алā'й, но когда окончил и преподнес, ['Ала ад-Даула] ничего не смог в ней понять".⁹³

Скептическое отношение к терминотворчеству Ибн Сины в Дāниш-нāма разделяют и некоторые современные исследователи. Так, по мнению С.Х.Насра, попытка Ибн Сины заменять арабские термины персидскими была "столь же неудачной, как если бы кто-либо стал писать философское сочинение на английском языке, не употребляя при этом слов латинского происхождения... В наши дни персидский студент скорее может понять Мақāsид ал-фалāsифа Газали - сочинение, представляющее собой, в сущности, арабский перевод Дāниш-нāма, чем персидский текст Дāниш-нāма. Попытка Ибн Сины хотя и была героической, но отодвинула на два столетия применение персидского как научного языка (as a serious language) для философии",⁹⁴ Несостоятельность этого вывода доказывается прежде всего тем, что развитие персидской философской терминологии в XI-XIII вв. осуществлялось под несомненным воздействием опыта Ибн Сины. Как показал М.Му'ин,⁹⁵ в сочинениях Насир-и Хусрау, Газали, Афзал ад-дина Кашани и многих других авторов широко употреблялись термины, применяемые в Дāниш-нāма, а ряд новых терминов, в том числе и для выражения абстрактных понятий, был создан по аналогии с теми, которыми пользовался Ибн Сина.

УП

Среди персидских терминов-слов в Дāниш-нāма мы находим все основные словообразовательные модели, характерные для новоперсидского языка на всех этапах его развития.

И. А ф ф и к с а ц и я

Суффиксы

И. Существительные со значением отвлеченного признака, образо-

ванные посредством суффикса =ī (алломорфы =gī, =vī), весьма многочисленны. Абстрактная семантика таких имен способствовала их использованию в качестве терминов. Среди засвидетельствованных в Даниш-нама терминов с суффиксом =ī имеются общеупотребительные слова со специализированным значением, а также неологизмы. Ибн Сина искусно использовал способность суффикса =ī образовывать абстрактные имена от различных по морфологической структуре основ.

а) Существительные, семантически мотивированные прилагательными (наиболее продуктивная модель существительных с суффиксом =ī) — простыми, производными, сложными:

gāstī 'прямолинейность' (Лог., II2, I22, ар. haqq), антоним kaḡī 'криволинейность' (Лог., I36); girānī 'тяжесть' (Физ., 83, Мет., 45 и др.), 'медленность' (о движении, Мет., I26), антоним tēzi 'быстрота, скорость' (Мет., I26 и др.); bahmānī 'тождество' (Лог., I02, I03 и др.); paydāyī 'известность' (Лог., 27); buzurgī 'величина' (Физ., 92); nēki 'добро, добродетельность' (Мет., II7), антоним badī 'зло' (Мет., II7); taxī 'влажность' (Физ., 28), антоним xuḡkī 'сухость' (Физ., 28); sarēdī 'белизна' (Физ., II5); siyāhī 'чернота' (Физ., II5); dirāzī 'длина' (Мет., I1 и др.); sabukī 'легкость' (Физ., 83); girdī 'бытие круглым' (Мет., I6, 29, 35); ср. также от арабских причастий, функционирующих в персидском как прилагательные: bāṭilī 'абсурдность' (Физ., 87); ma'lūlī 'причинная обусловленность' (Мет., 4); mumkinī 'возможность' (Мет., 66, 88, II4); vājibī 'необходимость' (Мет., 89, II4); qādirī 'сила' (Мет., 39: 'сила необходимо=сущего'); muḡarradī 'абстракция' (Физ., II8); bastnākī 'застывание' (Физ., 75); tanōmandī 'телесность' (Физ., II2); yagānagī 'единство' (Мет., 8, 33 и др.); sāzvārī 'гармония' (звуков, Лог., I36); hamvārī 'плоскость' (Физ., 35); baquvvatī 'обладание потенцией, способностью' (Мет., II5); bēzārī 'независимость' (Физ., II9: '...независимость действия разума от орудия'); bēšamānī 'atī 'беспричастственность' (Физ., 22); nārāstī 'ложность' (Мет., I5); nātābīšī 'отсутствие отражения' (Физ., I32); nāyaqīnī 'недоверенность' (Лог., I00); nā'illatī 'отсутствие причины' (Мет., 72); ḡumbiḡraziḡī 'способность к движению' (Мет., 8; согласно Му'ину, термин впервые встречается у Ибн Сины);⁹⁶ payvandraziḡī 'способность к соединению' (Мет., I59, также впервые у Ибн Сины);⁹⁷ qismatpaziḡī 'способность к делению, делимость' (Мет., II5); barābarī 'тождество' (Мет., I9, Физ., 47); farḡānbarḡārī 'ис-

поклонение' (Мет.,146); ма'šūqmānī 'уподобление возлюбленной' (Мет.,147, неологизм Ибн Сины),⁹⁸ и многие др.

б) Существительные, мотивированные существительными - простыми, производными, сложными:

anbāzī 'соучастие' (Лог.,62, Физ.,12, Мет.,2 и др.); afrāzī 'возвышенные места' (Физ.,61), антоним nišēbī 'низменные места' (Физ.,61); māyagī 'материальность' (Мет.,153 - категориальный термин, впервые отмечен у Ибн Сины);⁹⁹ riziškī 'медицина' (Лог.,135); rāragī 'частичность, часть' (Лог.,54), антоним hamagī 'всеобщность, целое' (Лог.,54); mādagī 'природа самки' (Мет.,49), антоним narī 'природа самца' (Мет.,49); wardmī 'бытие человеком' (Мет.,33 и др.); jānvarī 'одушевленность' (Лог.,146,147); farīštagī 'бытие ангелом' (Физ.,146, от субстантивированного причастия), и др. Ср. также от арабских масдаров: dāiragī 'бытие окружностью' (Мет.,35); haqqī 'истинность' (Лог.,164); 'illatī 'причинность' (Мет.,72); jismī 'телесность' (Физ.,6, ср. tašbāndī в этом же значении).

в) Существительные, мотивированные причастиями настоящего времени с суфф. -ā:

andargūbāyī 'восприятие' (Физ.,81: quvvat-i andargūbāyī 'способность восприятия'); rasāvāyī 'осязание' (Физ.,82, от rasādan 'трогать; осязать'); bināyī 'зрение' (Физ.,94; ср. также quvvat-i bināyī 'способность зрения', Физ.,88; jāy-i bināyī 'поле зрения', Физ.,91; 'aṣab-i bināyī 'зрительный нерв', Физ.,131); ūmbāyī 'движение' (Физ.,29: 'движущая сила'); šaḥāyī//šahāvī 'вкус' (Физ.,82,86; примечателен морф =vī); šināvāyī 'слух' (Физ.,82); kunāyī 'действие' (Физ.,101; ср. также quvvat-i kunāyī 'действующая сила', (Физ.,80); rahāyī 'высвобождение' (rahāyī ūftan 'улетучиваться' - о дыме, Физ.,80); bōyāyī 'обоняние' (Физ.,82); raḥīgāyī 'восприимчивость, способность восприятия' (Мет.,14,47).¹⁰⁰

г) Существительные, мотивированные причастиями настоящего времени с суфф. -anda:

kunandagī 'творение, процесс созидания' (Мет.,71,72 и др., соответствует ар. alafā'illiyā, гр. poēsis);¹⁰¹ gusalandagī 'рыхлость' (почвы, Физ.,28); mānandagī 'подобие, сходство' (Мет.,46,146 и др.; ср. также mānandagī ūstan 'стремление к уподоблению' - термин, согласно Му'ину,¹⁰² впервые введен Ибн Синоу, соответствует ар. tašabbuh).

д) Существительные, мотивированные причастием прошедшего времени с суфф. -a:

pōšīdagī 'сокрытие, неизвестность' (Лог., 27, 28, антоним к paudāyī); paṇvastagī 'непрерывность, последовательность', 'соединение, сочетание' (Мет., 4, 15, 133 и др.), антоним gusīstagī 'разделимость, дискретность' (Мет., 15), ср. также bēgusīstagī 'непрерывность' (Мет., 133); āgāstagī 'готовность' (Физ., 142); istādagī 'существование само по себе' (Мет., 27, ср. istādagī ba x^vadī-yī x^vad в этом же значении, Мет., 26); fusaṇdagī 'замерзание, оледенение' (Физ., 74); śāyīstagī 'возможность' (существования чего-либо, Физ., 15); śīkastagī 'дробь' (Физ., 16); sōktagī 'ожог' (Мет., 107); rasīdagī 'созревание' (Физ., 80); purtagī 'зрелость' (Физ., 80); śāyīzadagī 'порча, влияние дурного глаза' (Физ., 141); gāhbastagī 'препятствие' (Физ., 80), и др.

е) Существительные, мотивированные фиктивными формами 3 л. ед. ч. глагола=существительного:

hastī 'бытие, существование' (Мет., 8, 24 и др., ср. hast); nēstī 'небытие' (Лог., 41 и др.).

ж) Существительные, мотивированные числительными:

duyī 'двоичность' (Физ., 18, 121); trayī 'троичность' (Мет., 3); yakī 'единичность' (Мет., 47, антоним bisūyāī), ср. также yakūyī в том же значении (Мет., 33) – метафорический термин, образованный от лексикализованного сочетания yak с артиклем; śahārī 'бытие числом "четыре"' (Мет., 44); pañjī 'бытие числом "пять"' (Мет., 44); dahī 'бытие числом "десять"' (Мет., 44), ср. также śūmārī 'бытие числом' (Мет., 44).

з) Существительные, мотивированные местоимениями:

x^vadī 'сущность' (Мет., 105, ср. также ba x^vadī 'само по себе', Физ., 126); kudāmī 'категория вопроса "какой?"' (Мет., 29 – неологизм Ибн Сины, ар. *ayyūn* *šayyūn*);¹⁰³ śandī 'число, количество' (Мет., 1, 6; Физ., 27); haṃśandī 'равенство, тождество' (Мет., 46 и др.); haṃśūpānī 'сходство' (Мет., 47).

и) Существительные, мотивированные местоименными и другими наречиями. К этой подгруппе принадлежат несколько терминов, обозначающих важнейшие концептуальные понятия и обнаруживающих метафоричность в смысловой структуре:

kaṇ(y)ī 'время' (Мет., 29, Лог., 30 – временной аспект бытия субстанции); kaṇjāyī 'место' (Мет., 29 – обозначение пространственного аспекта, неологизм Ибн Сины);¹⁰⁴ śīrāyī 'причина' (Мет., 34, Лог., 152, 153 и др.); śīgūnagī 'качество' (Мет., 28, ар. *kaṇfīḷḷat* – качественный аспект бытия субстанции);¹⁰⁵ bāhī 'большое количество' (Мет., 28), антоним kamī (Мет., 28); bisūyāī

‘множество’ (Мет.,29); *hamēšagī* ‘вечность’ (Мет.,97); *rēšī* ‘предшествование, приоритет’ (Мет.,50,51 и др. – о субстанции, в частности, о субстанции ‘необходимо=сущего’), антоним *sirasī* ‘следование’ (Мет.,50,51,58 и др.); *zēšī* ‘низ’ (Мет.,122), антоним *šaršī* ‘верх’ (Мет.,122). Ср. также термины, мотивированные сложными наречиями с интерфиксом *-ā-*: *sirasārēšī* ‘последовательность’ (Мет.,78); *kašābēšī* ‘уменьшение и прибавление’ (Физ.,52).

к) Существительные, мотивированные предложно-именными и предложно-местоименными сочетаниями, а также “полными” синтаксическими словосочетаниями или фразеологизмами.¹⁰⁶ Среди таких слов, выступающих в Дāниш-нāма в качестве метафорически окрашенных терминов, объединенных категориальным значением отвлеченного признака, свойства, отметим:

šubūšī ‘инобытие’ (Мет.,47, эквивалент ар. *šāgriyyat* – метафорический термин, созданный Ибн Синой);¹⁰⁷ *šīšīzī* ‘суть, сущность’ (Лог.,20); *dušāndānī* ‘удвоение’ (Мет.,127); *harāyinašī* ‘необходимость’ (Мет.,7, в сочетании с глаголом *būdan*); *qā'imbanafšī* ‘существующее само по себе’ (Лог.,99).

2. Второе место по количеству занимают существительные с суффиксом *-īš* со значением отвлеченного действия, мотивированные глагольной основой настоящего времени. Особенно часты термины с суфф. *-īš* в трактате “Физика”. О продуктивности этой модели в ранненовоперсидском – в отличие от современных персидского и таджикского языков – свидетельствует образование слов с *-īš* не только от простых глаголов – в отличие от современных персидского и таджикского языков – свидетельствует образование слов с *-īš* не только от простых глаголов, но и от глагольных фразеологизмов (“сложно-именных глаголов”). Среди терминов Дāниш-нāма отметим:

а) от простых глаголов: *afzāyīš* ‘увеличение, прибавление’ (Физ.,64,79); *āfariniš* ‘созданное (богом)’ (Физ.,8); *āwōzīš* ‘обучение’ (Мет.,6); *āwēzīš* ‘смешение, соединение’ (Физ.,22 и др.); *ālāyīš* ‘осквернение’ (Лог.,10); *āgāmīš* ‘покой’ (Физ.,7, 14 и др.); *angārīš* ‘рассмотрение’ (Мет.,5, ср. ‘*ilm=i angārīš* ‘спекулятивное знание’); *bālīš* ‘развитие’ (Физ.,79); *burīniš* ‘разрез, (пере)сечение’ (Мет.,3,13,128 и др. – математический термин, ср. среднеперс. *brīnišn*); *rawāviš* ‘касание, соприкосновение’ (Физ.,41,46,47); *šumbīš* ‘движение’ (Мет.,3,4 и др.; Физ.,3,4,7 и др.; ср. выше о терминах *šumbīš=i girōd* ‘круговое/вращательное движение’, *šumbīš=i gāst* ‘прямолинейное движение’, а также *šumbīš=i baš'gāst* ‘произвольное движение’, Лог.,147); *dāniš* ‘знание’ (Мет.,29, ср. более частое в Дāниш-нāма ар. ‘*ilm* ‘знание, наука’); *gardīš* ‘изменение’ (Мет.,6,76 и др.); *girāyīš*

‘притяжение’ (Физ.,84); *gudāziš* ‘плавление’ (Физ.,77); *kuniš* ‘действие’ (Мет.,I,29 и др., Лог.,29), как грамматический термин – ‘глагол’ (Лог.,29, ср. там же *nām* ‘имя’, *harf* ‘частица’); *māliš* ‘трение’ (Физ.,26); *nigariš* ‘наблюдение, рассмотрение’ (Мет.,5,109, Физ.,140); *nikōhiš* ‘поричание’ (Лог.,133); *namāyiš* ‘объяснение’ (Мет.,8); *pālāyiš* ‘очищение, фильтрация’ (Физ.,9, 50 и др.); *parvariš* ‘вращивание’ (Физ.,78,79, Лог.,7); *tābiš* ‘отражение’ (Физ.,124 и др., ср. выше *nātābiš* ‘отсутствие отражения’); *tavāniš* ‘способность, возможность’ (Лог.,118, ср. *ba andāza-yi tavāniš* ‘в меру возможности’, Мет.,150); *zāyiš* ‘(по)рождение’ (Мет.,149 и др., Физ.,80);

б) от глагольных фразеологизмов:

bahraraziš ‘способность к делению, делимость’ (Мет.,79 и др.); *kārkuniš* ‘совершение работы’ (Мет.,94). Согласно Му‘ину, оба термина впервые встречаются в *Дāниш-нāма*. 108

Другие суффиксальные модели представлены небольшим числом терминов:

3. Существительные с суффиксом =*gar*, обозначающие лицо или предмет по отношению к объекту, продукту или сфере деятельности. Мотивированы существительными – персидскими и заимствованными из арабского, реже прилагательными:

durūdgār ‘строитель’ (Мет.,54,55,69, ср. обычные значения этого слова – ‘плотник, столяр’); *gilgār* ‘возводящий пахсовые стены’ (или ‘делающий сырцовые кирпичи’? Мет.,70); *xānagār* ‘строитель дома’ (Мет.,69, согласно Му‘ину, впервые встречается у Ибн Сини); ¹⁰⁹ *pisargār* ‘родитель’, букв. ‘творец сына’ (Мет.,70, также неологизм Ибн Сини); ¹¹⁰

jihātgar ‘имеющий направление’ (Мет.,135); *istinbātgar* ‘дедуктор’ (Физ.,143); *sūratgar* ‘творец формы’ (Физ.,138);

paydgār ‘обозначающий’ (Лог.,40: *lafz=i paydgār=i šandī-gā sūr x^vānand* ‘слово, обозначающее количество, называют (по=арабски) “*sūr*”).

4. Существительные с суффиксом =*gār*, алломорф =*kār*, обозначающие лицо по отношению к сфере деятельности и семантически мотивированные основами прошедшего времени или существительными: *āfarīdgār* ‘творец’ (Мет.,97); *ziyānkār* ‘приносящий вред’ (Мет.,102).

5. Существительные с суффиксом =*ā* (алломорф =*nā*), образованные от прилагательных и обозначающие отвлеченное качество: *rahnā* ‘ширина’ (Мет.,13,24 и др.); *dīrāzā* (Мет.,13,24,100,138), *dīrāznā* (Мет.,13,28) ‘длина’, ср. *dīrāzī* в том же значении; *sitabrā*

‘толщина, плотность’ (Метт, I3, 24, 28); *maḡākā* ‘глубина’ (Физ., 79).

Суффиксальные прилагательные представлены следующими моделями:

6. Наиболее многочисленны прилагательные с суффиксом =ī, алломорф =gī, обозначающие признак, который относится к предмету или явлению, названному мотивирующим существительным, наречием или словосочетанием:

а) от персидских существительных: *ābī* ‘водный’ (о птицах, животных – Физ., 84), ‘жидкий’ (Физ., 75); *juṭtī* ‘четный’ (Мет., 49); *māyagī* ‘материальный’ (Мет., I53: ‘материальная сила, сила материи’); *dīdāgī* ‘видимый, доступный для обозрения’ (Физ., 69), *nādīdāgī* ‘невидимый’ (Физ., 71); *juḡgāhī* ‘пространственный’ (Физ., 3);

б) от арабских заимствований: *ḥissī* ‘чувственный’ (Мет., I39); *iqṭirānī* ‘соединительный’ (Лог., 6I: ‘соединительный силлогизм’); *infī‘ālī* ‘пассивный’ (Физ., 58); *juz‘ī* ‘частный’ (Мет., 39). Ср. также *jīsmī* ‘телесный’ и многие другие арабские прилагательные с суф. =īyū, адаптированные по аналогии с персидскими прилагательными на =ī;

в) от наречий: *bəḡūnī* ‘несущественный, случайный’ (Мет., 26, 27);

г) от словосочетаний: *ānḡahānī* ‘потусторонний’ (Мет., 2), *inḡahānī* ‘земной’ (Мет., 2); ср. также *duzakhī* ‘двухударный’ (Рагшинāсй, 95 – о пульсе).

7. Прилагательные с суффиксом =īn, алломорф =gīn, обозначают признак, относящийся к предмету. Мотивированы существительными (в том числе со значением вещества), наречиями, а также прилагательными (в частности, имеющими значение сравнительной степени):

а) от существительных: *birinḡin* ‘медный, латунный’ (Физ., 50); *kanāragīn* ‘крайний’ (Мет., 22 и др.), *miyānagīn* ‘средний’ (Мет., I6 и др., Лог., II6: *ḥadd-i miyānagīn* ‘средний термин (силлогизма)’; Мет., 3: *ilm-i miyānagīn* ‘математика’ – терминологическое словосочетание, введенное в обиход Ибн Синой);^{III}

б) от наречий: *andarūnīn* ‘внутренний’ (Физ., 29: ‘внутренняя поверхность’, ср. также Физ., I5 и др.); *barīn* ‘высший’ (Мет., 3: *ilm-i barīn* ‘метафизика’); *bəḡūnīn* ‘внешний’ (Мет., 8: ‘внешняя форма’; Мет., II7: ‘внешняя причина’; ср. также Физ., 99 и др.); *pəḡīn* ‘предшествующий, первый, передний’ (Мет., 54, I30 и др.); ср. *ilm-i pəḡīn* ‘первая наука = метафизика’, Мет., 3, а

также 'ilm-i rešīniyān/rešīnagān 'наука древних', Лог., 2, 10, ср. Физ., 27, 87, от rešīna); pasīn, sipasīn 'последующий' (Мет., 126, 164 и др.); zērīn 'нижний' (Лог., 92, Физ., 1, Мет., 3: 'ilm-i zērīn 'физика'); zabarīn 'верхний' (Лог., 93);

в) от прилагательных kih, mih, сохраняющих значение сравнительной степени: kihīn 'меньший' (Лог., 63, 116: 'меньший термин (силлогизма)'); mihiīn 'большой' (Лог., 63, 116: 'большой термин (силлогизма)');¹¹² от других прилагательных: avvalīn 'первичный' (Лог., 146).

8. Прилагательные с суффиксом =gīn, мотивированные существительными и обозначающие негативные ("неприятные") свойства:

gaṅgīn 'озабоченный' (Физ., 112).¹¹³

9. Прилагательные с суффиксом =nāk, обозначающие обладание веществом или свойством вещества, которые названы мотивирующим существительным: ābnāk 'влажный' (Физ., 62: 'влажный воздух'); raūgannāk 'маслянистый' (Физ., 76).

10. Прилагательные с суффиксом =mand (алломорф =ōmand в архаичных образованиях), обозначающие обладание качеством и мотивированные существительными: sūdmand 'полезный' (Физ., 99), антоним ziyānmand 'пагубный' (Физ., 99); niyāzmand 'нуждающийся' (Мет., 5); tanōmand 'телесный' (Физ., 33).¹¹⁴

11. Прилагательные с суффиксом =vār, мотивированные существительными или прилагательными (в том числе местоименными) и имеющие значение обладания признаком или качеством:

umēdvār 'обнадеживающий' (Мет., 2); jīnsvār 'однородный' (Мет., 78);

buzurgvār 'высший' (Физ., 62; 'высшие живые существа'); hamvār 'равный' (Физ., 38),

12. Прилагательные с суффиксом =āna, мотивированные прилагательными: jāvēdāna 'вечный' (Физ., 129); с алломорфом =gāna, мотивированные количественными числительными¹¹⁵: yaḡāna 'единственный, единичный' (Мет., 115; Физ., 114) и, по аналогии, sigāna 'состоящий из трех' (Мет., 15), nuḡgāna 'состоящий из девяти' (Физ., 17).

13. Прилагательные с полуаффиксом =gūna (словоморфема именного происхождения), мотивированные существительными, прилагательными, числительными (в Дāниш-нāма представлены последние два разряда): sākingūna 'находящийся в покое' (Физ., 133); yakgūna 'тождественный' (Мет., 14), āḡargūna 'иной' (Мет., 71).

Префиксы

Префиксальные модели представлены преимущественно прилага-

тельными – собственно прилагательными, а также словами, совмещающими лексико-семантические и грамматические признаки прилагательных и наречий, прилагательных и существительных (прилагательные=наречия, прилагательные=существительные).

1. Прилагательные=наречия с префиксом *ba=* обозначают обладание качеством, названным мотивирующим существительным. Это наиболее распространенный в Даниш-нама разряд префиксальных прилагательных, он значительно превосходит по численности прилагательные с синонимичным префиксом *bā=*. Модель с *ba=* продолжает среднеперсидские прилагательные с предложным префиксом *pad=*, но широкое ее употребление у Ибн Сины связано, несомненно, с влиянием арабских предложно-именных сочетаний с *bi=*. Представлены прилагательные с *ba=*, образованные от собственно персидских существительных и от арабских масдаров:

banērō ‘сильный’ (Лог.,63: *banērōtar* ‘сильнее’, ср. среднеперс. *padnērōg* ‘сильный’); *badirang* ‘медленно’ (Физ.,39), антоним *bašitāb* ‘быстро’ (Физ.,39); *basitam* ‘принудительно’ (Мет.,155); *bax^vāst* ‘произвольный, произвольно’ (Физ.,7; Мет.,132,151 и др., калька с ар. *bi=l=irāda*, ср. *ĵumbiš=i bax^vāst* ‘произвольное движение’, Лог.,147; *ĵumbanda bax^vāst* ‘произвольно движущийся’, Мет.,132, ар. *mutaharrīk bi=l=irāda*);¹¹⁶

ba‘araḡ ‘акцидентный’ (Физ.,10, ар. *bi=l=‘araḡ*); *bafi‘l* ‘действующий, действительный’ (Физ.,109: ‘*aql=i bafi‘l* ‘интеллект в действии’, ар. ‘*aql bi=l=fi‘l*), в противоположность *baquvvat* ‘потенциальный’ (Мет.,31, Физ.,4); *banihāyat* ‘конечный’ (Мет.,34: ‘конечное число’); *bašarṭ* ‘условный’ (Физ.,16); *bašāhīr* ‘кажущийся’; *baqasr* ‘принудительный’ (Физ.,20: *ĵumbiš=i baqasr* ‘движение по принуждению’, ср. там же *ĵumbiš=i qasrī*, из ар. *qasrīyyu*); *batab* ‘естественный’ (Физ.,20: *āgāmiš=i batab*, наряду с *āgāmiš=i tabī‘i*, там же, из ар. *ṭabī‘īyyu*).

2. Прилагательные с префиксом *bā=*, мотивированные существительными: *bādum* ‘хвостатый’ (Физ.,72: *sitāra=yī gird=i bādum* ‘комета’); *bānihāyat* ‘конечный’ (Мет.,150, наряду с *banihāyat*, Мет.,34).

3. Прилагательные=наречия с префиксом *bar=*, мотивированные существительными или прилагательными и обозначающие наличие признака: *barriḡām* ‘упорядоченный’ (Мет.,2); *baruaksān* ‘одинаковый, равномерный’ (Мет.,14, Физ.,6).

4. Прилагательные=существительные с префиксом *ham=*, мотивированные существительными и обозначающие совместность, взаимную связь: *hamgāh* ‘спутник’ (Физ.,28); *hamxāna* ‘член семьи’ (Мет.,3).

5. Прилагательные и (редко) существительные с префиксом **bē=**, обозначающие отсутствие или противоположность признака; мотивированы существительными – простыми, производными и сложными:

bēkanāra ‘бесконечный’ (Мет., I44 и др.); bēx^vāst ‘непроизвольный’ (Физ., 6, антоним к *ba^vx^vāst*); bēnihāyat ‘бесконечный’ (Мет., 59; ‘бесконечное число’, ср. *banihāyat*); bēšart ‘безусловный’ (Лог., I2I, ср. *bašart*); bēqaqd ‘невольный’ (Физ., I34); bēvāsita ‘непосредственный’ (Мет., 95); bējiamiyat ‘бестелесность’ (Лог., I53); bēburīnis ‘непрерывный’ (Мет., I50); bēgustagī ‘беспрерывно’ (Мет., I38); bēgumānyabi ‘не вызывающий сомнений’ (Мет., 95).

6. Прилагательные с синонимичным префиксом **nā=**, мотивированные персидскими прилагательными и (редко) существительными, арабскими причастиями, прилагательными и масдарами:

nāgāt ‘непрямолинейный’ (Физ., I3 – о движении), ‘неверный’ (Лог., I29); nāraydā ‘незаметный’ (Физ., 42); nāšard ‘нехолодный’ (Мет., 48); nāgarm ‘нетеплый’ (Физ., 39); nāraūšan ‘несветлый’ (Физ., 69); nāšazgār ‘несогласующийся’ (Лог., 49); nāšazvār ‘несоответствующий’ (Мет., I02); nāandarx^var ‘неподобающий’ (Мет., I02);

nāšumār ‘небытие числительным’ (Лог., I5); nāšiz ‘никакой, ничто’ (Физ., I9); nāqismatrazīr ‘неделимый’ (Мет., I28);

nāhaqīqī ‘недействительный’ (Лог., 82); nātabī‘ī ‘неестественный’ (Физ., 25, ср. *tabī‘ī*, *batāb‘*); nāmaḥūs ‘неопущаемый’ (Физ., 96); nāmuqasim ‘неделимый’ (Мет., 24, I28); nāmutaḥazzī ‘неразложимый, неделимый’ (Мет., I6; ‘неделимые частицы’); nāyaqīn ‘неуверенный’ (Лог., I00);

nājīam ‘нетелесный’ (Мет., I55, Физ., II5).

(0 сложениях **nā=** с причастиями и инфинитивами см. ниже).

П. С л о в о с л о ж е н и е.

Копулятивы в Дāниш=нāма очень немногочисленны, все они представляют модель с интерфиксом =ā=: *baḡābar* ‘равный, тождественный’ (Мет., I9 и др.); *gōyārbū* ‘находящийся напротив’ (Мет., I8); *kaḥābēš* ‘изредка’ (Мет., I06).

Среди детерминативных сложных слов отмечены следующие модели:

I. Сложения существительного с основой настоящего времени. Это самый многочисленный в Дāниш=нāма тип сложных прилагательных и существительных. Основы глаголов, выступающих в таких сложениях наиболее часто, приближаются к словоформам суффик-

сального типа: II7

а) особенно частотны сложения с =razīr со значением 'воспринимающий...', способный к ...', эквивалентные арабским терминологическим словосочетаниям с qābil: burīnišrazīr 'способный к сечению' (Мет., I52); garīrazīr 'воспринимающий тепло' (Физ., 46); ĵumbišrazīr 'способный к движению' (Мет., I20, I25 и др., соответствует ар. al=qābil li=l-haraka) – термин, впервые отмеченный у Ибн Сины; II8 parvarīšrazīr 'воспринимающий пищу, способный принимать пищу' (Физ., 78); bahrazīr 'способный к делению, делимый' (Физ., 4, 2I; Мет., II5, I26 и др.), в этом же значении также qismatrazīr (Мет., II5, I26 и др.); raуvandrazīr 'способный к соединению' (Мет., I58, также один из неологизмов Ибн Сины); II9 tarkībrazīr 'способный к соединению' (Мет., I25: 'тело, способное к превращению в сложное').

Термины с =razīr, составляющие одну из наиболее характерных особенностей языка Ибн Сины, прочно вошли в научный обиход; так, у Насир=и Хусрау встречаем: kāgrazīr 'воспринимающий действие, объект'; amgrazīr 'воспринимающий приказ'; šūratrazīr 'принимающий форму'; 'ilmrazīr, dānišrazīr 'воспринимающий знание'; nūrazīr 'воспринимающий свет'. I20

б) Сложения с =dih: bālišdih 'способствующий росту' (Физ., 79, ар. munīma); zāyišdih 'способствующий размножению, порождающий' (Физ., 79, ар. muvallida); gazādih 'питательный' (Физ., 78, ар. gāziya); tuхmādh 'производящий семя' (Физ., 79); hastīdh 'способствующий существованию' (Мет., 86, неологизм Ибн Сины). I2I

в) Сложения с =dār: raуvanddār 'связанный, зависимый' (Физ., 3, 84; Мет., 74, 76, неологизм Ибн Сины); I22 ĵumbišdār 'двигающийся' (Мет., 4); būydār 'содержащий запах' (Физ., 84); damdār 'близкий по значению' (Лог., 49); tā'atdār 'подчиняющийся' (Физ., I39).

г) Сложения с другими основами наст. вр.: =gīr – ĵāygīr 'замечающий' (Физ., I7); ĵihatgīr 'ограничивающий, объемлющий' (Физ., 33); =kun – dūdkun 'дымный' (Физ., 62); уārikun 'помогающий' (Физ., I25); =x'ār – gāzāx'ār 'потребляющий пищу' (Физ., 8); murdāx'ār 'питающийся падалью' (Физ., 85); =šinas – ĵuzvišīnā 'познающий особенное, частное' (Мет., I55, неологизм Ибн Сины); I23 =x'āh – ĵihatx'āh 'объемлемый' (Физ., 33); =kaš – ābkaš 'хранящее, сосуд для воды' (Физ., 23); =āmāz – ābāmāz 'смешанный с водой' (Физ., 60); =dāzd – ābdāzd 'насос' (Физ., 23); =bardār – fargāmbardār 'покорный, послушный' (Мет., IIO, I46).

2. Сложения наречия с существительным, образующие прилагательные: *dəgʃumb* 'медленно движущийся' (Мет., I29); *zūdʃumb* 'быстро движущийся' (Мет., I29); *təzbōu* 'остро воспринимающий запах' (Физ., 85, 86).

3. Сложения прилагательного или наречия с существительным, образующие прилагательные и существительные: *nəkbaxt* 'счастливый' (Мет., 2); *rahnplāxun* 'с широкими ногтями' (Лог., 26); *zaʼifʃaʃm* 'со слабым зрением' (Физ., 88); *durustkār* 'правильный' (Лог., 90 - о силлогизме); *xurdnafas* 'малодушный' (Мет., I03); *kamdāniš* 'малосведущий' (Физ., 58); *furōdhimmat* 'подлый, низкий' (Мет., I03); *kammalā* 'разреженный' (Физ., 21: *kammalātar*); *xʼāgmāya* 'ничтожный' (по величине, Лог., I58); *baršō* 'верх' (Мет., 27 и др., Физ., 65 и др.); *furōšō* 'низ' (Мет., 27 и др., Физ., 30, II3); *zabaršō* 'верхний, расположенный наверху' (Мет., 5I, I22); *garngāh* 'место нагревания' (Физ., 65).

4. Сложения существительного с существительным: *ātaʃrāga* 'искра' (Физ., 36); *abrāga* 'облако' (Физ., 69); *rauḡanʃab* 'глазурь' (Физ., 74); *ʃāyḡāh* 'место' (Лог., I28); *niyāḡāh* 'среднее положение' (Физ., 49); *nimaḡāh* 'середина' (Мет., I9).

5. Сложение инфинитива с существительным: *burīdangāh* 'место (пере)сечения' (Лог., 85).

6. Сложения числительного с существительным: *zišō* 'треугольник' (Мет., 7, Лог., 85); *ʃahāḡšō* 'квадрат' (Физ., 35, 95); *yaksān* 'однородный' (Мет., I4, I9 и др.); *dušān* 'двойкий, двойного рода' (Мет., I23: 'двойкая пустота').

7. Сложение существительного с прилагательным: *suxankōtāh* 'краткий' (Лог., 92: *suxankōtāntar* 'более краткий').

8. Сложение существительного с причастием настоящего времени: *suxangōyā* 'говорящий, наделенный речью' (Лог., I7).

"С л о ж н о = и м е н н ы е г л а г о л ы" (СГ)

Наряду с простыми (в том числе префиксальными и производными - фактивными)^{I24} глаголами в Дāниш-нйама для обозначения действий, состояний, процессов широко употребляются "сложноименные глаголы" - устойчивые, преимущественно двучленные сочетания, состоящие из именного и глагольного компонентов, неоднородные с точки зрения семантической слитности компонентов и характера их лексико-грамматических взаимоотношений.^{I25}

В качестве компонирующих глаголов СГ в Дāниш-нйама отмечены: *āmadan*, *āvardan*, *afkandan*, *bastan*, *burdan*, *dādan*, *dāštan*, *bar dāštan*, *giriftan*, *īstādan*, *ʃustan*, *kardan*, *kašīdan*, *namūdan*, *paʒiruftan*, *šudan*, *uftādan*, *xʼardan*, *yāftan*, *zadan*. Из них

наиболее употребительны *kardan* 'делать', *āmadan*, *šudan* 'становиться', *razīruftan* 'принимать'.

В качестве именного компонента СТ выступают:

а) Персидские существительные и прилагательные: *parhēz kardan* 'остерегаться, избегать' (Лог., 43, 134); *yād kardan* 'упоминать' (Лог., 7); *yārī kardan* 'помогать' (Лог., 126); *zōr kardan* 'применять силу' (Физ., 56); *biryān kardan* 'нагревать' (Физ., 77); *durust kardan* 'устанавливать' (Лог., 136); *padīd kardan* 'определять' (Лог., II, 29 и др.); *padīd āmadan* 'выясняться, обнаруживаться' (Мет., 14, 25 и др.); *šigift āmadan* 'казаться удивительным' (? 'удивляться' Лог., 17); *x^uāš āmadan* 'нравиться' (Мет., 107); *gird āmadan* 'соединяться, сочетаться' (Мет., 18, 25; Лог., 64); *gird āvardan* 'соединять' (Мет., 46, Лог., 2, 62); *rāga rāga šudan* 'делиться на части' (Мет., 46); *rāst šudan* 'быть полным, совершенным' (Мет., 80); *rāst īstādan* 'быть перпендикулярным' (Мет., 129); *rayvand razīruftan* 'сочетаться, соединяться' (Мет., 151 и др.); *rayvand dāstan* 'иметь связь' (Мет., 147); *gardīš razīruftan* 'быть подверженным изменению' (Мет., 76), синоним *tağayur razīruftan* (Мет., 76); *gudāziš razīruftan* 'плавиться' (Физ., 75); *gumān burdan* 'полагать' (Лог., 4); *gumān uftādan* 'сомневаться' (Физ., 15); *bōy burdan* 'чуть запах' (о животных, Физ., 85); *dirāz kašīdan* 'распространяться' (о речи, Мет., 22).

Именной компонент, состоящий из сочетания предлога *ba* с персидским существительным, местоимением: *ba rāy kardan* 'устанавливать' (Мет., 20); *ba zāyīš āmadan* 'рождаться' (Мет., 149, 165); *ba hastī āmadan* 'возникать' (Мет., 157); *ba kār dāstan* 'пользоваться' (Лог., 124); *ba jāy āvardan* 'осуществлять' (Лог., 6); *ba x^uad/x^uēštan īstādan* 'существовать независимо' (Мет., 34, 105 и др.; Физ., 17); *ba x^uad/x^uēštan kašīdan* 'притягивать' (Физ., 12).

б) Заимствования из арабского (масдары, причастия): *ašl kardan* 'класть в основу' (Лог., 144); *fahm kardan* 'понимать' (Лог., 5); *mafhūm kardan* 'разъяснять' (Мет., 8); *jahd kardan* 'стараться' (Мет., 8); *fi'l kardan* 'действовать' (Физ., 46); *garra kardan* 'создавать иллюзию' (Мет., 49); *hadd kardan* 'определять' (Мет., 4); *istignā kardan* 'исключать' (Лог., 81); *i'tiqād kardan* 'убеждать' (Лог., 129); *nafi kardan* 'отрицать' (Лог., 52); *arza kardan* 'предлагать' (Мет., 103); *sūrat kardan* 'изображать' (Мет., 18); *sūrat yāftan* 'обретать форму' (Мет., 2); *šakk kardan* 'сомневаться' (Лог., 115); *ta'ammul kardan* 'размышлять' (Лог., 115);

tafaiil kardan 'расчленять' (Лог.,157,159); tarkib kardan 'слагать, строить' (о геометрической фигуре, Мет.,16,20); ta'avvur kardan 'представлять' (Лог.,5,6); taamif kardan 'сочинять' (Лог.,2); tavahhum kardan 'представлять' (Мет.,15), в этом же значении vahm kardan (Мет.,22 и др.); kils 'удан' 'окисляться' (Физ.,75); ma'lum 'удан' 'становиться известным' (Мет.,83); ma'g'il 'удан' 'заниматься' (Лог.,4); muqasim 'удан' 'делиться' (Мет.,144); muta'ayyur 'удан' 'изменяться' (Мет.,136), в том же значении ta'ayyur raz'iruftan (Мет.,76, ср. также gardi's raz'iruftan); qismat raz'iruftan 'делиться' (Мет.,34,115,128); tarkib raz'iruftan 'складываться, соединяться' (Мет.,126 и др.); yaqin afkandan 'порождать уверенность' (Лог.,115); gala't afkandan 'порождать ошибку' (Лог.,54); gala't uftadan 'впадать в ошибку, ошибаться' (Лог.,158), ср. также в этом значении ха'ф'а uftadan (Лог.,26); iman da'dan 'предостерегать' (Лог.,156); badal zadan 'замещать' (Мет.,123); ср. также та'ат ва фарман burdan 'повиноваться' (Лог.,4), с сочетанием персидского и арабского синонимов в именном компоненте.

Сочетания предлогов ba, andar с арабским масдаром: ba ha'sil amadan (Физ.,5,6,7 и др.), ba ha'sil 'удан' (Мет.,112) 'получаться, появляться (в результате чего-либо)'; andar vahm burdan (Физ.,15), andar vahm giriftan (Мет.,4) 'воображать'.

Термины=причастия

Широкое употребление причастий в качестве терминов с субстантивным и адъективным значением следует отнести к числу характерных особенностей персидского научного стиля Ибн Сины:

I. Наиболее многочисленны причастия настоящего времени с суффиксом =anda; при терминологическом их употреблении могут сохраняться грамматические глагольные значения залога и времени.

а) От простых и фактивных глаголов: amozanda 'изучающий' (множ.число amozandagan Лог.,130); amezanda 'способный к сочетанию' (Мет.,161); ande'sanda 'способный мыслить' (Физ.,99: quvvat-i ande'sanda 'способность мышления', эквивалент ар. quvvat mufakkira); afkananda 'разрушитель' (Мет.,56); binanda 'видимый, зримый' (Физ.,88 и др.); barranda 'пересекающий' (Мет.,12); jumbanda 'движущийся' (Лог.,163; Мет.,127 и др.; Физ.,13); jumbananda 'движущий, приводящий в движение; двигатель' (Лог.,163; Мет.,97,125 и др.; Физ.,81: quvvat-i jumbananda 'побудительная сила (движения)'¹²⁶); dananda 'познающий' (Лог.,160; Мет.,88); da'aranda 'обладатель' (Мет.,69, ар. 'illat mab'quya);

faḡāyanda 'повелевавший, повелитель' (Мет., 146; Физ., 81);
gīrāyanda 'притягивающий, обладающий тяготением' (Мет., 129 и др., Физ., 60);¹²⁷ *kuḡanda* 'агент, субъект действия' (Мет., 69, 71 и др., ар. *fā'īl*); *mānanda* 'подобный, схожий' (Мет., 43, 131);
niḡaranda 'рассматривающий' (Физ., 47);¹²⁸ *siḡahanda* 'сопротивляющийся' (Мет., 129).

С префиксом отрицания *nā-*: *nāḡardanda* 'не изменяющийся' (Мет., 100); *nāḡīrāyanda* 'не имеющий тяготения' (Мет., 129); *nāmānanda* 'не похожий, не имеющий аналога' (Физ., 79; Мет., 121: *nāmānandatar* 'более непохожий'); *nāḡarranda* 'не летающий' (Мет., 41); *nāḡavanda* 'не ходящий' (Мет., 41, 117); *nāsiḡahanda* 'не сопротивляющийся' (Мет., 130).

б) От префиксальных глаголов: *andāḡyābanda* 'постигающий, воспринимающий' (Мет., 102, 108, так же у Насир-и Хусрау);¹²⁹ *bāsdāḡanda* 'препятствующий; препятствие, преграда' (Лог., 18, Мет., 95, Физ., 56, 125 и др.); *baḡandāzanda* 'толкающий вверх' (Физ., 54).¹³⁰

в) От "сложно-именных глаголов": *tarkībrazīḡanda* 'способный к соединению' (Мет., 125 - неологизм Ибн Сины);¹³¹ *taḡayyurazīḡanda* 'способный к изменению' (Мет., 94 и др.); *ḡaḡāḡavanda* 'акцептирующий добро' (Мет., 141); *ḡaḡāḡavanda* 'нагревающийся' (Физ., 37); *taḡāḡkunanda* 'завершающий' (Мет., 56); *kāḡkunanda* 'действующий' (Мет., 56, Лог., 164); *nēkōyīkunanda* 'творящий добро' (Мет., 141); *reḡāyanda* 'предстоящее, будущее' (Мет., 131); *kaḡar-nādāḡanda* 'неосведомленный' (Мет., 132); *baḡāḡavāḡanda* 'причина деятельности' (Мет., 97, ар. *'illat fā'iliyyat*).

2. Причастия настоящего времени с суффиксом *-ā*: *raḡīḡa* 'акцептирующий, акцепти́т; способный к...' (Мет., 7, 9, 10, 15 и др.; Физ., 14, 17, 37 и др. - очень частый термин, соответствует ар. *qābil*),¹³² ср. также *nāraḡīḡa* 'не принимающий' (Физ., 27); *kuḡā* 'действующий' (Мет., 73: 'действующая причина'); *tavāna* 'сильный, активный' (Мет., 97, 99 и др.; Физ., 109); *ḡōyā* 'способный к росту' (Физ., 78); *ḡīnavā* 'слуховой' (Физ., 86: 'слуховой нерв'); *ḡōyā* 'говорящий' (Лог., 8).

3. Причастия настоящего времени с суффиксом *-ān*: *ḡīḡyān* 'плачущий' (Лог., 26); *kaḡdān* 'сменяющийся' (Лог., 18, 26); *sōzān* 'обжигающий, зажигающий' (Физ., 63, ср. также *āyīna-yī sōzān* 'зажигательное зеркало', Физ., 26); *x'āhān* 'желающий' (Мет., 98, 99 и др.), *nāx'āhān* 'нежелающий' (Мет., 99 и др.).

4. Причастия промежутого времени с суффиксом *-a*: *kaḡda* 'объект' (Мет., 69, так же у Газали,¹³³ эквивалент ар. *maf'ūl*); *raḡīḡufta*

‘ объект действия’ (Мет.,10); āramīda ‘ неподвижный, в состоянии покоя’ (Физ.,7 и др., форма с =a= также у Насир-и Хусрау)¹³⁴; ašufta ‘ запутанный’ (Лог.,157); dānista ‘ познание’ (Лог.,160 и др.), ср. nādānista ‘ непознание’ (Лог.,6,8,59); dīda ‘ увиденное’ (Физ.,133); fasurda ‘ застывший’ (Физ.,74); gusista ‘ дискретный’ (Мет.,31), антоним rauvasta ‘ непрерывный, недискретный’ (Мет.,31; ср. также ĵumbīš=i rauvasta ‘ постоянное движение’, Мет.,139), ср. nārauvasa ‘ не соединенный’ (Физ.,28); andaryāfta ‘ постигнутое, познание’ (Мет.,108; Физ.,136).¹³⁵

5. Причастия с суффиксом =ānī, образованные от переходных (причастия с пассивным значением) и непереходных глаголов и способные к субстантивации¹³⁶: bōyīdanī ‘ обоняемый’ (Физ.,29, эквивалент ар. māšūm); šāyīdanī ‘ воспринимаемый на вкус’ (Физ.,29, ар. mazūq); dīdanī ‘ видимый’ (Физ.,29,73,100 и др., ар. mar’ī); rasūdanī ‘ осязаемый’ (Физ.,29; kayfiyyathā=yī rasūdanī ‘ осязаемые качества’; ар. malshūs); šunīdanī ‘ слышимый’ (Физ.,73, ар. māshū‘); x’ardani ‘ съедобный’ (Мет.,103, ар. mā’akūl); dānistani ‘ знание’ (Физ.,107); kardani ‘ действие’ (Физ.,107); girāyistani ‘ тяготение’ (Мет.,131); nādīdanī ‘ то, что нельзя увидеть’ (Мет.,100); ba kār āmadani ‘ могущее быть использованным’ (Лог.,43).¹³⁷

Термины=инфинитивы

Употребление инфинитивов для терминологического обозначения действий, состояний, процессов выступает в Даниш=норма как одно из важнейших средств создания концептуальных терминов. Термины=инфинитивы представлены для всех классов глаголов:

а) От беспрефиксальных простых и фактивных: amāsīdan ‘ брожение’ (сока, Физ.,55); būdan ‘ существование, существующее’ (Мет.,58 и др.), nābūdan ‘ несуществование’ (Мет.,62,159 – эквивалент ар. lā kun), ‘ несуществующее’ (Мет.,58); bur(r)īdan ‘ сечение’ (Мет.,23,30); gaštan ‘ переход’ (Физ.,49; ‘ взаимопереход стихий’); giravīdan ‘ апперцепция’ (Мет.,III, Лог.,5,59 и др., соответствует ар. tasdīq); girāyistan ‘ тяготение, притяжение’ (Мет.,126,129 и др.); gusistan ‘ разделение’ (Мет.,139); ĵumbānīdan ‘ приведение в движение’ (Мет.,144); vikunīdan ‘ страдание’ (Мет.,29); rasūdan ‘ прикосновение’ (Физ.,83); rauvastan ‘ соединение’ (Мет.,119); razāyīdan ‘ переваривание’ (пищи, Физ.,130), ‘ созревание’ (плода, Мет.,158); sitadan ‘ поглощение’ (Физ.,9); sitahīdan ‘ сопротивление’ (Мет.,128,129 и др., Физ.,

22); *šīnāxtan* 'познание' (Мет., 23, эквивалент ар. *ma'rifat*); *nāmurdan* 'бессмертие' (Лог., 6).

б) От префиксальных: *andar gasīdan* 'понятие, представление' (Лог., 5, 6, соответствует ар. *tašavvur*); *andar yāftan* 'постижение, осознание' (Мет., 105, 106, 108, 117, эквивалент ар. *idrāk*, ср. в этом же значении *andaryāft*); *bar nāmādan* 'отсутствие восхода' (Лог., 50); *bāz burdan* 'анализ' (Лог., 90, 157, ар. *taḥlīl*); *bāz namūdan* 'объяснение' (Мет., 8, ар. *šarḥ*); *furō šudan* 'закат' (Мет., 45, Лог., 113); *furō kašīdan* 'уменьшение' (Физ., 375), антоним *bar kašīdan* 'увеличение' (Физ., 75).

в) От СГ: *bahra razīruftan* 'способность к делению' (Физ., 115, 119); *jumblā razīruftan* 'способность к движению' (Мет., 126, один из неологизмов Ибн Сины); ¹³⁸ *rayvand razīruftan* 'способность к соединению' (Мет., 151); *sūrat razīruftan* 'принятие формы' (Мет., 70); *qismat razīruftan* 'способность к делению, делимость' (Мет., 84, 115 и др., ср. *bahra razīruftan*); *gird āvardan* 'сочетание, соединение' (Мет., 46 и др., эквивалент ар. *taḥkīb*), в том же значении *gird āmadan* (Мет., 18, 125, Лог., 64); *radīd āmadan* 'эманация' (Мет., 111 и др.); *raydā kardan* 'объяснение' (Мет., 32, 111 и др.); *tadāruk kardan* 'получение' (Физ., 80); *ma'lūm šudan* 'познание' (Мет., 83); *mānandaḡī jūstan* 'стремление к уподоблению' (Мет., 150); *mauḡ zadan* 'колебание воздуха' (Физ., 85); *hašt šudan* (Мет., 71), *hašt yāftan* (Мет., 160) 'возникновение'; *hašt būdan* 'бытие, существование' (Мет., 72, 157); *ba haštī āmadan* 'возникновение' (Мет., 157).

В качестве термина употребляется также *šāyad būdan* 'возможность' - сочетание модального глагола с инфинитивом (Мет., 68; Физ., 58: *quvvat-i šāyad būdan* 'сила возможности'), имеющее, как было отмечено, прототип в среднеперсидском *šāyēd būdan*.

В систему терминов глагольного происхождения вовлечены также основы прошедшего времени глаголов и СГ ("усеченный инфинитив", исторически соотносимый во многих случаях с именем действия или с причастиями прошедшего времени; с точки зрения синхронии - одна из конверсионных моделей транспозиции) ¹³⁹:

bāyist 'необходимость' (Физ., 81); *būd* 'действительность' (Мет., 116); *nihād* 'положение; природа (бытия)' (Мет., 29, 30, 51, Физ., 5, 7, 8 и др., Лог., 3 - обозначение одной из акциденций бытия, соответствует ар. *vaḡ'*); ¹⁴⁰ *šīnāxt* 'познание' (Физ., 1); *x'āst* 'воля' (Мет., 93 и др., Физ., 81, ар. *irāda*); *yāft* 'познание' (Мет., 146, 147); *andaryāft* 'постижение, осознание, восприятие' (Мет., 5, 102 и др., Физ., 81, 82 и др., ср.: *andaryāft-i*

nazarī ‘ спекулятивное постижение’, Физ., IOI; andaryāft=i ‘ амали ‘ практическое постижение’, Физ., IOI; andaryāft=i hissī ‘ чувственное восприятие’, Мет., IO2; andaryāft=i vahmī/‘ aqīl ‘ постижение разумом’, Мет., IO2); yāddašt ‘ память’ (Физ., 96: quvvat=i yāddašt ‘ сила памяти’, ар. hāfiẓa, zākira); nigāhdašt ‘ сохранение’ (Мет., 99). К этой подгруппе примыкают и терминологические сочетания с модальным глаголом: šāyad būd ‘ возможность’ (Мет., 8I, 89, II4, II5 и др., эквивалент ар. imkān), выступающее как вариант к šāyad būdan; nāšāyad būd ‘ невозможность’ (Лог., 44).

Введение языка фарси в научный обиход знаменовало важный этап в истории культуры народов Ирана и Средней Азии. Одним из первых провозвестников этого этапа был Ибн Сина. Создав Дāниш=нāма и разработав аппарат философских терминов, он не только приобщил обширную читательскую аудиторию к трудам восточных перипатетиков, но и заложил основы метафизического книжного стиля фарси. Он прозорливо определил тенденции развития лексики фарси и потому не стремился избегать арабских терминов, как это стало свойственно юристам новейшего времени. Вместе с тем Ибн Сина искусно использовал все средства словообразования фарси, равно как и терминологическую лексику, унаследованную от среднеперсидского языка.

Дāниш=нāма оказало значительное влияние на философские труды на фарси современников Ибн Сины и позднейших авторов. Терминологический аппарат Дāниш=нāма служил образцом для Насир=и Хусрау, Газали, Насир ад=дина Туси, Кашани, которые восприняли многие термины Ибн Сины и создали по их образцам ряд новых, в том числе композиты с =razīr, =razīranda, термины=причастия и термины=инфинитивы, а также отвлеченные имена типа ōyī ‘ оность’ (Зād ал=мусāfiẓīn),¹⁴¹ образованные по тому же принципу, что и ūzōyī ‘ инобытие’ в Дāниш=нāма. Детальный анализ судеб терминологического наследия Ибн Сины – тема самостоятельного исследования.

¹ I. Y. Mahdavi, Fihrist-i nusxahā-yi muṣannifāt-i Ibn-i Sinā. Tihirān, 1333/1954.

² A. A. Hekeat, Les œuvres persanes d'Avicenne, – "Ligue des États arabes. Millénaire d'Avicenne. Congrès de Bagdad", Caire, 1952, с. 84–97; G. Lazard, La langue de plus anciennes monuments de la prose persane. Paris, 1963, с. 65–66.

³ Ragʻinānāi yā Risāla dar nabz, tasnif-i Šayḫ-raʻīs Abū ʻAlī Sīnā. Bā muqaddima va havāšī va tašhīh-i Sayyid-Muḥammad-i Miškāt. Tih-rān, 1330/1951.

⁴ О составе ДАННИ=НАМЕ см.: Mahdavi, Fihrist..., с.101-113.

⁵ xādīmān=i majlis.

⁶ Ср. А.Н.Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка, - "Вопросы языкознания", 1955, № 5, с.83; Ибн Сина, ДАННИ=НАМЕ. Книга знания, пер. А.М.Богоутдинова под ред. М.=Н.Османова. Сталинабад, 1957, с.87.

⁷ Commentaire de la qasida ismaélienne d'Abū-l-Haitham Ḥorjānī attribué à Moḥammad ibn Sorḫ de Nishāpūr. Téhéran-Paris, 1955 (Bibliothèque Iranienne, 6); G.Lazard, La langue..., с.54-55.

⁸ В.А.Жуковский, К истории персидской литературы при Саманидах, - ЗВРАО, XII, 1899, с.04-07; M.Bayānī, Yak namūna-yi naḡr-i fārsī az daura-yi Rūdakī yā qadīmtarīn naḡr-i fārsī-yi maujūd, - "Majalla-yi Dāniškada-yi adahiyūāt-i Dāniḡgāh-i Tih-rān", sāl-i šāšum, N 3-4, 1338/1959, с.57-70.

Однако дошедший до нас персидский текст этого сочинения является вторичным переводом арабского оригинала, изготовленным в XIV в. в ханаке Мухаммада Парса, см.: Ч.Г.-А.Байбурди, Новые данные о переработке письменных памятников в ханаке ходжа Мухаммада Парса, - "VI Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии" (тезисы докладов). Тбилиси, 1970, с.154; ср. также критику А.Тахири на издание этого текста (А.Хабибӣ ("Nāhnāmā-yi kitāb", vol.XIV, N 4-6, с.374-388).

⁹ Ж.Лазар, Два медицинских трактата X века на фарси-дарзи, - "Рудаки и его эпоха". Сталинабад, 1958, с.85.

¹⁰ Ф.Роузентал, Торжество знания (концепция знания в средневековом исламе), русский пер. М., 1978, с.194.

¹¹ См.: S.M.Afnan, Philosophical terminology in Arabic and Persian. Leiden 1964, с.9-51; Ф.Роузентал, Торжество знания..., с.193-206; Б.Я.Ошерович, Опыт и традиции создания филологической арабоязычной терминологии. /В кн.:/ Аль-Фараби, Логические трактаты. Алма-Ата, 1975, с.603-620.

¹² Превосходная сводка: A.M.Goichon, Lexique de la langue philosophique d'Ibn Sīnā. Paris, 1938.

13 Так, Афнан (Philosophical terminology..., с.45) отмечает, что Ибн Сина, очень широко применявший обозначения абстрактных понятий, впервые ввел термины *zamāniyyat*, *makāniyyat*, *'adadiyyat*, *su'ūriyyat*, *unūsiyyat*, причем образовал их под влиянием персидских абстрактных существительных.

14 Один из немногих - персидский перевод *De Anima* Аристотеля, принадлежащий Афсад ад-Динну Камани (XII в.), см.: Afnan, *Philosophical terminology*, с.60, прим.4.

15 *Ilāhiyyāt-i Dāniš-nāma-yi 'Alāyi, taṣnīf-i Šayx-ra'is Abū 'Alī Sīnā. Bā muqaddima va ḥavāšī va taṣḥīḥ-i Muḥammad-i Mu'in. Tihṙān, 1331/1952* (в дальнейшем цитируется Met.), с. yu - kd.

16 *Ṭabī'iyyāt-i Dāniš-nāma-yi 'Alāyi, taṣnīf-i Šayx-ra'is Abū 'Alī Sīnā. Bā muqaddima va ḥavāšī va taṣḥīḥ-i Sayyid-Muḥammad-i Miškāt, Tihṙān, 1331/1952* (далее - Фмс.), с.7.

17 *Ma'ya-yi dāniš-i 'Alā'i ma'āhūr ba ḥikmat-i 'Alā'iya*. Hyderabad, 1309/1891-2.

18 *Dānišnāma-i 'Alā'i yā ḥikma-i Bū 'Alī, bā taṣḥīḥ va taṣḥīya-i... Akmad-i Xurāsāni, Tihṙān, 1315/1936.*

19 См. прим.15.

20 *Risāla-yi Mantīq-i Dāniš-nāma-yi 'Alāyi, taṣnīf-i Šayx-ra'is Abū 'Alī Sīnā. Bā muqaddima va ḥavāšī va taṣḥīḥ-i Muḥammad-i Mu'in va Sayyid-Muḥammad-i Miškāt. Tihṙān, 1331/1952* (далее - Лог.).

21 См. прим.16.

22 Ибн Сина, Даниш-намэ. Книга знания. Сталинабад, 1957.

23 Avicenna, *Le livre de science. Traduit par Muh.Achena et H.Massé, vol.1-2. Paris, 1955-1958; The Metaphysica of Avicenna (ibn Sīnā). A critical translation-commentary and analysis of the fundamental arguments in Avicenna's Metaphysica in the Dāniš Nāma-i 'alā'i (The Book of Scientific Knowledge) by P.Morewedge. London, 1973.*

24 К сожалению, некоторые из приведенных в глоссарии терминов изобретены самим переводчиком, как например, *'alim badūn-i bisyār*, *'alim-i nā-mutaghayyirī* - в тексте сочинения их нет.

25 Ibmī Sīnā. Ba kāmā-yi Qāsim-i Ganī. Tihrān, 1315/1936, с.94-100; M.Mu'īn, Luġāt-i fārsī-yi Ibmī Sīnā va ta'sīr-i anhā dar adabiyāt, - "Maǧallā-yi Dāniškada-yi adabiyāt-i Dānišgāh-i Tihrān", sāl-i dāvvim, N 2. Tihrān, 1333/1954, с.1-38; переиздано в словаре Джухда; H.Massé, Termes philosophiques de la langue persane employés par Avicenne, - "Ǧāmi'ānā-yi Ibmī Sīnā", IV. Tihrān, 1331/1952, с.35-41; S.M.Afšan, Philosophical Terminology in Arabic and Persian. Leiden, 1964, с.60-68.

26 Следует заметить, что вопрос о составлении персидской версии этого сочинения самим Беруни остается спорным, ср., например, Lazard, La langue..., с.59-61.

27 S.M.Afšan, A philosophical lexicon in Persian and Arabic. Beirut, 1968.

28 См.: M.-T.Bahār, Sabkšīnāsī yā tārix-i taṭavvur-i nazm-i fārsī, I-II. Tihrān, 1336-37/1947-48 и, особенно, G.Lazard, La langue... В латинской транскрипции цитат из Дāниш-нāма мы следуем в основном системе, принятой для памятников X-XII вв. Х.Лазаром (La langue..., с.3). Изменения, которые пришлось ввести с целью упрощения набора, следующие: буква са (у Лазара ʃ) обозначается как s ; буква zād (у Лазара ʃ) - (I) как z в арабских словах, а также в тех персидских словах, в которых раннесредневековая фонема / ʃ / превратилась позднее в / z / (например, raziġaftan 'принимать' вместо raḏiġaftan, совр.перс. rāziġaftān, тадж. пазируфтāн); (2) как d в персидских словах, которые имели в раннесредневековом языке фонему / ʃ /, позднее перешедшую в / d / (например, gavīdan 'достигать' вместо gavī-ḏan); буква dād (у Лазара z) как z ; буква zā (у Лазара z) как z ; буква gāin (у Лазара g) как g ; неустойчивый согласный, возникший при хлатусе, обозначается как y (например, последовательность -āyī, у Лазара -ā'ī).

29 В.Г.Ахмедовичи, Фонетический трактат Авшценны. Томский, 1966, с.014-015.

30 Lazard, La langue..., с.137-138.

31 Lazard, op. cit., с.204, 212-213.

32 Эта форма представлена также в Икдāват ал-мута'аллимīн Азарайин Бухари (X в.) и в Китāб ат-таǧǧīm Беруни, см. Mu'īn,

- 33 В том же значении *hamšand=1...* в *Kitāb at-tafrīḥ* (изд. J. Nuhūyī, Tihgān, 1317/1938), 18: аз *ḥagā hamšand=1 juzv bāšad šand bār* 'так как (кратное) является равным части, (взятой) несколько раз' (иначе Lazard, op. cit., с.241-242).
- 34 Lazard, op. cit., с.245-256.
- 35 О полном и "усеченном" инфинитивах в таких сочетаниях см. Lazard, op. cit., с.349-351.
- 36 Lazard, La langue..., с.338-339.
- 37 *xʷad* в функции модальной частицы, op. Lazard, op.cit., с.446-449.
- 38 Bahār, Sabkšānāsī..., I, с.341; Lazard, La langue..., с.409-412.
- 39 Bahār, Sabkšānāsī..., I, с.431; Lazard, La langue..., с.56, прим.6 и с.434; D.N. MacKenzie, The Vocabulary of the Lahore Tafsīr, - "Iran and Islam". Edinburgh, 1971, с.413.
- 40 См., например: Л.В.Успенская. Каратагский говор. Сталинабад, 1956, с.25; Ю.И.Богород, Рогские говоры, - "Труды Института языковедения АН СССР", VI, М., 1956, с.144.
- 41 Lazard, La langue..., с.382-384.
- 42 Lazard, op. cit., с.465; Bahār, Sabkšānāsī..., II, с.36, прим.2.
- 43 H. Massé, *Textes philosophiques...*, с.39. Массэ отмечает также (с.35), что стиль Давниш-нама более свободный и четкий, чем стиль арабоязычных сочинений Ибн Сины.
- 44 Об инверсии в языке раннесредневековой персидской прозы см.: Bahār, Sabkšānāsī, II, сс:136,295,309-311; Lazard, La langue..., с.464-472.
- 45 Lazard, La langue..., с.463-464.
- 46 См., в частности, приведенный Лазаром (с.463), со ссылкой на А. Керимову, пример из говора Бухары: *yak zadānē zad* 'он так ударил'.
- 47 Ср. Lazard, La langue..., с.65.
- 48 Приводимые ниже подсчеты основываются на выборках очень небольшого объема - по 35 строк печатного текста из каждого тра-

ктата (Лог., с.96-100; Мет., с.23-25; Физ., с.73-77). При подсчетах не учитывались персидские простые (первичные) предлоги и союз *va/u*.

Всего персидских словоупотреблений в выборках: Лог. - 205, Мет. - 200, Физ. - 267; соответственно, арабских словоупотреблений: Лог. - 78, Мет. - 90, Физ. - 47; разных персидских слов: Лог. - 67, Мет. - 61, Физ. - 107, разных арабских слов: 32-36-22; слов, употребленных по одному разу: персидских: 32-24-53, арабских: 14-18-14. Таким образом, отношение персидских словоупотреблений к общему числу словоупотреблений ($\frac{NP}{N}$, согласно буквенным обозначениям Лазара, см.: G.Lazard, *Les emprunts arabes dans la prose persane du I^e au XII^e siècle: aperçu statistique*, - "Revue de l'École nationale des langues orientales", vol.2. Paris, 1965, с.53-67) в %: 72-69-85, для арабской лексики соответственно ($\frac{NA}{N}$): 27,31,15. Доля персидских слов в выборке ($\frac{VP}{V}$) в %: 68-63-83, доля арабских слов ($\frac{VA}{V}$): 32-37-17; отношение слов, засвидетельствованных по одному разу, к словоупотреблениям - для персидской лексики ($\frac{V^1P}{N^1P}$) в %: 16-12-20, для арабской ($\frac{V^1A}{N^1A}$) в %: 18-20-30, тогда как $\frac{VP}{NP}$: 33-30-40, а $\frac{VA}{NA}$: 41-40-47.

49 Ф.Роузентал, *Торжество знания...*, с.195.

50 См. S.M.Afnan, *A philosophical lexicon...*, passim.

51 Afnan, *op. cit.*, с.57-58.

52 См. об употреблении этих терминов в Даниш-наме у Morewedge, *The Metaphysica of Avicenna*, с.313.

53 См.: A.-H.Geichon, *La distinction de l'essence et de l'existence d'après Ibn Sīnā*. Paris, 1937; P.Morewedge, *The Metaphysica...*, с.206-249, 324.

54 К числу таких слов можно отнести *bugma* 'котел' (Физ., 38), связанное, возможно, по происхождению с арабским корнем *bugam*, ср. в современном арабском *bugam* (мн.ч. *bugam, bigām*) 'кастрюля, горшок для варки пищи'.

55 *Ma'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10.

56 О лингвистическом круговоре практикующего врача в Бухаре во второй половине I в. можно судить по старейшему из дошедших до нас персидских медицинских трактатов - *Kitāb al-ḥiḍāyat al-muta'adhiyya* Ахавайни Бухари (ум. около 980 г.). Этот автор, приводя медицинские и другие термины, отмечает нередко их принад-

лежность к "перси Бухары", "языку рустаков Бухары", к "сутдї" (имеются в виду, очевидно, диалекты Самаркандского Согда) и к тюркским языкам. См.: И.Лазар, Два медицинских трактата..., с.87-88; издание текста: Мешкед, 1965.

57 Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, IV: Фармакогнозия в медицине. Исследование, перевод, примечания и указатели У.И.Каримова. Ташкент, 1974, с.42-50. См. также W.B.Henning, *Mitteliranisch*, - "Handbuch der Orientalistik", 1. Abt. 4. Bd.: *Iranistik*, 1. Abschnitt: *Linguistik*. Leiden-Köln, 1958, с.85.

58 В.Г.Ахмеджани, Фонетический трактат..., с.014, 028 (отметим, что звук "sīn zāi= образный", произношение которого описывает Ибн Сина, соответствует хорезмийской фонеме /с/ и аллофону /dz/; иначе у Ахмеджани, с.71).

59 *Alfarabi's Book of Letters (Kitāb al-Hurūf)*. Arabic text ed. by M.Mahdí. Beirut, 1969, с.111: 1,2,11; A.Tafazzoli, Three Sogdian words in the *Kitāb al-Hurūf*, - "Bulletin of the Iranian Culture Foundation", vol.I, pt.2. Tehrān, 1973, с.7-8.

60 Lazard, *La langue...*, с.65, прим.15.

61 Там же, с.62, прим.18.

62 W.B.Henning, A list of Middle Persian and Parthian words, - BSOAS, IX, pt.1, 1939, с.88.

63 Lazard, *La langue...*, с.85, прим.54; II2, прим.25; I59-I60; ср. также P.Horn, *Grundriss der Neupersischen Etymologie*. Strassburg, 1893, с.123; H.Hübschmann, *Persische Studien*. Strassburg, 1895, с.61.

64 D.N.MacKenzie, *A concise Pahlavi dictionary*. London, 1971, с.27.

65 Lazard, *op. cit.*, с.160, также P.Horn, *Neupersische Schriftsprache*, - "Grundriss der Iranischen Philologie", Bd.I, Abt. 2. Strassburg, 1898-1901, с.79.

66 O fš из xš в согдийском см.: I. Gershevitch, *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954, с.48.

67 Гмлен предлагал считать парф.-маник. *drfš*= декомпозитивным глаголом от *drfš* 'знамя, стяг' (A.Ghilain, *Essai sur la langue parthe*, Louvain, 1939, с.91), но такое объяснение представляется столь же сомнительным, как и предлагавшееся П.Хорном возведение перс. *diraxš*=, *diraxš*=, *diruxš*= к др.-ир.

*ati-ruxā= (Grundriss der Neupersischen Etymologie, с.123; ср. критику этой этимологии у Hübschmann, Persische Studien, с.61). О др.-пр. *drap/f= 'торопиться, бежать, летать' см.: R.Emmerick, Some Khotanese past participles, - BSOAS, XIX, pt.3, 1966, с.613-615. Ср.=перс. drafā= может указывать на семантическое развитие 'дрожать, колыхаться' > 'блестеть, сиять'.

68 Horn, Grundriss der Neupersischen Etymologie, с.147; Neupersische Schriftsprache, сс.18,53, 77 и др.; Hübschmann, Persische Studien, с.70.

69 Ср. сходные заимствования в перс. fargōl 'отсрочка, промедление'; isragōl 'семя блошника' (Plantago israghola), букв. 'конское ухо'; парф.=манх. izgōl= 'слушать', см.: G.Morgenstierne, Persian etymologies, - "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab", V, 1932, с.54; W.B.Henning, Sogdian loan-words in New Persian, - BSOS, I, pt. I, 1939, с.100, прим. I; его же, Mitelliranisch, с.93.

70 Ср. laxt=laxt в мешхедской рукописи перевода Тафсири Табарī, см.: Lazard, La langue..., с.44, прим. I7; о laxt, laxta, laxtak, laxtē в средневековом персидском см.: Borhān-e Qāte', ed. Moḥ. Mo'in, vol. III. Tehéran, 1963, с.1892, прим. 5; M.A. Adīb Tūsī, Farhang-i Luḡāt-i adabī, III. Tabriz, 1350/1971, с.893-894. Laxt, laxta бытует в персидском просторечии Афганистана до сих пор, см.: 'Abdallāh-i Afḡānī-navīs, Luḡāt-i 'amiyāna-yi fārsī-yi Afḡānistān. Kābul, 1337/1958, с.513.

71 Lazard, La langue..., с.65, прим. I6.

72 Dehḡudā, Luḡāt-nāma (irṭiyār - aẓḡahā). Tihṛān, 1328/1949, с.1511.

73 I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, с.120, 248.

74 Ср. dušmanāyagī в Кнѳаб ат-тафхīm, см.: Lazard, La langue..., с.62, прим. I9.

75 Mo'in, Luḡāt-i fārsī..., с.10.

76 В словаре Деххуда (Luḡāt-nāma, Tehṛān, 1973, N 157, fasc.3, с.277) для глагола kunīdan приведен пример только из Дānīsh-nāma, при этом данная статья перенесена из словаря М.Му'ина (A Persian Dictionary, vol. I-V, Tihṛān, 1963-1968).

77 Согласно Денгарду, зороастрийскому комментарию IX в.,

базирующемуся на многих не дошедших до нас среднеперсидских источниках, еще при Шапуре I (241-272) в Авесту были включены, помимо собственно религиозных текстов, переводы "рассеянных в Индии, Византии и других странах" сочинений по медицине и астрологии, а также о "движении (čandīšn), времени (zamān) и эсте (gyāg), о субстанции (gōhr), творении (dahīšn), бытии (bawīšn) и уничтожении (wināhišn), об изменении качества (jadag-wihīrišn) и количественном росте (gawāgīh)". См.: The complete text of the Pahlavi Dinkard, ed. by D.M. Madan, Bombay, 1911 (далее цитируется ДКМ), с.412; H.W. Bailey, Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxford, 1943, с.81; R.C. Zaehner, Zurvan: a Zoroastrian dilemma. Oxford, 1955, с.8, 32-33. Ранняя дата (III в.), приводимая в этом сообщении, внушает сомнения (среднеперсидские переводы с древнегреческого, чаще всего через сирийское посредство, выполнялись главным образом с VI в.), однако перечень тем сочинений указывает на знакомство с трудами Аристотеля (см.: Zaehner, op.cit., с.33). О среднеперсидских переводах трудов греческих философов см.: H.W. Bailey, op.cit., с.80-87, 98, 105; R. Zaehner, op. cit., индекс, s.v. Aristotle; M. Boyce, Middle Persian literature, - "Handbuch der Orientalistik", 1. Abt., 4. Bd., 2. Abschnitt, Lief. 1. Leiden-Köln, 1968, с.36.

⁷⁸ H.S. Nyberg, A Manual of Pahlavi, pt II: Glossary. Wiesbaden, 1974, с.129.

⁷⁹ См., например, Ю.Н. Зевадовский, Абу Али ибн Сина (опыт критической биографии). Ташкент, 1958, с.4. Афнан приводит среднеперсидский термин bawīšn 'бытие, становление', который он обнаружил в персидском Рисāла-и нафс (S.M. Afnan, Philosophical terminology..., с.67; A philosophical lexicon..., с.34), однако нет доказательств, что это сочинение действительно принадлежит Ибн Сине.

⁸⁰ Для среднеперсидского ссылки на источники даются только для терминов редких.

⁸¹ В отличие от ср.-перс. anahastīh 'уничтожение сущего', ср. Afnan, A philosophical lexicon..., с.322.

⁸² E.D. Dhabhar, The Pahlavi Rivāyat accompanying the Dādi-stān-i Dīnk. Bombay, 1913.

⁸³ См. R. Zaehner, op.cit., с.391-392. Для абстрактных терминов с суффиксом =ī, ср.-перс. =īh существенны также стру-

ктурные соответствия: šigūnī 'качество' - ср.=перс. šigōnīh 'качество, природа' (маннх. š'wuyh=šēōnīh или šōnīh); kušāyī 'место' - kūyīh (Dd.LXXVI,14); šīšīzī 'оуть' - šēyīh (Джм II9, I65, 744, см. Zaehner, op. cit., с.286).

84 Например, Джм 293: ēd šiyōn dānīān abar hast būd wispr=iz sahmānōmand ud tuwān har andar šāyēd būdan šāyēd būd kanāragō-mand paydāg 'так, поскольку знание всецело ограничено относительно (того, что) есть (сейчас) и (что) было и (что есть в) потенции и всего, (что) возможно, то ясно, (что) возможное (также) ограничено', см.: Zaehner, op. cit., с.391-392.

86 См. перечень некоторых таких слов в работе: Holz, Grundriss der Neupersischen Etymologie, с.263-302.

87 См. также примеры, приведенные Му'ином (Luġāt=i fārsī..., с.11).

88 Mu'in, Luġāt=i fārsī..., с.10.

89 Mu'in, op. cit., с.10.

90 Afnan, A philosophical lexicon..., с.194-195, 200.

91 Ср. также andar ziyān uftāda 'находящийся посредине' (Рагһинийōй,45) - ар.vāqi' fi-l=vasaṭ.

92 Об эманации в философии Ибн Сины см.: L.Gardet, La pensée religieuse d'Avicenna. Paris, 1951, с.65; A.M.Goichon, La distinction de l'essence..., с.249-255; S.H.Nasr, An introduction to Islamic cosmological doctrine. Cambridge, 1964, с.212-213; Morewedge, The Metaphysica of Avicenna..., с.270-276.

93 См. А.Н.Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка..., с.83.

94 S.H.Nasr, The Persian works of Shaykh Al-Ishraq Shihab Al-Din Suhrawardi, - "Muslim world", XII, 1968, с.4 (цитируем по F.Morewedge, The Metaphysica..., с.293).

95 M.Mu'in, Luġāt=i fārsī..., с.15-38; ср. также Afnan, A philosophical lexicon..., passim; его же, Philosophical terminology..., с.69-124.

96 M.Mu'in, Luġāt=i fārsī..., с.10.

97 Там же.

98 Там же.

99 Там же.

IO0 О терминах *bināyī*, *bōyāyī*, *šinavāyī*, *šāšāyī*, *raziṛāyī* у Насир-и Хусрау, Газали и Кашани см. *Mu'in*, op. cit., с.23, 27.

IO1 *S.M.Afnan, A philosophical lexicon...*, с.65.

IO2 *Mu'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10.

IO3 *M.Mu'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10.

IO4 *M.Mu'in*, op. cit., с.10.

IO5 Термин *šigūnagī* отмечен также у Газали и Кашани, ср. *šūnī* в этом значении у Насир-и Хусрау, см. *Mu'in*, op. cit., с.24, 26, 29.

IO6 О сложнопроизводных словах этого типа см.: Л.С.Пейсков, *Очерки по словообразованию персидского языка*. М., 1973, с.77.

IO7 *M.Mu'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10.

IO8 *M.Mu'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10.

IO9 Там же.

IO10 Там же. Для семантической структуры *pisargar* ср. *sēbgarī* 'рождение яблока', *kuṇjīdgarī* 'рождение кунжута' в Джами' ад-хикматайн Насир-и Хусрау, см.: *Mu'in*, там же, с.24-25.

III *Mu'in, Luḡāt-i fārsī...*, с.10. Прилагательное *miyānagīn* представлено также в *Kitāb at-taḡḡīm* Беруни. Нет оснований считать, что *kanāragīn*, *miyānagīn* образованы посредством суффикса *=gīn* (см. ниже о *ḡāngīn*) или посредством **=agīn*. В ранневоперсидском суффикс *=īn* реализовывался в алломорфах *=īn* и (после гласного *=a*) *=gīn*; в современном персидском представлен, как правило, только *=īn*, поскольку этот суффикс избирательно сочетается лишь с основами с исходом на согласный (*ātašīn* 'пламенный') и гласные *=a*, *=u* (*rāīn* 'нижний, внизу; низ'; *rūīn* 'верхний, лицевой'), см. Л.С.Пейсков, *Очерки...*, с.73-75.

III2 См. употребление *=īn* для образования превосходной степени (*buzurgtarīn* 'наибольший').

III3 Прилагательные с алломорфом *=agīn*, обозначающие положительные ("приятные") свойства, в Дяниш-нама не представлены. О семантическом распределении алломорфов *=gīn* и *=agīn* см.: *A.Namāyūn-e Fārrux, Dastūr-i jāmi'iyi zabān-i fārsī, haft muja'llad dar yak jild. Tīhrān, 1337/1958, с.378-381; Пейсков,*

Очерки..., с.72-73.

II4 Ср. в классическом новоперсидском также *barōmand*, *dā-niōmand*, см.: С.Salemann, *Mittelpersisch*, - "Grundriss der Iranischen Philologie", Bd.I, Abt.1. Strassburg, 1895-1904, с.273.

II5 О суффиксе *-āna* и его алломорфах в современном персидском языке см.: Пейсигов, Очерки..., с.69-72.

II6 *bax'āst* как философский термин фигурирует также в *Джами' ал-хикматайн Насир=и Хусрау*, *čumbiš=i bax'āst* отмечено и у Афзал ад-дина Кашани, см.: *Mu'in, Luğāt=i fārsī...*, с.22,29.

II7 См.: F.Machalski, *Sur la productivité des suffixes déverbatifs des adjectifs en persan moderne*, - "Folia Orientalia", vol.11. Kraków, 1960, с.251; Т.Д.Чхеидзе, Именное словообразование в персидском языке. Тбилиси, 1969, с.100-108; Л.С.Пейсигов, Очерки..., с.98-106.

II8 *M.Mu'in, Luğāt=i fārsī...*, с.10.

II9 Там же.

I20 Там же, с.24-25; *Afnan, A philosophical lexicon...*, с.97, 124, 152.

I21 *Mu'in, Luğāt=i fārsī...*, с.10.

I22 Там же.

I23 Там же.

I24 Фактитивы с производными основами прошедшего времени на *-ān(I)de*: *amōzān(I)dan* 'учить' (Мет.,8); *gardānīdan* 'вращать' (Мет.,36; Лог.,162); *čumbānīdan* 'приводить в движение' (Мет., I25, I44, I46); *rayvandānīdan* 'соединять' (Физ.,97; Мет., I39); *fasurāndan* 'замораживать, покрывать льдом' (Физ.,78); *šināwāndan* 'знакомить' (Лог.,27).

I25 См.: S.Telegdi, *Nature et fonction des périphrases verbales dites "verbes composés" en persan*, - "Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", t.I, fasc.2-3, 1951, сс.315-338, Д.А.Рубинчик, Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов, - "Индийская и иранская филология. Вопросы лексики". М., 1971, с.170-183; его же, Сложный глагол в персидском языке - слово или фразеологизм?, - "Вопросы фразеологии", У, ч.П (Труды Самаркандского Гос. Университета им. А.Навои, Новая серия, вып.219). Самарканд, 1972, с.35-41.

I26 Там же у Афзал ад-дина Кашани, см.: *Mu'in, Luğāt=i*

fārsī..., с.27.

I27 Этот термин и в Джайми⁴ ал-хикматайн Насир=и Хусрау, см.: Mu'In, Luġāt=i fārsī..., с.23.

I28 Так же в Зад ал-мусафирин Насир=и Хусрау, см: Mu'In, Luġāt=i fārsī..., с.23. Ср. другие термины=причастия у Насир=и Хусрау: baṣānanda 'существующий, действительный'; ravanda 'передвигающийся'.

I29 Mu'In, Luġāt=i fārsī..., с.22.

I30 Ср. также andarakašanda 'притягивающий', baršavanda 'возвышающийся' у Насир=и Хусрау, см.: Mu'In, op. cit., с.24.

I31 Mu'In, op. cit., с.10.

I32 Термин употребляется также у Насир=и Хусрау и Афзал ад-дина Кашани, см.: Mu'In, op. cit., с.23, 27.

I33 Mu'In, op. cit., с.28.

I34 Там же, сс.22, 27.

I35 Ср. yafta 'существующий' у Газали, см.: Mu'In, op. cit., с.26.

I36 Традиционные обозначения таких причастий как "долженствования" или "будущего времени" для ранненовоперсидского не точны; о их значении см.: Lazard, La langue..., с.354.

I37 О причастиях на =ānī в философских сочинениях современников Ибн Сины и позднейших авторов см.: Mu'In, op. cit., с.17, 22-23.

I38 Mu'In, Luġāt=i fārsī..., с.10.

I39 G.Lazard, La langue..., с.350-351, 355; Л.С.Пейсигов, Очерки..., с.128-129.

I40 nihād в этом значении также у Насир=и Хусрау и Кашани, см.: Mu'In, op. cit., с.23, 28.

I41 См. Mu'In, Luġāt=i fārsī..., с.25-38; S.M.Afnan, Philosophical terminology..., с.74-85, 91-124.

Подписано к печати 08.01.81. Д-08409.
Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,5.
Усл. кр.-отг. 10,375. Тир. 150 экз.
Зак. 30. Цена 1р. 60к.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Цена 1 р. 60 к.